

Галина Щербова

Система случайностей

этюды о стихосложении

Москва
КРУГЪ
2018

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
Щ61

Щербова, Галина.

Щ61 **Система случайностей**. М.: Кругъ. 2018. – 256 с.

ISBN 978-5-7396-0428-6

Книга «Система случайностей» поэта и прозаика Галины Щербовой является уникальным литературоведческим документом, раскрывающим механизмы поэтического мышления – возникновения ритмизованной строки, ключевого слова, пробуждения смыслов. Автором проанализировано около ста собственных стихотворений, каждое из которых имеет свою историю. Стихи возникают спонтанно, как отклик на яркое впечатление. Часто в основании такого отклика конкретное имя. Классика или современника, литератора или представителя других видов искусства, людей известных и ещё только приобретающих известность. В книге встречаются десятки имён, составляющих круг творческого общения автора или являющихся его ориентирами. Среди них Иннокентий Анненский, Даниил Андреев, Арсений Тарковский, Марина Цветаева, Михаил Булгаков, Валерий Брюсов, Белла Ахмадулина, Владимир Бурич, Алексей Королёв, Евгений Евтушенко, Иммануил Кант, Карло Леви, Максим Рыльский, Ганс-Христиан Андерсен, Густав Климт, Виктор Борисов-Мусатов, Александр Матвеев, Даниэль Митлянский, Матвей Манизер, Алексей Шусев, Ле Корбюзье, Борис Мессерер, Владислав Артёмов, Ирина Горпенко-Мягкова, Борис Н. Романов, Леонид Бежин, Владимир Микушевич, Вадим Рабинович, Екатерина М. Шевченко, Виталий Бабенко, Александр Е. Суворов, Станислав Лесневский, Евгений Потупов, Сергей Нещеретов и многие другие.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-7396-0428-6

© Г. Щербова, 2018

ОТ АВТОРА

Открытия и прозрения перестают быть отдельными и случайными, а ухватываются друг за друга и становятся системой.

Валентин Курбатов. Пушкин на каждый день

Стихи явление безответственное. Стихи своевольны и бесцеремонны. На них никак нельзя полагаться. Их невозможно запланировать. Сами приходят и принуждают написать их. Или не приходят. Всё – на волю случая. Истории стихов всегда начинаются со случайности.

Работа над стихотворением не оканчивается после его написания, после его публикации. Поэт чуток к несовершенству своего, вроде бы, готового детища и никогда не оставляет надежду прийти к абсолютному решению. В истории поэзии нередки случаи, когда автор возвращался к старому стихотворению через десятки лет, давая ему новое дыхание, как того потребовало творческое чутьё. Работа заканчивается, когда в итоговой редакции уже ничто не вызывает неудовлетворённости, и стихотворение словно замыкается в себе, не допуская вмешательства.

Истории стихов очень разные, но схожи в одном – в них действуют мощные силы взаимного притяжения – стремление поэта к угадываемой цели и встречное желание носящейся в воздухе темы обрести звучание. А в остальном пути сочинительства неповторимы и неисповедимы, как всегда в искусстве. Ведь истинное искусство – создание уникального. Искусство заключается в том, чтобы «дать неслучившемуся произойти», как очень точно определил поэт Максим Гресько. Шаблонов нет и нет общего порядка работы, который бы повторялся в виде некоей последовательности действий. Всё – стихия, игра, тропа впотьмах с проблесками-об-

манами, где существует только один ориентир – то самое, не оформившееся в слова мгновение, которое надо остановить. К нему устремлены творческие и физические силы – к стоящему перед глазами, осязаемому, обоняемому, ощущаемому всеми фибрами, но неназванному. Нестерпимо хочется назвать!

Каждый поэт встречается со стихотворением и работает над ним по-своему. Бывает, оно возникает легко, бывает – в результате мучительных трудов. Но иногда вдруг является идеальное решение, до которого никогда не дойти своим умом, – помощь свыше, счастливая случайность. Никто не может сказать, откуда приходит подсказка, но каждый поэт помнит, как и когда это случилось и увенчало труд изящным ярким открытием. Художественное впечатление ещё только начинает выкристаллизовываться в стихотворение, а счастливая случайность уже присутствует в нём, ниоткуда является первая ритмизованная строка, как «одобрительное похлопывание по щиткам». И если шаг за шагом проследить путь создания стихотворения, проявляется закономерность – система случайностей.

Память представляет собой картотеку художественных воспоминаний. Какие-то из них стали стихотворениями, какие-то нет, но те, что превратились в стихи, не только вобрали в себя концентрат впечатления или события, но и отформатировали его, сбросив балласт поверхностного. Стихотворение – архивная карточка памяти. На ней записано остановившееся мгновение. Прекрасное или ужасное, но оно незабываемо и каждый раз, стоит прикоснуться к карточке, переживается заново. Поэтому в книге важны даты. Хронологический ряд стихов – зашифрованный дневник, здесь играет роль даже время суток. Отступление допущено лишь в тех главах, где стихи расположены, исходя из контекста, внутри которого находятся.

Понимание поэзии, способность оценить чужие и свои стихи, осмысленно работать над их усовершенствованием сформировалось у автора этой книги под влиянием Бориса Николаевича Романова – поэта, прозаика, переводчика и ли-

тературоведа. Осознанная работа над каждым стихотворением пробудила желание фиксировать её этапы. Записи о рождении стихотворения представляют собой лот, показывающий реальные глубины, из которых оно выужено. Первые истории стихов возникли в процессе работы над романом «Картинки и стишки» (2003), где в отдельных эпизодах рассказывается как о событии, подтолкнувшем к стихотворению, так и о процессе написания. С 2010 года записи историй становятся регулярными, одновременно возникает идея такой книги.

В историях стихов самое главное – механизмы возникновения замысла, ключевого слова, ритмизованной строки, пробуждения смыслов. Даже черновики и варианты не могут дать полной картины мыслительной работы, огромная часть которой проходит, не отражаясь на бумаге. Игра словами, оперирование понятиями, поиски звучания остаются за пределами возможной фиксации и истаивают, когда складывается итоговая версия. Написав новое стихотворение, поэт помнит процесс его создания до мельчайших подробностей. Но вот оно начинает существовать в законченной форме, и из сознания немедленно удаляются этапы извлечения итога. Всегда помнится исходное художественное впечатление, от каких строк, как от трамплина, оттолкнулся замысел. Но как одно слово заменялось другим, как подбирались рифмы – вся эта суетливая и нервная кухня компоновки и перестановки – забывается. Если записать ход работы сразу, сохранится много нюансов и тонкостей, которые уже не восстановить через год, даже через месяц.

Критерием отбора стихов для этой книги было наличие точно записанной интересной истории, а не художественное достоинство стихотворения. Отсюда состав стихов не ровный. Ничего удивительного. Поэту даны не беспредельные способности, он, действительно, пишет, как дышит, – Окуджава полностью прав. Единственная обязанность поэта – не ронять уровень, соответствовать планке таланта. Не каждое стихотворение оказывается лучшим. Не всегда удаётся найти достойную

идею, каким образом обработать тему. Стихотворение существует, авторского удовлетворения нет, но тема исчерпана, повторно возвращаться к ней невозможно. Однако не исключено, что когда-нибудь она сможет обрести другое воплощение.

Биографии стихов – изнанка души поэта. Но факты его жизни, которые можно положить под строки и попытаться что-то узнать о нём, в историях стихов вторичны и не могут рассматриваться как строго биографические. Порой то, чему в границах творческого сознания было разрешено произойти, столь убедительно, что становится неотъемлемой частью биографии автора, и он сам начинает задумываться: что было реальностью, а что выдумано или домыслено им? Бывает и так, что художественное впечатление извлекается не из личного опыта, а из чьего-то рассказа, который запечатлевается в образах и тоже ложится в картотеку, хотя и не является достоянием личной биографии, но достоверность деталей и точность, с которой в стихотворении передано настроение, вызывают иллюзию, что впечатление получено непосредственно автором.

В литературоведении восстановление истории стихотворения обычное явление. А поэты молчат о мотивах своих стихов. История даже маленького неудавшегося стишка бесценна, как факт соприкосновения с непознанным, дивную подсказку которого в этом конкретном случае не удалось использовать, – именно об этом говорит Владимир Высоцкий: «Разбег, толчок, и стыдно подниматься». Рассказывая о том, как написаны мои стихи, я следую собственному постулату, который сложился в верлибр:

нельзя рассказывать всю правду о людях
нельзя рассказывать всю правду о стихах
нельзя рассказывать всю правду обо всём
у чего есть душа

Поэт и человек не равенство, а противоречие. Жизненная и поэтическая реальности не совпадают настолько, насколько не

совпадают несовершенная обыденность и полёт фантазии, подталкивающий к художественной обработке реальности и созданию из неё совершенства. Поэт всегда увлечён кем-то, пишет о своей увлечённости и обо всём, что видит пристрастными глазами. Реальные люди, наряду с прочими созданиями природы, со стихиями, становятся «объектами поэтического отклика» – понятие ввёл Ле Корбюзье. Если поэт не влюблён, его взгляд обращён в себя. Это пустое время для поэзии.

Стихотворение – одна яркая краткая судьба. Вспышка вероятности. Заявление некоего категорического убеждения, которое зачастую правомочно только в границах данного стихотворения. Другое мгновение – другая судьба. Если поэту удалось точно закодировать в стихах своё художественное впечатление, то, раскодированное читателем, оно будет им воспринято точно так же. В этом смысл поэзии – не пересказать чувства, а вызвать их.

2018

Москва



Глава 1

ИСТОРИИ СТИХОВ

возникновение стихотворения из случайных слов, строк, совпадений чудо, невозможно объяснить чудо, но можно проследить хронологию событий, раздумий, действий, которые к чуду привели

ДЕТСКИЙ СОН

В пространстве цвета чая с молоком
дороги синусоида повисла
безмерностью непознанного смысла,
смутив сиянье прахом и песком.

И вторя всплескам замершей волны,
летит мой обруч, делаясь всё глаже,
над рябью иллюзорного пейзажа
до горизонта мёртвой тишины.

Сквозь призрачного света канифоль
я проницаю спуска совершенство,
и сладость несказанного блаженства
слезами не исчерпывает боль.

Но склон уже коробит, он разбит.
Мой обруч смят. Отчаянье! Досада!
В слезах молю: «Не упади, не надо!»
Тревога сердце молотом дробит.

Остатки сна трепещут под виском.
Трепещут веки. Слезы горстью градин.
Нет неги спусков, нет удушья впадин.
Есть мама с чашкой чая с молоком.

14 апреля 1993, ред. 2011, 2017

Сон о дороге мне впервые приснился примерно в пять лет. Я уже свободно говорила, гуляла во дворе, состязаясь в ловкости с мальчишками, но была человеком, ещё очень недалеко отстоящим от младенца. Сон был цвета бледного чая. Пустынный бескрайний ландшафт в желтоватой дымке. В недвижных расплывчатых слоях белёсого тумана местами чудятся силуэты, то ли кустов, то ли очертаний холмов или островов. Вдаль, так, что не видно конца, чередой подъёмов и впадин уходит грунтовая дорога, как гигантская синусоида, висящая в пространстве. Я стою на вершине подъёма и с высоты озираю иллюзорный пейзаж. Только два факта даны мне в ощущениях: «я стою» и «я вижу». У меня в руке металлический прутик, у ноги на ребре стоит обруч. Всё неподвижно. Глубокая тишина сохраняется на протяжении всего сна. Обруч трогается с места. Миг осознаётся как нарушение неподвижности. Сначала едва заметно, потом быстрее обруч начинает катиться, превращаясь в сплошной светлый диск. Ребро становится тонким и идеально соприкасается с поверхностью дороги, тоже ставшей идеально гладкой. Если бы не приближающаяся низина, невозможно было бы поверить в движение. Ни скачков, ни колебаний, только всё нарастающий, слитный с дорогой стремительный полёт светящегося матово-белого диска. Я следую за ним, но не бегу, а словно лечу рядом, упиваясь совершенством происходящего. Во мне разрастается восторг, я изнемогаю от счастья. Но восторг продолжает нарастать, выходит за грань реальности, и я отчётливо сознаю, что в предельном его значении я умру от наслаждения, которое не в силах пережить. Наклонная плоскость дороги, приближаясь к седловине, становится положе. Меняется качество склона, его словно коробит изнутри. Полотно в выбоинах, колдобинах, колеях. Я отчётливо вижу все уровни тотальной неровности от глубоких борозд до изъязвлённой карстами структуры полотна. Диск искривляется на глазах, превращаясь в покорёженный детский обруч, который безобразно вихляет из стороны в сторону, едва держит равновесие. Во мне

зарождается страх, он разрастается так же катастрофически быстро, как меняется вся картина, и перерастает в ужас. Обруч медленно катится, спотыкаясь. Всякий раз, когда он оказывается на грани падения, я испытываю смертную тоску, заливаюсь слезами отчаяния, потому что убеждена: обруч ни в коем случае не должен упасть! Мука нестерпима. И тут в движении появляется слабый поступательный импульс. Бег укоряется. Дорога выравнивается до шёлковой гладкости. Уже не обруч, а светлый диск летит по ней. И одновременно во мне разрастается восхищение от совершенства скольжения. Оно растёт, переходит рубеж человеческих возможностей и продолжает расти, разрывая счастьем душу. Я заливаюсь восторженными слезами. Мука блаженства многократно превышает все возможные значения. И снова всё повторяется. И снова. Во сне я проходила несколько взлётов и падений, пока не просыпалась от рыданий. Никогда в жизни я не испытывала чувств такой колоссальной силы. Ни один образ из сна никогда не встречался мне в жизни, кроме обруча и прутика. Сон был исчерпывающе лаконичен и одновременно значителен. Ни одной лишней детали. Он повторялся всегда одинаково и перестал сниться, когда прочно закрепился в памяти. Стихотворение о нём, написанное 14 апреля 1993, было слабым, я не публиковала его:

Синусоидой впадин и аналогичных подъёмов
пролегает дорога как волнообразный хребет.
Из-под ног не спеша, словно обруч в забаве знакомой,
светлый диск, увлекая меня, начинает бесшумный разбег.

Неподвижность с безмолвием это скольжение лелеют.
Идеальны поверхность дороги и матовый абрис ребра.
Нет сейчас ничего совершенней, чем слитность стремленья.
И растущий восторг переходит реальности грань.

Но уже появились помехи, рождая досаду.
Склон коробят колдобины, диск безобразно разбит.
Замедляясь, вихляет. Держать равновесие надо!
Мысль, что он упадет, прессом ужаса сердце дробит.

Вот, на пике отчаянья, в схватках борьбы непритворной
 пробуждается скорость, вскрывая возможностей пласт.
 Трасса глаже и глаже. Диск медленно лепится в форму.
 И опять плавный бег. И опять вдохновенья экстаз.

Свет стоит, будто взвесь и коричнево-белые краски
 Как на выцветшем фото рисуют пустынный пейзаж,
 Где на волнах дороги, тасуя предельные страсти,
 человеческий слепок качает старуха-душа.

Через восемнадцать лет я его переписала. Это редкий пример, когда одна и та же тема нашла два воплощения. Обычно, как бы ни была несовершенна форма, в которую облечена тема, сломать и подойти к ней заново не удаётся. Здесь изменился ритм, изменилось содержание. Закольцована тема «чая с молоком» от феерического пространства сна до утреннего напитка. Явилась мама, утешение, умиротворяющее стихию. Стихотворение стало концентрированным, структурированным. Осталась неудачная строка с пафосными восклицаниями «О горе! О досада!», из которой я в итоге удалила театральные «О!», сделав «Отчаянье! Досада!». Но всё равно, слово «досада» слабо в сравнении с той запредельной тоской, которую необходимо передать. Отсюда ощущение недоделанности, потребность редактирования. Пока оставлен рабочий вариант.

Опубликовано*: 22 (2013. № 2); 7; 9; 20 (2018. № 267).

* Здесь и далее ссылки на перечень публикаций автора см.: С. 250–251.

«А ОСЕНИ К ЛИЦУ БЕСШУМНЫЙ ДОЖДЬ...»

А осени к лицу бесшумный дождь,
 цветные отражения в асфальте.
 Слепые дни, бросающие в дрожь,
 идут навстречу, растопырив пальцы,
 неотвратимо и не торопясь.
 От них ни отвернуть, ни отдалиться.
 Тумана неотчётливая бязь
 кладёт печать холодности на лица.

7 сентября 1993 – ред. 2014

Одно из первых стихотворений. Написано было быстро с выразительными акцентами, за счёт которых накапливалось ощущение остывания. В первоначальном варианте к словам «в асфальте» была рифма «с лип снимают скальпы», что перекликалось с текстом песни Вадима Егорова: «осень огненный парик / срывает ливневыми лапами». Стихотворение было переработано, в первую очередь, из-за неточных рифм. «Скальпы» ушли из него вместе с неплохим образом тумана, который строился на игре словами: «и, пораскинув каплями ума, / ложится снегом на цветном матрасе».

Опубликовано: 1.

«СЛУЧАЙНО ПОДСЛУШАЮ, ЧТО ЗАЛИВАЮТ ДОЖДИ...»

Случайно подслушаю, что заливают дожди,
потом догадаюсь, о чём завывали метели,
с чего соловьи в эмиграции осоловели,
какое зерно пробудилось в сугробах груди,
что носится в воздухе. Окна в туман распахну,
сама нараспашку, авось не прихватит простуда,
и оторопею. Зелёные листья, как чудо.
Опять опоздала, опять прозевала весну!

28 февраля 1994, ред. 2009

История записана 18 ноября 2014 года. Стихотворение неоднократно редактировалось, однако «ядро личности» осталось без изменений. Последние строки звучали так:

Без стука ворвусь в равновесие действий земных,
пустой суетой нарушая серьёзные планы.
И сколько бы ни было их претворение плавным,
конечно, опять опоздаю к приходу весны.

Миг появления листьев – рубеж, когда невольно думаешь, что было же время всё успеть и выйти к весне свободным, с новыми прекрасными перспективами, без застарелых недоделок и долгов. И вот – листья за окном! А у тебя всё то же... Обыгрыва-

ются идиомы и сложившиеся словосочетания, что способствует естественности речи – мастерство, которым в совершенстве владел поэт Алексей Королёв. Работая в 2014 году над книгой-билингвой (не издана), я давала пояснения переводчику:

– «что заливают дожди» – с одной стороны – буквально льют, с другой – заливать, значит, врать: «ну, ты заливаешь!». Кроме того, «лить воду» – писать много лишнего;

– «о чём завывали метели» – с предельной напряжённостью использована сила слова «выть», банальное словосочетание «завывают метели» возведено до горестного оплакивания;

– «соловьи ... осоловели» – пришли в расслабленное состояние блаженной заторможенности, ирония, игра словами;

– «носится в воздухе» – формула, обозначающая близость каких-то новых значительных событий, отсюда следующие строки:

– «окна ... распахну ... сама нараспашку» – двойное распахивание навстречу тому, что носится в воздухе, – бесшабашная готовность кинуться навстречу, туман работает на острый контраст горячего открытого тела и зимнего остаточного холода, создаёт физически ощутимую зябкость;

– «авось не прихватит простуда» – строка ради рифмы к «чудо»;

– «оторопею» – идеальное слово, отражающее смешение противоречивых чувств: изумлюсь и растеряюсь одновременно;

– «опять прозевала весну» – итоговый вывод, несколько прямолинейная констатация в духе Козьмы Пруткова, но всё же банальное слово «весна» оправдано предшествующей рифмой «распахну», из которой не ясно поначалу, куда клонит стихотворение, и вывод оборачивается неожиданным.

Стихотворение нахожу удачным. Удалось передать суть кратко, внятным языком, используя конструкцию из многозначных составляющих.

Опубликовано: 23 (2009. № 8); 2; 5.

«Я ПЕСТУЮ СТИХИ, КАК РИМСКАЯ ВОЛЧИЦА...»

Я пестую стихи, как римская волчица
младенцев-близнецов. Вылизываю их,
лелею и храню. Любовь моя лучится.
Любовью озарён и самый малый стих.

Чего греха таить, во всём другом инертна,
ленива, но молю без устали, без сна:
пусть деньги, слава, власть придут ко мне посмертно,
и лишь одна любовь при жизни мне нужна.

9 февраля 1996, ред. 2010

Даже не отредактировала, а отреставрировала в 2010 году старое, откровенно умозрительное стихотворение, всё в нём было сказано общими словами: я встречаю мои стихи на пороге, ночью, и за спиной у меня стоит любовь, которая светит им, как маяк. Старая версия:

Когда мои стихи глубокими ночами
впускаю в дом, и он уже во сне затих,
за мной любовь стоит, пространство освещая,
иначе им сюда не отыскать пути.

Упрямую мольбу я шлю с попутным ветром.
И знают голос мой и Бог, и сатана:

пусть деньги, слава, власть придут ко мне посмертно
и лишь одна любовь при жизни мне нужна.

Убирая лишнее, уничтожила рифму «лица – лучится». Но «лучится» мне нравилось, я стала искать к нему другую рифму, к примеру, «горчица», вертела так и сяк, но ничего с ней не смогла создать. Придумала «волчица». Это была удача – та самая счастливая случайность – поворотный момент в работе. Поставила волчицу, размышляя, как её обыграть? Припомнила римскую волчицу, прописала в ритме: «как римская волчица». Далее немедленно: «Я пестую стихи, как римская волчица». Получилась отличная острая строка, требующая убедительного продолжения. Следовало его создать. Римская волчица пестовала Ромула и Рэма, которые никак во вторую строку не вмещались. Тогда: братья, близнецы, младенцы... Вышло: «младенцев-близнецов». Аналогия простая – «вылизываю их». Собственно, здесь стихотворение и сложилось. Во второй строфе проблемой было слово «посмертно», которое я не хотела ни заменять, ни перемещать. Поэтому взяла в рифму столь же неудобное слово «инертна». Не вполне удовлетворяющее меня, но единственно возможное. В таком виде причесала вторую строфу, с удовольствием используя устойчивое выражение «чего греха таить», придав свободы, внятности. В результате во второй строфе проклюнулась ненавязчивая самоирония, помогающая преодолеть наукообразное «инертна» и ритуальное «посмертно».

Опубликовано: 4.

ОБРАЗ СЧАСТЬЯ

В привольных полях превалировал клевер.
Трещала жара в камышах.
Не знаю, на юг, на восток или север
мы шли по тропе, не спеша.

Мы жались под бок разогретого бора,
где тень максимальной длины.
Ты шёл впереди. Я смотрела упорно
на блик загорелой спины.

Ты вёл за собою, безлик и неведом,
и только безмерно любим.
Я шла, зачарованно следуя следу,
сжимая поникший люпин.

Над безднами всех промежуточных стадий
парило в жаре голубой
сознание, что я, всё идущая сзади,
безмерно любима тобой.

22 февраля 1997, ред. 2005

Написано под впечатлением от сна. В 1992 году летом была в Латвии у друзей. Днём прилегла на кровать в просторном

коридоре старинного деревянного дома и заснула. Проснулась в слезах. Долго лежала, накрывшись с головой, бессильная, заплаканная. Человек, за которым я шла во сне, не оборачивался ко мне лицом. Он никогда не встречался мне в жизни. Взаимность такой нечеловеческой силы мне никогда не доводилось испытать. Первая строка построена на переливчатом ворковании «превалировал клевер». Я продолжила звучание словами «в привольных полях». Стихотворение настойчиво требовало названия. Первое, «Дневной сон», не отражало безмерной глубины содержания. Итоговое, «Образ счастья», могло быть и «Образом веры», такая сила любви и доверия возможна только по отношению к Богу.

Сон вошёл в рассказ «На синей траве», 1997 (не опубликован): «...Майя легла на скрипучую кровать... Зелёное жаркое поле полого восходило к горизонту и таяло там. Пыльная разъезженная просёлочная дорога, сделав в углу поля поворот, шла вдоль леса, так же поднимаясь к горизонту. Лес не имел конца, а только край, к которому жалась раскалённая дорога, но не находила тени. Майя поднималась по дороге, оставляя лес по правую руку. Впереди шёл мужчина, голый по пояс, в рабочих штанах, закатанных до колен. Его загорелая спина, мокрая от пота, блестела на солнце. Майя, не отрываясь, смотрела на блик. Она не видела лица мужчины и не знала кто он. Она шла за ним, влекомая одним единственным чувством – любовью. Лаконизм окружения был всего лишь оформлением законченного в своем великолепии чувства. Но самое главное заключалось в том, что человек, шедший впереди, любил её так же. Майя не сомневалась в этом. Громадной силы взаимность связывала их, идущих друг за другом по полуденной летней дороге между полем и лесом. Мерный шаг, непоколебимый покой и абсолютная вера слагались в неземное блаженство, которое не способен вынести человек».

Опубликовано: 1; 23 (2012. № 3).

«Я УЗНАЮ У ВАС МОЙ ВЗГЛЯД...»

Я узнаю у вас мой взгляд.
 Откуда он у вас? В чём дело?
 Вопросов огненные стрелы
 разоблачение сулят.
 Но ангел встанет за плечом,
 внушая от небесной рати:
 «Понять – не значит ли утратить?..»
 Не признавайтесь мне ни в чём!

1 июня 1997, ред. 2018

Первая несовершенная версия этого стихотворения появилась в период учёбы в ИЖЛТ, под впечатлением от семинаров прозы, которые вёл ректор института, писатель Леонид Евгеньевич Бежин. Семинары проходили в большом зале на первом этаже. Бежин сидел на возвышении за кафедрой, студенты рассаживались на стульях у её подножья и писали задания. Подняв в задумчивости голову, можно было поймать неожиданно острый серьёзный взгляд с кафедры, который потом долго тревожил.

Замечательными в стихотворении были первая строка и две последние. Они возникли и намертво встали на свои места. Учитывая, что в них сошлись и замысел, и идея, и вывод, – про-

чие строки я набросала кое-как, и в таком незаконченном сыром виде стихотворение оставалось два десятка лет. Готовя эту книгу, размышляя о том, сколь многим в своём образовании я обязана моим педагогам, я вспомнила об этом стихотворении и доработала его. Главные усилия пришлись на рифмовку, ради которой изменилась вторая строка, первоначально «Откуда он у вас? Признайтесь». Рифма «взгляд – сулят» была мне дорога, я ни за что не хотела с ней расстаться, работа над первыми четырьмя строками шла с этим условием.

Примерно то же происходило во второй половине стихотворения, где важно было оставить в целостности предпоследнюю строку с проблемной рифмой к слову «утратить». Первоначально было: «но зов рассудка многократен: / понять – не значит ли утратить?». В итоговой редакции рифма опять же несовершенна, но позволила уйти от механистичности «зов рассудка» и освятить подсказку, давая её от лица всей небесной рати, благосклонно наблюдающей за течением семинара. В словосочетании «небесная рать» таится мягкая ирония, чуть меняющая общее настроение стихотворения от внутреннего монолога к взгляду на всё со стороны.

В тексте много энергичных знаков – вопросительных, восклицательных, которые подчёркивают резкие перепады настроения. История записана 19 января 2018 года во время подготовки данной книги и редактирования стихотворения.

Не публиковалось.

ГЕНИЙ

Он шёл один, втыкая палку в снег,
решительно выбрасывая ноги.
На силуэт красавицы в окне
не оглянулся, сумрачный и строгий.

Метель в него метала иглы льда.
Снежинки жгли сиянием подкрылков.
Но сказочно седая борода
не таяла от их касаний пыльных.

Судьба пришла на глаз его огни.
Он прямо встретил взгляд её мгновенный,
но не узнал и, молча отстранив,
ушел её искать во тьму вселенной.

26 ноября 1998, ред. 2018

К стихотворению этому я возвращалась многократно, последний раз пыталась с ним что-то сделать в 2012 году, но так и не довела до состояния, достойного публикации. Вначале оно имело четыре строфы. В итоге была исключена пафосная, искусственная и избыточно многозначительная строфа, первоначально вторая по счёту.

Невозмутимо ясное чело,
вбирая технологию пространства,
как некий вектор времени плыло,
среди гримас истерики и транса.

Настроение создаётся путём пересказа, перечисления того, что видим. Настойчиво подчёркивается направленность движения. Поэтому важно было слово «вектор», к сожалению, исключённое со строфой. Используются слова, усиливающие решимость и непреклонность. Упрямому движению человека противостоит встречное движение стихий. Находкой является игра словами «снежинки жгли ... / ... борода / не таяла от их касаний пыльных», что дополнительно усиливает непреклонность личности, её устойчивость против любого нажима.

Много неточных рифм. Редактируя, я мало что смогла изменить. Из «метель мела навстречу, как всегда» – с пустым бессодержательным «как всегда» – сделала «метель в него метала иглы льда», где хорошо созвучие «метель – метала» и острее препятствие – «иглы». Название «Гений» возникло вместе с первыми двумя строками. Стихотворение ценно тем, что в нём запечатлён точный портрет поэта Владимира Борисовича Микушевича, преподавателя ИЖЛТ, славившегося своими фантастически яркими лекциями по литературе, религии, философии. Студенты боготворили его, боялись его оценок, трепетали перед эрудицией, феноменальной памятью, смелой оригинальностью выводов. Его одобрение было равнозначно путёвке в литературную жизнь. Первой моей студенческой работой, получившей высокую оценку Микушевича, было эссе на тему «Нищенство».

История записана 19 января 2018 года во время подготовки данной книги. Любопытно, что, исследуя это стихотворение, я невольно воспринимала его как написанное другим поэтом.

Не публиковалось.

МАЛЕНЬКИЙ ПРИНЦ

Я по ступеням пыльным поднимусь,
услышав тонкий голос с антресоли.
Со странным чувством нежности и боли
послушно руку протяну ему

и загляну в прозрачные черты
в немом восторге быть необходимой
тому, кто волей неисповедимой
сошёл с высот, но в страхе высоты.

Он примет помощь с царственным кивком,
даруя взгляд небесного помола,
и мы пройдем от потолка до пола
торжественно, достойно и легко.

21 февраля 1999, ред. 2006

В 1990-х годах была в мастерской скульптора Даниэля Митлянского. Собралось шумное дружеское общество – человек двадцать с детьми и внуками, были мои родители, был мой брат с шестилетним сыном. Огромная мастерская находилась в первом этаже, имела высокие потолки и пыльные витражные окна. Её наполняло огромное количество предметов искусства и быта, которые давно выяснили между собой отношения и сме-

шались в единую братскую семью. Выделялись две огромные вещи: четырёхметровый пластилиновый ангел, над которым в это время работал скульптор, и круглый старинный стол, покрытый весёленькой ситцевой скатертью. Когда её расстлали для застолья, из неё летели клубы пыли.

Стихотворение выросло из памяти об этом посещении. В мастерской была антресоль, где располагалась лежанка скульптора, рядом лампа, навалены книги. Перед лежанкой телевизор. Отсюда скульптору был виден только пластилиновый ангел. Деревянная лестница на антресоль узкая, ступени разной высоты, перила липкие от пластилина. Будто ангел захаживал наверх поспать на постели. Мастерская детально описана мной в рассказе «Ближняя» (2001 г., не опубликован).

Пока взрослые были заняты застольем, маленький мальчик легко вскарабкался по крутой лестнице и тихо играл там. Случайно подняв глаза, я заметила его, стоящего в нерешительности на верхней ступеньке. Подойдя, спросила, не хочет ли он спуститься? Он кивнул. Я не выясняла, почему он не спускается сам. Он тоже не касался этой темы. Просто я поднялась к нему, взяла за руку, и мы непринуждённо спустились вниз. Он был белоголовый, голубоглазый, очень серьёзный.

Это одно из ранних стихотворений, поэтому помнится только событие, а механизм поэтической работы уже не восстановить. Единственное, что можно сказать, – стихотворение многократно редактировалось и окончательный вид получило в процессе подготовки первой книги стихов «Просто» (2006). Название – параллель с героем повести Экзюпери.

Опубликовано: 1.

ФРАНЦУЗСКИЕ ПЕТУШКИ

От книжных полок сладкий запах пыли
и пересохшей кожи переплётков.
На предпоследней несколько альбомов
с беспечным беспорядком детских марок.
Мы выросли и вдруг о них забыли.
И много лет никто не достаёт их.
Я, заблудившись в дальних странах дома,
достану кляссер, матери подарок.
В цветном переплетенье тонких линий,
и водных знаков, и краёв зубчатых,
подавшись мимолётному капризу,
двух петушков найду и выйду к свету.
Один зелёный, и такой же синий
с размытыми сегментами печатей.
На них косое солнце светит снизу.
Закатное, а было ведь рассветным.

28 апреля 1999, ред. 2006, 2012, 2016, 2017

Написано по заданию, которое дал Вадим Рабинович на семинаре в ИЖЛТ. Вообще много стихотворений и прозаических произведений в конце 1990-х годов были написаны в ре-

зультате выполнения какого-либо учебного задания. О создании этого стихотворения есть несколько дневниковых записей.

10.05.99 г. Прочла у Рабиновича своих «Французских петушков». Все вежливо промолчали. Рабинович сказал: «Ну, мы сегодня это разбирать не будем...» И перешёл к другой теме. Я подумала: «Значит, плохие петушки». Но потом подумала, что не может быть, ведь мне они нравятся, видно, их не поняли, хотя не надо отрицать и версию, что петушки просто плохи. Подумала, что, наверное, рифма через такие большие расстояния не слышна. Её не услышали и восприняли как белый стих. То есть, её почуяли и насторожились, но не услышали явно.

22.05.99 г. Катя Шевченко сказала мне: «Ты так хорошо написала про петушков, ты лучше всех написала». И я ответила ей: «Это марки, я тебе покажу, кажется, они и сейчас со мной. Я нашла их, когда задумалась о петушках». И показала ей марки, они лежали у меня в кошельке в кусочке кальки. Она долго рассматривала их и сказала: «...У меня тоже были такие марки. Это очень нежно...» Когда я читала этот стих второй раз у Рабиновича, он тоже меня хвалил.

Здесь речь идёт о первой редакции стихотворения, которое в целом сохранилось. Другими были две последние строки первой строфы и две итоговые.

Всё строилось по любимой мной неявной рифмованной системе, когда рифма долго ждёт ответа, и уже кажется, что это верлибр, а потом, как лепестки цветка, один за другим раскрываются рифмованные отзвуки. Но здесь всё шло на неточных рифмах, и я постоянно редактировала. Весной 2016-го опять взялась за него. Последняя строка первой строфы «сниму альбом. Он хрустнет клеём старым» создавала настроение, очень точно звучало «хрустнет клеём», но всё портила плохая рифма «марок – старым». Заменяла на «подарок», используя хорошее тематическое слово из филателии «кляссер». Строка «...А я не помню адреса с конвертов» и вариант: «Они ведь мной отмочены с кон-

вертов», – тоже подверглась правке. Я взяла первое попавшееся «свету – рассвету», хуже невозможно. Но тут подумала, что низкое солнце может быть и закатным... Эта мысль стала счастливой случайностью, столь необходимой в поэзии. Немедленно, хоть и снова на неточной рифме «свету – рассветным», выстроилась интрига: время обрело протяжённость в масштабе жизни, от её рассвета до её заката. К сожалению, ушло актуальное слово «отмочены», известное любому филателисту. Готовя эту книгу, я опять не удержалась от редакции. В строке «в порыве мимолётного каприза» (в первой редакции «я на волне минутного каприза») озадачилась неряшливой рифмой «каприза – снизу», когда нет никаких препятствий сделать точно «капризу – снизу». В итоге стало: «поддавшись мимолётному капризу».

Опубликовано: 1; 22 (2013. № 2).

«ПОЦЕЛОВАЛА МАТЬ В ЩЁКУ...»

поцеловала мать в щёку
и след от поцелуя
ладонью
стёрла
с камня

8 октября 2004

Верлибр сложился, как моментальный комментарий. Протёрла салфеткой фотографию на могильной плите, поцеловала фотографию и стёрла след поцелуя тем же естественным движением, которым его стирают с лица живого человека.

Опубликовано: 1; 20 (2011. № 1).

«КАК БЫСТРО...»

как быстро
 новые вещи становятся старыми
 как долго
 живут старые вещи

3 ноября 2004

Всего лишь констатация факта: дом набит старыми вещами, жаждущими жить. В противостоянии зачастую победа остаётся за ними. Но кто для кого: мы для вещей или вещи для нас? Верлибр в моём понимании – концентрированное умозаключение, то есть афоризм. Его можно изложить прозой, а можно верлибром или рифмованным стихом. Для меня в верлибре важно распределение пауз, которые определяют переход к следующей строке. В данном случае ради визуальной отчётливости, пропущена пауза после «новые вещи», строка принуждает ритмически пройти её до конца. Столь же принудительно создана пауза после «как долго», вместо «как долго живут», для усиления той же симметрии.

Опубликовано: 1; 20 (2011. № 1).

«МЫ ЛЮБИМ ДРУГ ДРУГА...»

мы любим друг друга
 как животные
 но мы не всегда бываем животными
 иногда мы бываем людьми
 и тогда
 друг друга
 не любим

20 октября 2005, 2008

Стихотворение, в котором последовательно логично строится рассказ о чувстве любви, представляющем собой парадокс. Это воплощённая в словах лента Мёбиуса от убеждённого «мы любим друг друга» до обоснованного «друг друга не любим». Удивительное соображение явилось, как счастливая случайность.

Опубликовано: 2; 20 (2011. № 1).

«КАК РАНО...»

как рано
становится поздно

19 ноября 2005, 2008

Очевидное, лежащее на поверхности, восхитительное в своей простоте. На одном из вечеров издательства «Прогресс-Плеяда» в ЦДЛ в 2014 году продавались книги последней серии «СТО стихотворений», начатой Станиславом Лесневским и закончившейся с его смертью. Кто-то из посетителей взял в руки мой сборник, который вышел в серии в 2013 году, и книга открылась точно на верлибре «Как рано...» Человек прочёл стих вслух и немедленно купил сборник. Я осмыслила это событие опять же верлибром:

умная книга
умеет открыться
на нужной странице

«Как рано...» опубликовано: 2; 5; 20 (2011. № 1).

«Умная книга...» не публиковалось.

МАРФО-МАРИИНСКАЯ ОБИТЕЛЬ

Глубокой снежной целиной
иду от храма до креста.
И только Спас один со мной.
И тишь Великого поста.

Свечи колеблемый огонь.
Огонь мерцающих лампад.
Взлетает шарф и как ладонь
ощупывает снегопад.

В аквариумно-золотой
подкупольной голубизне
с неизъяснимой простотой
Мария отвечает мне.

Покои тьмой заволокло,
но на перилах слабый свет
и еле слышное тепло
руки святой Елисавет.

12–17 февраля 2010, ред. 2010

После длительной реставрации Марфо-Мариинской обители я в первый раз там побывала летом 2009 года. Была очаро-

вана красотой храма (архитектор Щусев и художник Нестеров). Ясность внутреннего пространства – голубизна живописи стен с золотом алтаря. Солнечный свет в верхних окнах делал воздух осязаемым – это вторая строфа в первоначальной редакции «В подкупольной голубизне / я от сияния слепа», по ощущению – в аквариумной. И дальше: «...смотрит в душу мне / Мария с правого столпа». Хорошая рифма «слепа – столпа». Точная привязка к месту. Второй раз я была там в декабре, в мороз. Было серо, глухо, никакого впечатления. В третий раз снова была в январе 2010 года с экскурсией. В покоях основательницы обители, великой княгини Елизаветы Фёдоровны, экскурсовод сказал: «Поймите, на этих перилах лежала рука святой Елизаветы». Отсюда строки четвёртой строфы «а на перилах лёгкий след / и еле слышное тепло / руки святой Елисавет». Через несколько дней снова пришла в обитель. Обошла храм, по заснеженным нечищеным тропинкам пробралась к каменному кресту на холмике.

Впечатление сразу пришло ритмизованной строкой, первая строфа: «Здесь снегом всё занесено, / иду к кресту по целине», и дальше естественным продолжением «А чёрный Спас следит за мной / из ниши в западной стене». Привязка точная. Из ниши – дань ритму, Спас смотрит со стены из-под медного кружевного навеса. Стихотворение сложилось сразу после появления этой строки, она стала центром кристаллизации. Третья строфа возникла на основе ритмизованной строки «взлетает шарф и как ладонь / ложится на моё лицо», которая существовала сама по себе уже несколько лет, и я очень хотела куда-нибудь её пристроить, хоть бы в прозаическом переложении. И вдруг оказалось, что она в точности совпадает с настроением нарождающегося стихотворения.

В первоначальном варианте вторая и третья строфы стояли в обратной последовательности, строки первой строфы были: «Из ниши Спас следит за мной, / следы читая, как с листа»; вторая строфа звучала так: «Свечи колеблемый огонь /

с лампадами заподлицо. / Взлетает шарф и, как ладонь, ложится на моё лицо»; строки третьей строфы имели иной порядок: «В подкупольной голубизне / аквариумно-золотой / Мария отвечает мне / с неизъяснимой простотой».

Закончено 17 февраля 2010. Исходные составляющие накапливались медленно, полгода прошло от первого впечатления до отчётливой ритмизованной строки. Но само стихотворение сложилось легко, практически без усилий. Два месяца оно продержалось в первой редакции, потом я переиграла строки и строфы, убрала случайное и неубедительное: «...Спас следит за мной, / следы читая, как с листа» и «...огонь / с лампадами заподлицо».

Опубликовано: 23 (2011. № 1); 11.

СМЕРТЬ ФИЛОСОФА

Он снял очки. Закрыв глаза. И умер.
В гробу казался статен и высок.
Речитатив священника, как зуммер
стучал в его безжизненный висок.

Под грузом неосмысленных вопросов
молчали все, глотая дым кадил.
С недавней фотографии философ
за действием с иронией следил...

Потом растаял снег, раскрылись почки,
стегнув девятым, сороковым днём.
Так и молчали все, поодиночке
печально философствуя о нём.

21 июня 2010

Эпиграфом к стихотворению стала строка Ивана Бунина «Воткнув копьё, он сбросил шлем и лёг...» («После битвы», 1903).

Встретились с друзьями на похоронах одноклассника. Долго ждали, пока освободится священник. Наконец, началось отпевание. Странно было видеть нашего товарища без очков, с закрытыми глазами, с лентой на лбу. И особенно странно для

философа, которым он был. Мы разошлись потерянные, не собрались ни на 9 дней, ни на 40. Но каждый помнил, помянул потерянного друга в одиночку. Прошло время, и мы поделились воспоминаниями об этом молчании. Отсюда последнее, итоговое, четверостишие. Идея же стихотворения: философ смотрит на всех с фотографии, иронизируя, не давая ответа, а мы, беспомощные, сидим по своим квартирам и по-дилетантски думаем о смысле жизни, о юности, о нём. Однако идею надо было воплотить в слова. То, что получалось, долго не удовлетворяло меня. Озарением стало «печально философствуя о нём». Игра смыслами. О философе можно только философствовать. К тому же я тогда читала Бунина, на уме было его стихотворение «После битвы», первая строка: «Он сбросил шлем, воткнул копьё и лёг...» Это был ключ, полное сходство. Отсюда произросла первая строфа. Для меня в ушедшем товарище был важен взгляд из-за очков. Мы хоронили словно чужого человека – без очков и без взгляда. Настоящий лукаво смотрел с фотографии. Неудачна банальная рифма «умер – зуммер». Первое название «Философ».

Опубликовано: 4.

МАРИНА

Родила ему двух сыновей,
а они привели двух невесток.
Внуки бегают чистых кровей
и безродный котёнок в довесок.

Насадил цветы, как у всех,
дом сложили – не ниже, не выше.
Там такой заразительный смех.
Я сама хохочу, чуть заслышу.

20 июня 2010

Непритязательное стихотвореньице, такие называю «пустяшными». Они возникают спонтанно и сразу законченные. Тема неглубокая, но непременно имеющая в себе изюминку – нечто неожиданное, смешное, вызывающее улыбку, – пустячок, а приятно. Они даются легко, пишутся в течение нескольких минут, но и цена их в моих глазах невысока. Это стихотворение получилось мимоходом в процессе работы над «Философом». Я занималась им в воскресный день на даче, на террасе, а у соседей, где хозяйку зовут Марина, шла своя жизнь. Поводом было наблюдение, что я всегда непроизвольно улыбаюсь, когда слышу оттуда весёлый смех. Началось со строки: «Родила ему двух

сыновей», далее логично «они привели двух невесток». В рифму «внуки чистых кровей», и для контраста, как подчеркивание общей демократичности обстановки, «котёнок безродный в довесок». Общий фон стихотворения закреплён словами «как у всех», это ключевые слова. Уникальное, индивидуальное закреплено словами «заразительный смех». Никакой другой смех не может быть таким стихийным и искренним. Он – абсолютное доказательство радости жизни, когда достаточно того, что есть. И внезапно за внешней простотой стихотворения отчётливо проступает великолепие счастья.

Не публиковалось.

АРХЕОЛОГ МИЛЭ

Свидание назначила по-русски.
 По-сербски ты в любви признался мне.
 Я теребила пуговку на блузке,
 летя с холма. Неистово на спуске
 пылало солнце при живой луне.

Я у тропы, забравшись в кукурузу,
 ждала, вода ладонью по листьям.
 Кровавый шар давно скатился в лузу.
 Любовный пыл, как тяжкую обузу,
 я унесла. Ты не пришёл. А там,
 наутро, дождь. Мне путь на север с юга.
 И запоздало в страшных тайниках
 стигмат неизлечимого недуга –
 догадка, что не поняли друг друга
 на наших очень близких языках.

18 ноября 2010

Написано через много лет после того, как происходило событие, относящееся к годам юности, когда не было открытых границ, Интернета и мобильных телефонов, звонки глушились, переписка пресекалась уполномоченными органами, разлука

была равноценна смерти. Поэтому сначала стихотворение заканчивалось темой смерти:

Что ты в восторге головокруженья
 блуждал не там, где я, и не тогда.
 Ни адресов. Броня границ тверда.
 Всё. Если волю дать воображенью –
 внезапность смерти. Раз и навсегда.

Строфу я удалила, так как «...не поняли друг друга на наших очень близких языках» более сильно и всеобъемлюще. Строфа удалена ещё и потому, что стихотворение о любви должно быть вневременным. То, что озадачивает, к примеру, почему нельзя друг друга найти, ведь это сегодня так просто, или почему границы могут повлиять на отношения любящих, – подлежит отсеvu, несмотря на то, что детали соответствуют действительности и дороги поэту как память.

Была студенческая практика в Сербии. Обмеряли древние стены на археологических раскопках. Вспыхнула любовь с первого взгляда. Он был старше, уже закончил Белградский университет. Высокий. Сухощавый. Голубые глаза. Волосы соломенные длинные. Лицо загорелое, широкоскулое, рот широкий. Обойное незнание языков не препятствовало. Мы улыбались друг другу. Он улыбался, будто смущаясь, и вокруг рта появлялись лучистые морщинки, сияние улыбки. Мы улыбались друг другу, ничего не меняя, не предпринимая. В день накануне моего отъезда объяснились на пальцах, на ветру, на солнце, на глазах у всех, работавших на руинах. Условились вечером встретиться. Не встретившись, навсегда потеряли друг друга. Через много лет я побывала в Сербии и под влиянием впечатлений и воспоминаний написала цикл «Паломничество» из 15 стихотворений, включая это.

Опубликовано: 10 (2014. № 2).

КАРАВАЙ

Вот какая неба вышина
 синевой ко всем отворена!
 Лёгких волн бегущая строка
 отражает высь и облака.
 Лягу на холодную волну,
 глубоко под облако нырну,
 досягну мерцающего дна,
 ужаснусь, какая нижина...
 Возвращусь и выйду из воды,
 оставляя мокрые следы,
 озираясь, будто бы со сна,
 до чего безмерна ширина,
 выбирай! Всего-то надо мне
 отогреться, лёжа на спине,
 там, где добела накалена
 полосы песчаной ужина.

19 июля 2011

История записана одновременно с работой над стихотворением. На большом подъёме написала за два месяца 20 стихов и не могу остановиться, начинаю вплетать всё подряд в ритм, без смысла, короче – понесло. А стихи сами выстраиваются, и

я их без охоты записываю, чувствуя внутреннюю порчу, тираж, одинаково всё, штамп. Но пишу:

Небосвод божественно высок.
 Разогрет и выглажен песок.
 Лёгких волн бегущая строка
 отражает синь и облака.
 Лягу на холодную волну,
 глубоко под облако нырну,
 досягну сияющего дна,
 где звенит немая тишина.

Однообразно, примитивно. Неплохо только «небосвод божественно высок». Задумала дать противоположность – «божественно глубок». Например, «океан божественно глубок», и на том остановиться. Но внутренним взором я вижу море. И уже есть «глубоко нырну». Попробовала, чтобы звенела не тишина, а глубина, но надо убирать «глубину» в других местах. Решила так: «горизонт божественно широк». На том временно остановилась, в написанных строках не чувствовалось внутреннего потенциала, только рифмовка с игривым безответственным повтором. Через небольшое время к стиху вернулась, упражнялась с рифмой «песка – узка», Продолжение выглядело так: «Но всплыву и выйду из воды, / оставляя слабые следы / песка /узка / зарок / горизонт божественно широк». Вновь стала шевелить начало – падежи и окончания: не «высок», а высь, высота, вышина... Отсюда перешла ниже по тексту, где ширина. И только тут заподозрила внутренний импульс: «Вот такой вышины, вот такой нижины... Каравай, каравай!» Мгновенно сложилось, за пару часов. С пульсацией частушечного настроения. Контраст романтического зрительного ряда с частушкой делает стихотворение объёмным, богатым противоречиями, которые нашли между собой точный баланс. Название законное, «Каравай». Нахожу это стихотворение одним из наиболее удачных.

Опубликовано: 23 (2012. № 3); 5.

Я БУДУ КАМНЕМ

Я буду камнем на моей могиле
смирненно ждать касания руки,
касаясь листьев липы ли, ольхи,
травы, стрекоз, лучей, цветочной пыли...

Пусть даже обо мне давно забыли,
и миру бесконечно далеки
печальный прах и старые стихи,
я знаю что сегодня, завтра... или...
когда-нибудь дождусь в тиши глуши
наследника моей живой души,
его стихов. Я угадаю их
и как листва прошелешу: «Пиши...
ты – это я... и каждый новый стих
живёт вторым дыханием моих».

21 июля 2011, ред. 2011, 2014

Стихотворение выросло из признания Арсения Тарковского другу его последних лет, Александру Кривомазову, который приводит эти слова Тарковского в своих воспоминаниях: «...У меня к Вам есть... своя просьба... легкая... пообещайте исполнить... Бывайте у меня на могиле, Сашенька!.. Хоть изредка,

но бывайте, не забывайте... Я знаю... я буду – камень на могиле... Приедете, коснитесь камня, поцелуйте его – мне от этого будет великое облегчение. В любой мороз... мой камень... для моего друга... будет теплым...»

Слова «Я буду камнем на моей могиле» содержали в себе ритм. Он был поддержан следующей строкой. Отсюда торжественная поступь стиха и простые рифмы склонили к сонету. Из перечисления ожидаемых прикосновений стала разворачиваться исповедальная тема: поэт предвидит, что в будущем найдётся духовный наследник, чьи стихи продолжат его поэтическую жизнь. Этот сонет созвучен стихотворению «Детский сон», оба исходят из одного реального события, которому посвящено эссе «Душа-Эвридика», опубликованное в книге «Ключевые слова» (2015). Снявшийся мне в детстве сон, где я гоню прутиком обруч, и тот же самый образ у Арсения Тарковского: душа, которая гонит обруч медный, – имели такое точное совпадение, что я уверовала в духовное родство с поэтом. Размышляя над удивительным совпадением, неизбежно пришла к выводу, который озвучен в последних строках стихотворения. Весной 2015 года, в самое цветение черёмухи, я побывала на могиле Арсения Тарковского на кладбище в Переделкине, прикоснулась к его камню.

Сонет был написан легко, неоднократно редактировался. Но ощущение незаконченности, возможности усовершенствования всё ещё остаётся. Сделано на многочисленных шипящих, на шёпоте листвы, с которой смешивается шёпот поэта. Странное, трудное для произношения слово «прошелешу» нахожу уместным, как косноязычие бессловесной природы, с которой слился поэт. Посвящено Арсению Тарковскому.

Опубликовано: 6.

МУСАТОВСКИЙ КОСОГОР

Рассыпались нефритовые бусы
и как горох запрыгали вокруг,
со щедростью одаривая луг, –
во всём свои и минусы, и плюсы.

По берегам у призрачной Тарусы
густой тростник взволнованно упруг.
На шее и предплечьях голых рук
заняли комариные укусы.

В потёмках крон просвет ультрамарина.
Лесной тропы растоптанная глина
к могиле приведёт наверняка,
где щуплый мальчик из известняка
прилёт в сырых порывах сквозняка,
всё шепчущего вечное «Марина...»

9–10 августа 2011

Вдруг рассыпались нефритовые бусы, так и брызнули во все стороны. Я подумала: «рассыпались нефритовые бусы – ритмизованная строка». Записала и прибавила к ней вторую, естественно вытекающую: «и как горох запрыгали вокруг». Сразу

явился образ горохового поля с сырыми сладкими стручками. Но поле здесь не рифмовалось, рифмовался луг. Я стала строить образ летнего луга, в который юркнули рассыпавшиеся бусы, напомнившие горох. Летний мотив связан с комарами, это две следующие строки. Хотела написать что-то с повторяющимися рифмами, добавила «Вечерний ветер ласков и упруг...» Поняла, что рифма лёгкая, можно идти в этом направлении. Сложнее с рифмой «бусы». Бусы – укусы, отсюда «на берегах у призрачной Тарусы». И действие переместилось на берега Оки.

Далее некоторое время было творческое затишье. Потихоньку разрабатывала полученное и согласилась с тем, что сложится сонет. Простые рифмы, много вариантов. Начала думать о завершении. Вспомнился самый яркий для меня образ Тарусы: в сырости лиственного леса надгробие могилы Борисова-Мусатова работы скульптора Матвеева. Сложились строки «Где щуплый мальчик из известняка / прилёт в сырых порывах сквозняка». Последняя тема – Марина Цветаева – незримо присутствует в тех местах. Стихотворение кончается её именем. Строка «В потёмках крон просвет ультрамарина» полностью соответствует сырому сквозняку. Я стремилась как можно сильнее вылепить образ сырого леса. В масть пришла размятая глина тропы, идущей сквозь лес по холму. Рифма «тростника» – удобно освободила от обязанности быть скрупулёзно точной в описании мест, я как бы охватила берега Тарусы с полями, холмами, лесами, лугами одним взглядом с птичьего полёта, но сосредоточилась в одной точке, там, где лежит мальчик из известняка. Первое название сначала было «У могилы Борисова-Мусатова», но получалось, что бусы рассыпались у могилы, а там нет никакого луга. Узнав, что место называется Мусатовский косогор, я дала сонету это широкое название.

Опубликовано: 23 (2012. № 3); 11.

ДЕРЕВЕНСКИЙ СОНЕТ

Плетень от надоедливых коров.
У стога сена воткнутые вилы.
Иссякли и желание, и силы
с последней вспышкой золотых шаров.

Под ярое гуденье комаров
лазурная заря позолотила
лучами нисходящего светила
окошки за поленницами дров
и латы изумрудного жука.
Усталость подползла исподтишка,
ни шевельнуть рукой, ни сделать шаг.
Упасть, свернув под голову сермягу.

Грудастые сырые облака
уже в сосцах накапливают влагу.

26 августа 2011

Рабочее название было «Вечер в Заболотье». Стихотворение о нескольких летних днях, проведённых в деревеньке на Селигере. Представляет собой череду впечатлений, почти механическое их перечисление. Родилось из двух строк «Грудастые

сырые облака / уже в сосцах накапливают влагу», знак неиссякаемого плодородия. Написано быстро. В поиске хорошей рифмы к «шагу – влагу», было найдено: «сермягу» (в словаре: грубое некрашеное сукно, а также кафтан из него). Слово удачно ещё и тем, что является ударным при создании общего настроения. Сермяга, подложенная под голову, тем более кафтан – свидетель древнего прошлого, следы которого нередко отыскиваются в старых деревенских домах.

Стихотворение вошло в подборку «Меняют краски времена», которая была опубликована в журнале «Москва» в начале 2012 года. Вслед за ней, довольно быстро в Интернете появилась пародия, которая отталкивалась непосредственно от ключевых слов «грудастые облака... в сосцах...». Общее настроение пародии высмеивало эротический настрой поэтесс, которые во всём видят телесное. Стало ясно, что надо защитить эти строки, убедительно доказать, что они не низкие, нисколько не пошлые, а возвышенные, символизирующие величие, святость материнства. Я помнила, что у Арсения Тарковского, книгу стихов которого накануне прочла, есть идеально точные строки для эпиграфа. Стала пристрастно перечитывать и нашла! В результате стихотворение получило великолепную поддержку мастера. «...Меня бы небесная мамка вспоила / Святым молоком облаков» (Арсений Тарковский. «Земное», 1960).

Его и мои строки говорят об одном и том же, но абсолютно по-разному, что и есть достоинство поэзии – уникальность авторского изложения. Теперь я глубоко благодарна пародисту, который подтолкнул меня к продолжению работы. Личность Арсения Тарковского как поэта и человека очень близка мне по духу, и соединение в стихотворении общих представлений является для меня знаком свыше.

Опубликовано: 23 (2012. № 3); 5.

ШЁЛ СНЕГ С ДОЖДЁМ

Я помню всё. Началом ноября
кропило небо рыхлую бумагу,
уйдя от всех к заросшему оврагу,
я рисовала вид монастыря,

надвратный храм за сыростью стволов,
решётки веток и решётки окон –
былой тюрьмы разрушившийся кокон
с безмолвием застенок и углов.

Пером к листу наклонно шла рука.
От холода фаланги покраснели.
Тушь расплывалась там, где еле-еле
касались капли влажного штриха.

Я помню всё, – но не когда и кто, –
а цвет стены, фактуру небосвода.
Ловящую слова экскурсовода
я помню маму в драповом пальто.

01 сентября 2011

Описываемое событие относится к временам, когда ещё праздновалось 7 ноября, годовщина Великой Октябрьской со-

циалистической революции. Советские люди получали к выходным дополнительный день, дети имели в это время осенние каникулы. Мои родители, используя эти дни, возили нас с братом в исторические места, в старые русские города. Я училась в художественной школе и всегда брала с собой бумагу и материалы для рисования. Рисуя, хорошо запоминала и объект рисования, и обстоятельства, связанные с работой. В каждом рисунке хранилась память.

Этот феномен описан в эссе «Пузыри и камни», которое вошло в книгу «Ключевые слова» (2015), привожу фрагменты:

«...Моя память исключительно образная. Я в тончайших подробностях запоминаю то, что внезапно совпадёт с настроением или явится личным открытием. Мои знания сплошь опираются на образы, абсолютные в своей документальной законченности. Как-то мы с мамой обсуждали поездку в Суздаль. Мама упрекала меня, что я всё забыла.

– Ты хоть помнишь, когда был построен Спасо-Евфимиев монастырь? – спросила мама.

– Нет, – сказала я.

И вспомнила монастырь, холод, тающий ноябрьский снег. Я рисовала пером надвратную церковь. Пальцы были замёрзшие, красные, в туши. На лист сыпались мелкие частицы дождя, и когда попадали на линии, тушь расплывалась.

– А ты помнишь, какая была тогда погода? – спросила я маму.

– Нет, – удивлённо ответила мама.

– Шёл снег с дождём.

Воспоминания о Спасо-Евфимиевом монастыре – сплошь образы, лишённые количественной оценки, и ещё нечто хрупкое, неназванное, сквозящее в воздушных промежутках – несказанное... Картина разворачивается обратной перспективой. Отдалённые предметы становятся крупнее и ярче расположенных на переднем плане. Но случайному скромному стихотворению предшествовали рисунки тушью. Обрызганные дождём, будто

заплаканные. Именно они до поры хранили образ далёкого холодного дня в Суздале. Я рисовала на тонкой желтоватой рулонной бумаге, нарезанной заранее, и при рисовании лист прикрепляла скрепками к картонной папке. Сырой ветер выдёргивал лист из-под скрепок, заламывая, надрывая края. Бумага была невозможно ранимой. Стальное перо острым раздвоенным концом вспарывало рыхлую поверхность, оставляя расплывающиеся утолщения. Пузырёк туши с отвинченной пластмассовой крышкой грозил соскользнуть со скамейки, когда я, не отрывая взгляда от надвратной церкви, нервно тыкала в тушь перо.

В монастыре было пустынно и страшно, везде оставались неуловимые приметы недавно закрытой женской тюрьмы. Замусоренный двор, ободранные стены. В провалах подвальных окон гулкие скрипы незапертых дверей, словно их ощупывали бессильными руками призраки сгинувших узниц. Чёрные плети лип, уже оголившихся, роняли на влажный рисунок ледяные капли».

Композиция построена на заявлении «Я помню всё», развитие которого показывает, что я помню не всё, а лишь одну сторону события. Здесь храбрая аллюзия на «Скифов» Блока, такой эпиграф был в первой редакции стихотворения. Довольно скоро я этот претенциозный эпиграф убрала, прислушавшись к совету одного из моих соучеников по ИЖЛТ, с которым поддерживала дружбу и делилась новыми стихами. Аллюзия всё равно сохраняется, но смысл остаётся камерным, не претендует на вселенский масштаб.

Написано легко, быстро, на хороших рифмах. Практически не редактировалось. Интересный пример того, как стихотворение пишется «специально», то есть решила, что надо такое написать, и написала. Обычно я не задумываю стихи, пишу, когда они сами приходят ритмизованными строками. Здесь же звучало только «Шёл снег с дождём...», использованное в прозе и не дававшее поэтического импульса. Но настолько ярким и от-

чётливым было настроение, настолько сильным воспоминание о маме, что все составляющие вынудили меня задумать такое стихотворение и включить его в эссе о соотношении образов и фактов, «Пузыри и камни», где описана поездка в Суздаль.

Для меня было откровением, насколько быстро стихотворение получилось. Сведения, которые хранились в памяти, переданы точно и кратко. Настроение опирается на третью строфу, где описан процесс рисования тушью. Этим стихотворением я удовлетворена.

Опубликовано: 23 (2012. № 3); 6; 7.

МОЁ ИМЯ ГАЛИНА

сырые алые розы
 в сырых изумрудных листьях
 так вот себя и мыслю
 так же мыслил меня художник
 говоривший мне о любви
 написавший такой портрет
 сырые алые розы
 в сырых изумрудных листьях

11 сентября 2011

Как всякий верлибр, написано разом, являясь формулировкой мысли, заключающей в себе открытие. Писать верлибры я начала в конце 2002 года, внезапно осознав, что, порой, явившаяся мысль является законченным самостоятельным явлением. Верлибры в моём понимании не просто нерифмованные стихи, а некое индивидуальное умозаключение, ритмически изложенное и увенчанное неожиданным выводом, из которого формируется итоговое настроение, – тут верлибр пересекается с эссеистикой: они строятся на острой афористичности. Идеалом в искусстве верлибра является для меня Владимир Бурич.

Основанием к размышлению, итогом которого стало «Моё имя Галина», послужила акварель моего старого друга,

Ивана. Изображённые на ней красные розы в жёсткой зелени листьев – трудное тревожащее сочетание алого, изумрудного и хрома вызывало у меня невольный протест и ассоциацию с моим именем, столь же неоднозначным, вмещающим несогласные противоположности, требующим внутренней мобилизации. Зная Ивана с юности, я лишь после его смерти открыла, что он великолепный акварелист, впервые увидела его работы в день прощания.

У знатоков живописи вызвало недоумение моё мгновенное расположение к этим его розам. Но для меня они стали точным воплощением имени Галина. Отсюда развернулась мысль, превратившаяся в верлибр. Она сконцентрировала в себе суть реального события и, не удержавшись в реальности, вышла за её пределы – перевернула время, поменяла местами начало и конец, сделав следствие причиной и связав их в единую цепь событий. Разрозненные впечатления и случайные события внезапно укладываются в систему, противореча хронологии, но не противореча истине, наоборот, мощно подчёркивают её.

История стихотворения написана при подготовке этой книги. В ней отсутствует рассказ о механизме написания, потому что верлибр возникает в голове целостным и незыблемым. История верлибра поэтому – всего лишь история среды, в которой он родился.

Опубликовано: 6.

«Я В ФЕВРАЛЕ ВЕСНОЙ УВЛЕЧЕНА...»

Я в феврале весной увлечена,
но в устремленьях этих мало толка.
Никак не начинается весна,
пока мерцает на балконе ёлка.

И как бы ни любила я игру
цветных огней на сумеречных ветках,
собравшись с духом, ёлку разберу
и сброшу в ночь отчаянно и метко.

18 февраля 2012

Ёлку мы ставим на балконе. Украшаем уличной гирляндой. Она стоит долго, всю зиму. В тот год, когда было написано стихотворение, ёлка простояла три месяца. Как-то, возвращаясь вечером, я бросила взгляд на мой балкон, где на ёлке перемигивались огоньки, и подумала: «Никак не начинается весна, пока мерцает на балконе ёлка». Пока дошла до своих дверей, подобрала рифмы к «весна» и «ёлка». После очень быстро возникла строка: «И как бы ни любила я игру». К ней тут же явилась рифма «разберу». За считанные минуты сложился милый стишок. Из разряда пустяшных.

Не публиковался.

КРАСНЫЕ ПАВЛИНЫ

Блеск глазури на кусочках глины.
Колера мозаики чисты.
По углам капризные павлины
развернули красные хвосты, –
пленников раствора на известке
возвращают нехотя пески.
А вокруг, на каждом перекрёстке
продают орехи старики,
неподвижны и невозмутимы,
как руины залов и аркад.
Все пути здесь неисповедимы,
все по ним блуждают наугад.

28 февраля 2012

В Культурном центре на Покровке была лекция Вадима Валентиновича Нарциссова об исторических и архитектурных памятниках Сирии. Лектор погасил свет и, по старинке, показывал слайды через диапроектор, что было созвучно древности, о которой шёл разговор. Я не бывала в Сирии, но образный ироничный язык лектора вызывал отчётливые художественные впечатления. Он рассказывал, что в глубине песков хранятся со-

кровища, а наверху грязь и мусор. И над этими сокровищами по пустыне летают полиэтиленовые пакеты. И везде старики продают орехи, как будто Сирия – страна орехов. Здесь мне стало так смешно, что я скорчилась в темноте и долго беззвучно смеялась, не в силах слушать дальше.

Нарциссов показывал много мозаик, на одной по углам были симметричные павлины, которые изящным поворотом головы удивлённо оглядывали свои развёрнутые хвосты. Почему-то красные. Возник ключевой образ: летящий по бескрайней Сирийской пустыне полиэтиленовый пакет. Из пакета, орехов, стариков, пустыни и сокровищ в ней, павлинов сложилось стихотворение. Лекция была 22 февраля 2012, стихотворение закончено через неделю. Несколько лет длилась редакция, которая заключалась в том, где расположить исходную строфу о пакете?

По Сирийской пепельной пустыне
гонят ветры сотни тысяч лет
бренное, минутное, как ныне
полиэтиленовый пакет.

По-разному компоновала строфы, строки. Ничего не удовлетворяло, пока я просто не исключила её, признав как факт её ненужность. Это пример, как образ, давший импульс к созданию стихотворения, имеющий для него исключительное значение, уходит по мере работы, вытесняемый общим композиционным решением и другими, более сильными строками и образами.

В стихотворении важна была достоверность в том, как создаются мозаики, нельзя было наврать. Я ознакомилась с технологическим процессом. Основанием под римскую мозаику служит известковый грунт, состоящий из гашёной извести (1 часть), мелкого кварцевого песка (2 части), сухого пигмента (до 20% массы песка). Отсюда выросла строка «пленников раствора на известке».

Название «Красные павлины» взято после долгих раздумий. По ощущению у стихотворения непременно должно было быть название. Первоначально, когда удалённая строфа предваряла стихотворение, название было «Сирийская пустыня», «В сирийской пустыне», но едва строфа ушла, главными стали павлины необъяснимого красного цвета, от которых, как от конкретной детали, раскрутилась спираль бесконечности – безмерной пустыни и людских путей в ней. Но чувство незаконченности остаётся. Мешает плохое сочетание согласных «блеск глазури».

Не публиковалось.

ВЕРТУШКА

Не вертится. Примолкла. Даже странно.
 Жужжала всю неделю напролёт.
 А нынче с неба опустилась манна.
 Где дождь и ветер? Вот так переплёт!
 И всё в природе к солнцу обратилось,
 зажмурилось, согрелось, ожило.
 Со дна пруда, как серый Наутилус,
 глядит ротан сквозь чёрное стекло.
 Одной вертушке скучно. В чём же дело!
 Глубокий вдох и выдох затяжной, –
 и снова лопастями зашумела,
 восторженно блестя передо мной.

15 мая 2012, 2017

Запись о возникновении стихотворения сделана в тот же день, по свежим следам. Нет ничего проще этой истории. На даче. Вышла из дома, села на террасе. Смотрю, не вертится вертушка, которая укрепена на палке, воткнутой посреди поляны. Вертушка, а не вертится! Я очень удивилась. Подумала: надо дунуть на неё. Сразу пришли две строки: «Вертушка благодарно

встрепенётся / и шевельнёт мне лопастью в ответ». Это был тот рубежный момент, когда можно продолжить и написать стихотворение – все составляющие есть: ритм, тема, интрига, – а можно заняться другими делами, потому что замысел, в общем-то, пустяшный. Поколебалась, но записала. Через полчаса всё полностью сложилось благодаря ключевой строке «Глубокий вдох и выдох затяжной», которая и решила дело в пользу того, чтобы продолжить работу.

Стихотворение просуществовало в первой редакции около трёх лет. Для публикаций я его не предлагала, в сборники не включала. Оставалось ощущение незаконченности. Потом нашла его среди других незадействованных и довела до ума. В первой строфе устранила неточную рифму «напролёт – наоборот», стало «напролёт – переплёт», что подыграло общему ироничному настрою. Полностью заменены безликие третья и четвёртая строки второй строфы, которые звучали так: «Рядком уселись вяхири на силос. / Хозяйка моет пыльное стекло». Следовало дать конкретные детали, привязанные к месту. Нашёлся удачный образ ротана, похожего на подводную лодку, посредством которого косвенно прочитывается спокойная гладь пруда, отвесные солнечные лучи, освещающие дно, где отчётливо видна даже неподвижная рыба неброского окраса.

Опубликовано: 14 (2017. Вып. 7); 9.

ЛИПОВЫЕ СЛЁЗЫ

Я под зонтом стояла, ты под липой.
Шёл дождь. Мы расставались, как всегда.
Дышал провинциальным морфотипом
унылый двор, и сыпалась вода.

Я на прощанье нарядилась в платье
лазурное, как медный купорос.
Но зонт вмешался в робкое объятие,
и всё у нас пошло наперекос.

Ты бормотал о прадедах из Крыма,
где ныне не осталось и следа,
что мы – и эта мысль неоспорима –
из одного дворянского гнезда,
напоминал с растерянностью в тоне
о первой встрече в сгинувшем сельце.
Летели капли с липовой ладони,
дорожки слёз рисуя на лице.

10–11 июня 2012, ред. 2015, 2016

Исходным лирическим импульсом послужило прощание в Смоленске с родственником из Польши, когда мы разъезжались

после совместной поездки по следам наших с ним общих предков. Я тогда же набросала черновик, предполагая, что может выйти и сонет:

Ты под зонтом стоял, а я под липой.
Шёл дождь. Мы разъезжались кто куда.
Молчали. Чувств и мыслей чехарда
.....книжек кипой
друг друга отпустить не без труда
..... череда.
.....церемоний
.....
Вода летела с липовых ладоней,
дорожки слёз рисуя на лице.

Хорошими были только возникшие первыми пары начальных и последних строк, остальное никуда не годилось, особенно «кипой». Но я смертельной хваткой вцепилась в «под липой». В таком виде оставила набросок, не исчерпав всех возможностей работы с ним, потому что в тот момент меня прервали. Ночью не могла перестать думать, но не было сил встать и записать. Построила в уме от начала до конца. По ходу дела пришлось переставить героев, так как если у него зонт, то как он держит проклятую книжек кипу? От перестановки суть не менялась, хотя при реальном прощании мой спутник держал зонт, а под липой стояла я, и на меня капали капли с листьев. Измучила «книжек кипа», да ещё с двойным «к» в середине, которую надо было как-то иронично обыграть, поэтому естественно пришли строки: «Но из-за книжек скомкалось объятие, / и всё у нас пошло наперекос». Слово «наперекос» так понравилось, что теперь я кинулась искать рифму к нему, что-то типа «...играя волнами волос», но это было уж слишком. «Купорос» явился механически, стала размышлять, как бы использовать слово, редкое и неожиданное. Тут вспомнила своё новое лазурное платье. Строка получилась мигмом: «лазурное, как медный купорос». Здесь окончательно распростилась с «кипой» и поставила «мор-

фотипом», что не идеально рифмуется, но слово редкое и тоже работает на иронию, на контраст между истинностью чувств и филологичностью их описания. Морфотип – это характеристика исторической застройки, позволяющая её соответственно классифицировать. Провинциальный морфотип – понятие ненаучное, но подыгрывающее иронии и указывающее на место действия. Герой стихотворения избавился от книг кипы, и объятию стал уже мешать только зонтик, что гораздо естественнее. После «пошло наперекос» нетрудно было заставить растерянного собеседника смущённо бормотать что-то из родословной.

Генеалогические мотивы исторически точны, в том числе «прадеды из Крыма», которые пришлось здесь весьма кстати в связи с исходными словами «факт неоспоримый», для точности рифмы принято «мысль неоспорима». Также в нашу поездку мы побывали на месте исчезнувшего села на Смоленщине, где находилась дворянская усадьба наших общих предков. Сцена с липой как основной элемент настроения закреплена в названии, которое пришло, как озарение, «Липовые слёзы». Здесь так переплетены правда и выдумка, трагизм и ирония, что лучшего не придумаешь. В окончательной доработке стихотворения сыграли положительную роль критические замечания Владислава Артёмова, главного редактора журнала «Москва» с 2012 года. В одной из предлагаемых мной к публикации подборок я принесла и это стихотворение. Подборка не пошла, но её критический разбор дал положительный результат.

Опубликовано: 9.

КИЕВЛЯНЕ

Когда из многочисленной родни
под сень каштана отошёл последний,
похолодели солнечные дни,
а были так приветливы намедни.
И не к кому печаль свою нести...
На Байковом примолкну, поминая,
неотвратимый снег сожму в горсти.
Везде чужая. Только здесь родная.

11 июня 2012, ред. 2016

Написано по впечатлениям от поездки в мае 2011 года с отцом в Киев, его родной город. Стихотворение было задумано сразу, но долго не складывалось. Многократно решительно перерабатывалось. Меня не удовлетворяла его фундаментальная информативность, настойчивое ритуальное причитание. Тема – неподвиженное отчуждение, гулкое одиночество там, где всегда был в кругу близких. Необходимо было набрать в стихотворении холода, к этому максимально ведут все слова. Байково кладбище – одно из самых старых и больших в Киеве. Первоначальное название «Памяти Киева».

Не публиковалось.

СМЕШАЛОСЬ ВРЕМЯ

Потеряла мамины часы.
 Соскользнули с тонкого запястья
 посреди осеннего ненастья –
 знак начала чёрной полосы.
 Затерялись в огненной листве.
 Растворились, словно в стоге шило.
 Первым снегом всё запорошило.
 И смешалось время в голове.
 Жизнь качнула чашами весов.
 Где-то, как диковинное семя,
 летнее показывая время
 бьётся сердце маминых часов.

16–17 июня 2012

Задумано на даче осенью, в ноябре. Написано следующим летом. Так часто бывает, когда стихотворение намечилось, есть тема, есть замысел, но нет сил или желания над ними трудиться, и всё замирает в состоянии неопределённости. Иногда тема так и не завершается стихотворением. История этого счастливого стихотворения проста. Приехали в последний раз на дачу, до заморозков. Решили пересадить яблоню из мокрого места, где она

чахла, на возвышенное. Пришлось копать. В трудах я заметила, что на руке нет часов. Старый металлический браслет имел особенность расстёгиваться, и тогда ослабевал на руке. Не знаю, там ли я их потеряла, но в тот день я видела их в последний раз. Они так никогда и не нашлись. С тех пор, приезжая на дачу, всегда вспоминаю о маминых часах. Первые две строки спонтанно явились ночью с 16 на 17 июня. Но желание написать из них стихотворение возникло только после того, как созрела идея: долго-долго под снегом билось сердце часов, показывая летнее время. Деление на летнее и зимнее время было отменено с 2012 года. Стихотворение связано с памятью о матери, с сокровенной нежностью и жалостью, горечью прощания, наследования принципов, незаконченных дел. В нём – желание прикосновения к тому, чего уже нет. Первоначально было ещё одно четверостишие, которое удалено как несущественное, разбавляющее концентрат идеи.

Циферблат и простенький браслет
 папа маме подарил когда-то.
 С той поры – уже не вспомнить даты,
 миновало много-много лет.

Опубликовано: 6; 22 (2013. № 2).

МАЮСЬ ДО РАССВЕТА

Собаки разбудили лаем.
 Лежу безмолвная без сна.
 Луна, как белая блесна
 с позолочённым острым краем,
 скользит сквозь водоросли крон, –
 не дрогнет ни листом, ни веткой.
 Большие звёзды редкой сеткой
 покрыли чёрный небосклон.
 Идёт процессия светил,
 с которыми не надо света.
 И я промаюсь до рассвета,
 заснув без памяти, без сил,
 когда горячий Гелиос
 на веки бросит ярость меди,
 заговорят вокруг соседи.
 послышится гуденье ос.

31 июля 2012

Описано ночное бдение до рассвета. Рифма «луна – блесна» существовала раньше неприкаянно, хотелось её пристроить, и здесь оказалась кстати. Рифма, впрочем, известная, мне

после встречалась в стихах других поэтов. Раз блесна, значит, в воде, и тогда следом возникли водоросли крон. Звёзды покрыли небосклон сеткой – отдалённо рыбацкий символ – сеть с узелками в перекрестьях. Но при луне видно очень мало звёзд, поэтому – редкой сеткой. Подспудно создаётся ощущение, что ловится крупная рыба. Строки «Идёт процессия светил, / с которыми не надо света» складывались долго. Первоначальная рифма была «...К истоку Ветхого Завета...», что случайно и чрезмерно многозначительно. При подготовке этой книги внесена редакция: обыграны строки стихотворения Иннокентия Анненского «Моя звезда»: «...Не потому, что от Нее светло, / А потому, что с Ней не надо света». Контрастом лирическому молчанию ночи является дневная суета. Возвращение к ней почти принудительно. Лучи солнца, бесцеремонно надавливающие на веки. Аналогия – медные монеты, которые кладут на глаза мёртвому. Смертельная усталость бессонницы.

Не публиковалось.

НА ПРОТИВОПОЛОЖНОМ БЕРЕГУ

Соперничала свадьба с темнотой.
 И надрывался громкоговоритель.
 Но вдруг умолк. На косогор крутой
 вернулась тишь, как будто там обитель.
 Немое отражение луны
 легло на дно невидимого Дона.
 Расправились, безмолвны и длинны,
 его стремнины, мели и затоны.
 Надулись чёрных склонов паруса.
 Блеснула тропка призрачным обрезком.
 Девичий смех, мужские голоса
 к реке спустились шлёпаньем и плеском.
 И над песком, изогнутым в дугу,
 над озарённым полночью простором
 на противоположном берегу
 они во тьме запели стройным хором.

10 августа 2012, 2017

Задумано 5 августа. Написано быстро, через 5 дней. Но потом в течение пяти лет стихотворение претерпевало редакции. В основном два первых четверостишья, где надо было начать с

вульгарного разгула, открыто перекликающегося с «А эта свадьба пела и плясала...», а потом достойно выйти к царственной красоте, причём используя один и тот же инструмент – человеческий голос. Идея стихотворения – показать разницу между шумом, подавляющим тишину, и естественным пением, опирающимся на тишину, как на диафрагму. В начале августа 2012 года сплавились на байдарке по Дону к Задонску и остановились на ночлег на высоком песчаном берегу. Противоположный берег был ещё выше и весь покрыт еловым лесом. Там в глубине была спрятана турбаза, где шла свадьба, ушла музыка. Усталые, мы засветло залезли в палатку и печально думали, что так продолжится до утра. Но пришла тьма, и стало дивно тихо. Потом в тишине возникли смех, болтовня, плеск воды. Мирные звуки органично вписались в наступившую ночь. Над кромкой елового леса на том берегу появилась белая круглая луна и отразилась в невидимой реке, словно легла на дно ущелья. Купальщики ушли, они поднимались вверх по тропе. В разных местах еловой тьмы время от времени раздавались их голоса. И вдруг соединились и запели легко, мелодично. Под пение луна поднималась всё выше. Стало очень светло, упали резкие тени. Но противоположный берег всё набирал темноту, там продолжалось пение. Основа стихотворения из ключевых слов «...простором / ...на противоположном берегу / сплошная тьма запела стройным хором» и их ритмики. Последние изменения вносились при подготовке к публикации книги «Вылитая пятница» (2017) и этой книги. Многократно заменялось первое слово: «гуляла» свадьба, «гудела», осталось «шумела», пока не превратилось в единственно точное «Соперничала свадьба с темнотой». Кроме того, ранее стихотворение было разделено на четыре строфы, но плавная последовательность событий, их медленное перетекание из одного состояния в другое, размытость границ между строфами склонили меня убрать пробелы.

Опубликовано: 9.

ВЕЗДНЫЙ ГОРОД

Брусчатых мостовых зубодробилка.
Купеческого прошлого детали.
На банный день обмылок и бутылка.
Куда ни глянь – везде донские дали.

Коснись травы усталыми ступнями,
оставив на обочине сандалии,
безмолвно наблюдая, как тенями
уходят тучи за донские дали.

И нет земли роднее и привольней,
чем эта, где меня годами ждали
синь пятиглавья с белой колокольной,
по-прежнему храня донские дали.

Неволя зла, да злом не опоила.
Душа открыта благовестью звона
и смотрит вдаль глазами Даниила
с крыльца Задонска на разливы Дона.

10 августа 2012

Задумано, как и стихотворение «На противоположном берегу», 5 августа. И так же через 5 дней в целом закончено. После-

дующие редакции его тоже не миновали. В Задонске гостили у друзей, москвичей, имеющих здесь глубокие купеческие корни. Жили в их наследственном двухэтажном кирпичном доме с побелёнными стенами, дощатыми полами и портретом бородатого предка. Этот портрет спас владельцев дома в революционные дни, когда они выдали предка за Карла Маркса. Я много фотографировала город и вдруг поняла, что его суть – это донские дали, которые видны отовсюду, где бы ты ни находился. Вот так его и надо снимать: обязательно в любом кадре должен быть хоть кусочек далей. Гигантский Богородицкий монастырь в центре городка дорожит именем святителя Тихона Задонского. Издалека, плывя на лодке по Дону, мы видели пятиглавый синий собор с золотыми куполами и высоченную белую колокольню. С Задонском связано имя Даниила Андреева, который провёл здесь лето 1946 года. Арест, тюрьма ждали его впереди.

Первоначальная версия двух центральных четверостиший:

Вернуться после долгого забвенья,
когда тебя, отчаявшись, не ждали,
в лучей и ливней жаркие теченья,
в свой городок, в его донские дали.

Расправить грудь, взлететь стрелой соколей,
благодаря судьбу, что волю дали.
Синь пятиглавья с белой колокольной
по-прежнему хранят донские дали.

В приведённых строфах чувствуется ещё не обработанная сырость и приблизительность, недопустимые для столь сложной и многоплановой темы, в которой чуть превысишь меру, немедленно впадёшь в пафос или голословность. На этом трудном балансе шла работа, отбирались слова, разглаживались строки до непринуждённого течения речи. Но тем не менее, в третьей строфе последней редакции продолжает задевать строка: «И нет земли роднее и привольней», в которой режет слух обкатанность пионерской песни. Пока оставлена.

Центром кристаллизации были слова «...и я гляжу глазами Даниила на дали Дона». Стихотворение написано за несколько часов. Отчётливо прозвучавший рефрен «донские дали» построил все полученные впечатления и аллюзии в равнозначные строфы. Потом стихотворение многократно редактировалось, в особенности при подготовке книги «Сто стихотворений» (2013), в которую оно вошло. Во второй строфе – отсылка к факту, что после тюрьмы Даниил Андреев проповедовал босохождение, летом и зимой ходил босиком, наслаждаясь ощущением живой земли. Четвёртая строфа собирательная по смыслу, так как в ней содержится жизнеутверждающая нота преодоления в себе ненависти к тюремщикам. Это относится не только к Андрееву, но и к близким друзьям, коренным задонцам, узнавшим уже в наше время ту же неправду и жестокость, так же незаслуженно пострадавшим.

Эпиграфом к стихотворению служит цитата из письма Даниила Андреева В.Л. Миндовской от 11 августа 1946: «...Перед глазами следующее: открытое окошко с геранью, за ним улочка и сады, а дальше – даль по ту сторону Дона...» Посвящено автору биографии Даниила Андреева, Борису Романову, благодаря которому я познакомилась с творчеством Андреева, бывала на литературных вечерах, где почти уже ослепшая жена Даниила, Алла Александровна, по памяти читала его стихи.

Опубликовано: 5.

ОТ МАЯ К ОКТЯБРЮ

Неслышный дождь как манная крупа.
Закат слепит, куда ни посмотрю.
Диагональю по полю тропа
протоптана от мая к октябрю.

Моих следов неисчислимо тут,
тем более следов собачьих лап.
Мы каждый день выходим на маршрут,
пока источник света не ослаб.

Октябрьский снег медлительным катком
тропу сомнёт, признав концом пути.
Но с мая снова по полю гуськом
мы будем в осень линию вести.

31 августа 2012, ред. 2015, 2018

Я в течение трёх лет возвращалась мыслями к этой теме, пока не осознала идиомы – «изгладить из памяти» и «гнуть свою линию». Первая строфа сложилась сразу. Последней поправкой была рифма «лап – ослаб».

Опубликовано: 9.

ФОТОГРАФИЯ МУЗЫКИ

У музыкантов странные ужимки.
 Стоят плечо к плечу заподлицо.
 Смычком пересекается на снимке
 флейтистки вдохновенное лицо.

Играет на игрушечной пикколке,
 движения расчётливо легки.
 Высоких нот тончайшие осколки
 отчёркивают музыки верхи.

За жаром струн, в ознобе клавесина
 длиннее выдох и короче вдох, –
 пикколка цвета рыжеватой глины
 швыряет бриллиантовый горох.

На службе католическим сонатам
 флейтистка православно хороша...
 Жаль только кадр неверно отпечатан, –
 и каждый из играющих левша.

24 сентября 2012

Была на концерте оркестра старинной музыки в Бетховенском зале Большого театра 18 сентября 2012 года. Исполни-

тели играли на аутентичных инструментах – аналогах периода барокко (XVII – середина XVIII века). В концерте принимала участие барочная французская певица. Флейтистка играла на флейте-пикколо, и как я ни старалась её сфотографировать из зала, стоящий перед ней альтист её заслонял, его смычок пересекал её лицо. Исходная фраза возникла как порыв негодования по поводу невозможности сделать фотографию: «смычком пересекается на снимке флейтистки вдохновенное лицо...». Три первые строфы служат этой строке, в третьей строфе хотелось передать болезненный напор музыки: жар струн, озноб клавесина. Последняя строфа сложилась, когда стихотворение уже было написано. В ней важен контраст между музыкой, имеющей католическое происхождение, и образом флейтистки – православно хороша. К «хороша» категорически нельзя было брать «душа», чтобы не рухнуть в банальность. Механически пришла рифма «левша», и дальше ей в угоду вышел ироничный поворот: фотоотпечаток сделан зеркально. Ирония, едва заметная, пружинит и в других строках: «странные ужимки» – так и есть, не придумано, «игрушечной пикколке» – крошечная поперечная флейта, вызывающая умильную улыбку, «бриллиантовый горох» – сочетание невероятной ценности и расточительства. Очень долго шла работа с последней строкой, которая кончалась «как один – левша». Но во множественном числе следовало писать «левши», не рифмовалось с «хороша». Итоговая версия строки была получена долгим трудным манипулированием словами. В книге «Сто стихотворений» (2013) дана другая редакция этой же рифмовки: «бездонно православие души... / ... / все оркестранты, как один, левши».

Опубликовано: 5.

ВЕРШИТЕЛЬНИЦА СУДЕБ

О бабочках не ведаю примет,
немного – о значении подков...
Но то и дело выношу на свет
в потёмках заплутавших мотыльков.

Под взглядом озадаченных собак,
на всё глядящих через аппетит,
лишь протяну ладонь за двери, как
с неё мгновенно бабочка слетит.

Так фокусник сквозь воду и огонь
вытягивает множество платков.
А здесь моя волшебная ладонь
рождает бесконечных мотыльков.

Под тихим солнцем и среди дождей
я для моих собак и царь, и бог.
Не усомнятся, коль с руки моей
взлетит не мотылёк, а голубок.

Не усомнятся, если я сама
на их глазах сподоблюсь в небо взмыть.
Сперва из мисок вылизут корма,
а после будут безутешно выть.

24 сентября 2012, 2017

Стихотворение из разряда пустышных. Как сооружение из спичек: если развалится, не жалко. Потому что не всерьёз, игра. Тема возникла давно. В дачном доме постоянно бьются о стёкла бабочки-крапивницы. Откуда-то они там появляются и оказываются в плену. В течение лета я постоянно выношу их на волю, вытягиваю руку, раскрываю ладонь и выпускаю. Мне подумалось однажды, что собаки, постоянно наблюдая такую сцену, наверное, считают, что это вполне нормальное явление – моя всесильная ладонь создаёт бабочек. Строка кристаллизации, которая явилась основой замысла и ритма: «лишь протяну ладонь за двери, как / с неё мгновенно бабочка слетит». Сначала казалось, что главное – описать волшебство отпускания бабочки на волю. Но волшебство могут оценить только зрители. А никого нет, кроме двух собак. Отсюда вплелась вторая тема – собак как свидетелей чуда. И тогда в дополнение к первым трём, на которых я и хотела сначала остановиться, легко написались две последние строфы.

Далее стихотворение существовало, понемногу редактируясь в мелочах. Последняя редакция – поправка в первой строфе, которая изначально звучала так: «Раз десять на день выношу на свет / из дома заплутавших мотыльков». Но учитывая нюансность поправки, не исключаю, что верну первый вариант либо отыщется что-то ещё. Как-то получается, что стихотворение вдруг напоминает о себе, и начинаешь с ним работать. Название «Вершительница судеб» вышло из той же пресловутой третьей строки, которая в самом первом варианте была: «Вершителем судеб несу на свет / из дома заплутавших мотыльков». Но при этом неудачно менялся мужской род в стихотворении на женский в названии. Потом строка была заменена, а название осталось.

Стихотворение находится в прямой переключке с чудным «Зимним вечером на сеновале» Иосифа Бродского:

...Я сено разворошил
и встретился с мотыльком.

.....
 Среди вечерней мглы
 мы тут совсем одни.
 И пальцы мои теплы,
 как июльские дни.

Стихотворение Бродского мне давно известно и мной любимо, но оно никоим образом не влияло на создание моего стихотворения. Тут замечательный пример того, как одно и то же событие производит впечатление на разных поэтов и отражается в их стихах, давая, по сути, портрет поэта, а не события. Поэтому о плагиате, о попытке повторения не может быть и речи. Каждый скажет по-своему. В этом условии искусства – уникальность высказывания.

Не публиковалось.

ОСЛАБЛО СОЛНЦЕ

Вода реки чернее йоду.
 Навстречу ветру облака
 летят сквозь сеть березняка
 и предрекают непогоду.
 Желтеют листья на прудах.
 В полях, прогнозы подтверждая,
 неугомонных галок стая
 кричит о тьме и холодах.
 И кошка фыркает в усы,
 времён предчувствуя этапы.
 Её пружинистые лапы
 мокры, чёрны как у лисы.
 Уже совсем не то, что летом.
 Ослабли солнца лепестки.
 И лишь тепло твоей руки
 противоречит всем приметам.

23 октября 2012

Есть примета у охотников, что если облака летят против ветра и галки кричат, это к непогоде. Едва я это услышала, у меня явилось чувство, что такие выразительные мотивы следо-

вало бы облечь в стихотворение. Среди случайных осенних впечатлений была ещё кошка с лапами, как у лисы, была строка «на чайнике сушу носки» и много других ритмически и тематически точных строк. Но в стихотворении уместилось только то, что уместилось.

Последнее четверостишие в первой редакции имело своей целью сообщить, что я упорствую и не хочу видеть наступления плохой погоды, первоначальная рифма была «близки – носки» – «снега с морозами близки... / на чайнике сушу носки». Слово «носки» меня не смущало. То, что они сушатся на чайнике, тоже. Я смело шла в этом направлении, сознавая, однако, что к «близки» следует искать другую рифму. Поставила «солнца лоскутки» – последние солнца лоскутки. Это была счастливая случайность, подсказка свыше. Потому что вдруг «лоскутки» преобразились в «солнца лепестки», которые... увядают, бледнеют, слабеют... «Слабеют солнца лепестки»! Но плохое сочетание двух согласных. Поиск нужного слова привёл к абсолютному «ослабли солнца лепестки». Четверостишие обрело остроумный смысл: когда ослабевают солнце, я спасаюсь у чайника и так восполняю недостаток тепла в природе. Получилось: «На чайнике сушу носки, / противореча всем приметам». Здесь остановилась, хотя и не вполне удовлетворённая.

Готовя эту книгу, догадалась, в чём дело – «носки»! Уже прошло очарование того осеннего времени, стихотворение отмежевалось от его правдивости, и внутренние законы гармонии стали важнее достоверности. Носки на чайнике оказались теперь категорически неуместными, вызывающими, даже не гигиеничными. Следовало найти рифму к «лепестки». Первое возможное «лепестки – руки», в смысле: протягиваю к чайнику две руки. Никак не удавалось их приладить. Кроме того, становилось бессмысленным «противореча всем приметам». Сохранила идею руки, греющейся на чайнике, и последнюю строку перевернула по смыслу «сдаваясь пасмурным приметам». Не понравилось. Убрала чайник вовсе и сделала «тепло моей руки

/ противоречит всем приметам». Следом невольно заменила «моей» на «твоей». И тут поначалу безотносительное стихотворение немедленно зазвучало любовной темой. Всё в нём встало на места с точки зрения художественности. Стихотворение как самостоятельное явление окончательно оторвалось от действительности и, стремясь к сбалансированности, дополнило вымыслом недостающее. Это абсолютный пример сбрасывания балласта. Бывает, прекрасно написано на реальном факте. А потом, по мере работы, факт всё более бледнеет, иссякает, и остаётся от него только настроение, но закреплённое уже по другим законам – законам искусства.

Опубликовано: 9.

«БЛЕСТИТ ПОД РОСАМИ ГРЕЧИХА...»

Блестит под росами гречиха,
Умолк в полях пчелиный гул,
Мир вспыхнул золотом и тихо
В объятьях вечера уснул.

Дорога стелется по нивам...
Ты не придёшь, не прилетишь –
Но в сердце памятным мотивом
Разбудишь сумрачную тишь.

11 ноября 2012

Оригинальный текст на украинском:

* * *

На білу гречку впали роси,
Веселі бджоли отгули,
Замовкло поле стоголосе
В обіймах золотої мли.
Дорога в`ється між полями...
Ти не прийдеш, не прилетиш –
І тільки дальніми піснями
В моєму серці продзвениш.

1911–1918

Перевод из М. Рыльского. В 1999 году я познакомилась с Борисом Николаевичем Романовым, он вёл студию поэзии в ИЖЛТ. На семинарах Романов давал разные интересные для меня задания, в том числе переводы с украинского из Рыльского и Франко. Украинский язык мне близок, мой отец украинец. После ухода из ИЖЛТ Бориса Николаевича, я продолжала работать по его заданиям над переводами и другими стихами. Это требовало его оценки, советов. Договаривалась с ним о встречах, отрывала от важных занятий, отягощала просьбами читать и критиковать мои работы. Борис Николаевич давал советы, делал критические замечания. Научил дорожить точной рифмой, избегать умозрительности в стихах (общих слов, лишённых индивидуальности). Только благодаря ему я подготовила и выпустила свою первую книгу стихов «Просто» (2006), начала публиковаться в журналах «Москва», «Арион», в «Литературной газете». Те первые ученические переводы с украинского редактировались мной десятки раз. В итоге «Посеребрённый сонет» Рыльского принёс мне успех в «Москве», был опубликован в 2009 году редактором отдела поэзии, Еленой Устиновой, ей и посвящён. Перевод «Сонетов-невольников» Франко был опубликован в журнале «Литературная учеба» (2013).

В начале 2012 года Борис Николаевич подарил мне томик Рыльского со словами: «Продолжайте переводить, у вас это получается». Я выбрала несколько небольших лирических стихотворений, но работа над ними надолго остановилась и продолжилась только в конце 2012 года. Стихотворение «Блестит под росами гречиха...» трогательно простое, в нём никак нельзя было уходить от свободно льющейся речи. Настроение создаётся как бы на лёгком выдохе после вдоха медового запаха вечерних полей.

Не публиковалось.

СНЕГОПАД К ЧАЮ

Размеренно по улице Арбат
 гружёные «КамАЗы» едут строем –
 везут позавчерашний снегопад.
 Он почестей особых удостоен.
 И чудится, что у грузовиков
 не кузова, а чайные стаканы,
 что белоснежный сахар облаков
 нам накололи к чаю великаны.

27 марта 2013

Одно из стихотворений, связанных с географией и жизнью родного города. Следует сделать небольшое отступление о том, что стихи Москве посвящали многие поэты – классики и современники, москвичи и не москвичи, но особо я отмечаю эту тему у поэта Александра Е. Суворова, где обращение к Москве настойчиво и последовательно. У него она – объект наблюдения, размышления, среда обитания, прибежище, защита. В строках о ней напряжённое чередование любви и отчаяния...

Моё же стихотворение из разряда пустяшных, которые вырастают на основе поверхностного безответственного наблюдения, не содержат под собой глубокого переживания. Два дня Москву заваливало снегом. Наконец снегопад прекратил-

ся, и вышло солнце. Я шла по улице Малой Семёновской в обеденный перерыв. Я вообще на этой Малой Семёновской за те два года, что ездила туда на работу, насобирала немало стихотворений. Так и в этот раз, иду по улице и вижу: навстречу мне грузовик везёт огромные глыбы белоснежного снега, собрали двухдневный снегопад. Небо сияющее, неистово голубое, белые груды возвышаются над бортом грузовика, словно ослепительные облака. Первое впечатление: облака, заслонённые высоким бортом грузовика. Первая фраза была: «везут снегопад». Всё остальное легко выстроилось на основе этого центра кристаллизации. Улица Арбат взята в рифму, но как одна из самых известных улиц Москвы, она удачно придаёт торжественность описываемому процессу. Отчего сильно начинает работать игровой-игривый момент, какая-то внутренняя пружинистость появляется в настроении стихотворения.

Опубликовано: 6, 12.

ВЕСЕННЯЯ ОХОТА

Большой Никитской, выводя
 её фарватер,
 бежит скрипачка от дождя
 до альма-матер.
 И не покрыта голова,
 и тонкий свитер.
 Её встречают деревья
 и композитор.
 Их отзвучали времена
 и устарели.
 Она смертельно влюблена,
 как все в апреле.
 Но не признаются ни в чём
 глаза под чёлкой.
 Футляр со скрипкой за плечом
 блестит двустволкой.

13 апреля 2013

Стихотворение вышло из одной строки: «Футляр со скрипкой за плечом блестит двустволкой». Я увидела в метро девушку, футляр за спиной был чёрным, с блестящими метал-

лическими ободами. Первое впечатление было – ружьё, потом увидела – скрипка. В стихотворении нарисован точный портрет скрипачки, но антураж дорисован по вдохновению – улица Большая Никитская в Москве, на которой расположена Московская Консерватория. Доехать до Консерватории на общественном транспорте невозможно, все остановки находятся на значительном расстоянии. Последний немалый отрезок пути к ней надо проделать пешком. Перед Консерваторией в полукруглой ограде памятник Чайковскому, за ним маленький сквер с большими деревьями. Юная скрипачка устремлена в будущее, Чайковский для неё – старый дедушка, слушать которого скучно. Все эти мотивы-намёки-флюиды сошлись в лёгком и остром стихотворении. Написано было одним махом. Название точно передаёт темп события.

Опубликовано: 6.

ДИКАЯ ЛУКАНИЯ

Бесшумные разбойничьи набеги.
 Ущелий всеобъемлющий простор.
 Не защитят молитвы, обереги
 на козьих тропах неприступных гор.
 Где кларнетист сорвался, брезжит вежа
 и музыка звучит издалека.
 Ночной порой доносится, как эхо,
 протяжный стон из Пропasti Стрелка.
 Тут неизвестны радость и веселье,
 все проклинают тяжкое житьё.
 Тут женщины подмешивают зелье
 в объятья, поцелуи и питьё.
 По-колдовски безмолвны и суровы.
 И угли глаз. И чернота волос.
 И что им христианские основы, –
 ведь не пошёл за Эболи Христос.

21 апреля 2013

В апреле 2013 года взялась читать книгу Карло Леви «Христос остановился в Эболи», которая хранилась в семейной

библиотеке. Это автобиографический роман, который после своей публикации в 1945 году был переведен на многие языки мира, а на русский – в 1955-м. Необычайно умная книга, спокойно и просто написанная, с любовью к жизни, к людям, но без слащавости. Выразительные художественные образы, яркие метафоры, которым может позавидовать поэзия. У автора острый взгляд, точные оценки. «Христос остановился в Эболи» – хорошая ритмизованная строка, если в слове «Эболи» сделать ударение на последний слог. Я немедленно начала писать стих. Но вскоре узнала, что ударение на «э», на первый слог. Набросанные первоначально строки, однако, были неплохие. Местность, о которой шёл рассказ в книге, Лукания, область в южной Италии, – загадочная, суровая. Я пропиталась восхищением и ужасом и создала портрет этой никогда не виданной мною местности, исключительно со слов автора. Стихотворение – наглядный пример того, как возникает поэзия из вторичных впечатлений, столь отчётливо преподнесённых, что они становятся равноценны собственным. У меня есть и другие стихи, написанные так же, с чужих слов, к примеру, стихотворение «От Южно-Сахалинска к Кунаширу...». Обрисованное рассказчиком впечатление воплотилось в стихи. «Дикая Лукания» первоначально была «Разбойничьей Луканией», но название изменилось после появления итогового четверостишья, которое для меня самой стало открытием, в особенности строки: «И что им христианские основы, – / ведь не пошёл за Эболи Христос». Я не задумывала такой поворот, он как-то сам сложился из женщин-ведьм.

Опубликовано: 6.

ЛАВКА АРОМАТОВ

Белы дома. Сыпуч кунжут.
Как по ущелью
к заветной лавке подхожу
с заветной целью.

Рукой циновку отвела.
Во тьме как угли
флаконы красного стекла,
хозяин смуглый.

Я, обернувшись к пузырькам –
духам и ядам, –
сказала: «Дайте... фимиам!»
Он дал мне ладан.

3 июня 2013, ред. май 2014

Посвящено писателю Виталию Бабенко, от которого некогда, во времена учёбы в ИЖЛТ, услышала рассказ о поездке в восточную страну. Как он набрёл на лавку ароматов и, ошеломлённый невиданным количеством веществ и запахов, попросил самый литературно воспетый, загадочный аромат блаженства – фимиам. И был поражён, что фимиамом оказался ладан. Впечатление от услышанного рассказа было очень сильным, более

десяти лет оно хранилось у меня в памяти как драгоценное художественное достояние. Я побывала в Стамбуле, пропиталась востоком, даже написала верлибр «В Стамбуле». Но прошло ещё шесть лет, прежде чем было написано это стихотворение. Так сложно вызревал итог.

Основой впечатления была паническая память мгновенной глухой слепоты, которая возникает при резком переходе от ослепительного света дня во тьму помещения. В этом моменте – всё таинственное, запредельное, беспомощность слепого, его медленное прозрение и прорывающаяся перед глазами восточная красота. Выразительность настойчиво нагнеталась словами, в которых спорят открытый свет солнца и таинственный свет углей. Красные флаконы придуманы мной исключительно для усиления колдовской огневой напряжённости. Первоначально центральная строфа звучала так:

Рукой циновку отвела.
Тьма мнится спящей.
Хозяин вышел из угла,
смугл, ненавязчив.

Потребовался ещё год, чтобы извлечь из строфы созвучие «угл – смугл». В этом виде стихотворение обрело законченность. История записана при подготовке данной книги.

Опубликовано: 6.

«ОГРОМНЫЙ МИР В ОБЪЯТЯ ЗАКЛЮЧУ...»

Огромный мир в объятя заключу.
 Но как ряды любимых поредели!
 Ты был во всём, – держу в руке свечу, –
 в безумствах и поступках на пределе,
 готовый лечь за истину костями...
 Отныне нет надежд на воскресенье.
 Мы оба были летними людьми.
 Но только я немного повесенней.

15 июня 2013

Летом на даче сидела на солнце у пруда и размышляла о том, что 9 июня был день рождения моего хорошего друга, Ивана, уже ушедшего. Подумала, что он был летний человек. Потом подумала, что «мы оба были летними людьми, но только я немного повесенней». Так получились две ритмизованные строчки. И повисли. Надо было возвращаться в город. Мы сели в машину и поехали домой. Кое-где застревали в пробках. Чтобы занять мозги, я стала придумывать обрамление к имеющимся двум строчкам. Первая рифма была «воскресенье» и поначалу складывалась чушь – что мы оба ценили труд, но радовались воскресеньям. Озарение началось с момента, когда я почувствовала эту пружину – «во всём на пределе» – в безумствах и в работе

на пределе – наметившееся стихотворение меня так и тянуло к акцентированию работоспособности, неутомимости, изобретательности героя. Хотелось на этом сыграть, но так и не придумав ничего, перешла на рифму: «поредели». От неё логично выстроилась вторая строка, из которой мне хотелось извлечь больший контраст, и тогда родилось «я целый мир в объятя заключу». Отсюда без церемоний рифма «свечу». И после уже внимание сконцентрировалось не на всём мире, а на одном человеке, я сказала «ты» и сразу сплелось: «ты был... и я в память о тебе держу свечу». А тогда уже встала намертво, замковым камнем, строка: «Отныне нет надежд на воскресенье».

Опубликовано: 6.

МЕДВЕДИЦА

Может, я и не медведь,
но медведица.
Бойся, глядя шерсти медь,
присоседиться.
Бойся, черпая с глубин
сердца золото, –
будет всё в дыму лавин
перемолото.
Бойся, если попадѣшь
в сталь объятия.
Сгинут в нём и неги дрожь,
и проклятия.
Бойся, если под сосной
думу думаю,
заглянуть в души лесной
ртуть угрюмую.
Что стоишь ты, бел и тих,
без движения,
оловянных глаз моих
отражение?

7 июля 2013

Стихотворение с политическим подтекстом, несовместимым, по моему глубокому убеждению, с поэзией. Здесь я постоянно нахожусь в споре с поэтом Юрием Барановым, лирические и остроумные стихи которого очень люблю, но стихи политические, в которых горечь превращается в ненависть, а юмор в сатиру, – отрицаю независимо от того, солидарна с поэтом в конкретно поднятом вопросе или нет. Политика, ненависть и сатира – натурализм, который отягощает искусство сырым, необработанным материалом.

Исток стихотворения «Медведица» в мысли, что все страны боятся Россию, которая, как огромный медведь, ворочается рядом, может задавить и не заметить. Мысль не нова, но импонирует русским как знак силы их страны, не агрессивной, но непредсказуемой и поэтому страшной. Так её и понимают пограничные народы. Первая строка была «Может я и не медведь, но медведица» – личное восприятие обстоятельства, перевод в моё женское самосознание. Далее совершенно естественно «бойся, глядя шерсти медь, присоседиться». Далее я долго мучилась со строками, которые не получались, потому что не рифмовались: «Бойся ... золото, будет ... перемолото». Измучилась с ними, но пока к ним многократно возвращалась, заметила остроумную подоплёку стихотворения – металлическую основу медвежьей сущности. И хотя сначала готова была остановиться на первых восьми строках, стала её эксплуатировать: шерсти медь, сердца золото, сталь объятия, ртуть души, откуда изящнейшим венцом явилось «оловянных глаз моих отражение». Последнее определение легко поворачивает тему к анекдоту, к русскому менталитету, к способности критически оценить себя самого.

Опубликовано: 6, 9.

ОЗЕРО УСМЫНЬ

Вечерние птицы ещё не кричат.
 Дневные уже не поют.
 Покинули юзеры озера чат.
 Тих волнообразный приют.
 Умерился звон тростниковых оков.
 Луну отражает весло.
 Флотилией выводок у берегов,
 не вставший ещё на крыло.
 Покуда охота не разрешена,
 бескровно течёт бытие.
 Охотник за ними следит дотемна,
 задумчиво глядя ружьё.
 Несут из некосов его сеттера
 репы на ушах и груди.
 Над озером тучами крутят ветра,
 и шкурят поверхность дожди.
 Во тьме даже рыба недвижно тиха,
 бессильно молчит эхолот.
 А кряква уводит птенцов от греха
 подальше в безлюдье болот.

28 июля 2013

Стихотворение как из кубиков сложилось из впечатлений, полученных в поездке на три дня на озеро Усмынь в Псковской области. Плавание на лодке, рыбалка. Утиный выводок, не боящийся людей и собак, кормящийся на берегу. А вплотную пылающая в душах охотников кровавая страсть, едва сдерживаемая сроками. Собаки пока не работают, носятся по переросшим бурьянам, все в гроздьях репьев. Рыбаки под дождями вымочили эхолот, он перестал показывать. Рыбалка не удалась. Постоянное опасение за утят, страх, что когда уеду, доверчивую утку и утят убьёт первый же имеющий ружьё, даже только весло. Меня утешают: она уйдёт с выводком в такие места, где их никто не найдёт.

Начало стихотворению положила строка «Вечерние птицы ещё не кричат. Дневные уже не поют». Вечерние были хищники – они мерно кричали всю ночь. Дневные – голосистая пернатая мелочь. Продолжение стихотворения искусственное, исходя из рифмы «чат», вызывающее. Как бы несоответствие, контраст между лирикой природы и техногенной сущностью городского жителя, погружённого в неё. Оставлено с убеждённой уверенностью, так как эти слова рисуют озеро, как гигантский монитор, на котором происходит многоголосая онлайн-переключка тысяч живых существ. История стихотворения записана в октябре того же года.

Опубликовано: 6.

«СОШЛА С ШЕСТОГО ЭТАЖА...»

Сошла с шестого этажа,
толкнула дверь наружу,
где листья трогают, дрожа,
встревоженную лужу.
Неосмотрительно прогноз
погоды брать на веру.
Уже листва идёт вразнос,
идут ветра по скверу
мять кроны, скручивать винтом
их гибкие стропила...
Я отступила за зонтом,
а осень наступила.

23 сентября 2013

Никогда не беру с собой зонт, ненужное отягощение. Беру только тогда, когда вижу за окном дождь. Раз, уходя на работу, не успела посмотреть за окно. Выскочила на улицу и отшатнулась – проливной. И я вернулась за зонтом, раз осень наступила. Так естественно возник центр кристаллизации стихотворения. Единственное отступление от истины – сошла с шестого этажа. Для обеспечения рифмы и для усиления катастрофичности

события, из-за которого неизбежен длительный путь пешком вверх.

Центром стихотворения стало счастливое приобретение: «я отступила за зонтом, раз осень наступила» – оно ещё и танцевальный момент, две шага налево, две шага направо... – напоминает слова шуточной песни «Школа танцев Соломона Кляра», звучавшей в репертуарах одесской эстрады 1910-х годов. Написано очень быстро, практически без редактирования. С необратимо итоговим выводом: «Я отступила за зонтом, / а осень наступила».

Одна строка не даёт покоя: «где листья трогают, дрожа». Она имеет вариант «где листья лип кропят, дрожа». Время от времени я меняю одну на другую. Здесь возможна редакция. Удачная находка – использование в отношении листвы устойчивого словосочетания «идёт вразнос». Как исключительно выразительный момент возникла аналогия ветвей со стропилами, где крона, она же – кровля. История стихотворения записана в октябре того же года.

Опубликовано: 6.

«БЕСКРОВНО НЕБО...»

Бескровно небо. Голову вбивает
холодный фронт в дупло воротника.
Суконная двубортная тоска
души порывы преодолевает.

Близка зимы гружёная телега
и снежных баб хрустящий гарнизон.
Топорщится некошенный газон,
ошеломлённый первой пробой снега.

А в эпицентре всех пересечений,
ловя морозов льдистую струну,
как девушки, готовые ко сну, –
стволы среди опавших облачений.

26 октября 2013

Стихотворение началось от впечатляющей картины в парке – на зелёном газоне под каждым деревом ровным широким кругом лежали опавшие листья. Как роскошная одежда, среди которой стоит сбросивший её голый человек. Первые ритмизованные строки были: «Раздетые деревья и кусты / стоят среди опавших облачений». Недолго думая, я построила четверостишие: «А в эпицентре этих огорчений / опавшие деревья

и кусты / Как дети, не стесняясь наготы, / Стоят среди опавших облачений». Два следующих четверостишья стали обрамлением первому и подготовкой к ударному завершению. На этой стадии работы неожиданно и очень удачно явились метафоры: «двубортная тоска», «дупло воротника», «снежных баб гарнизон» – дворники с метлами... Здесь вынужденно прервалась, но чем бы ни занималась, крутила в уме незавершённое стихотворение. Оно обрело итоговый вид неожиданно. В Булгаковском доме 10 октября был вечер поэта Андрея Галамаги, в порядке выступлений одна поэтесса прочитала своё стихотворение об осени, где прозвучало примерно так: «...осень ходит среди нас, не стесняясь наготы». Причём с той же рифмой, которая была у меня: «кусты – наготы». Собственно, главным достижением вечера было неприятное открытие, что моя корневая формула не оригинальна. Я немедленно убрала исходную рифму и оказалась в начале работы – образ раздевшихся деревьев нуждался в новых словах. Отсюда завершение определилось окончательно, в нём акцент сделан не на наготу, а на той причине, которая повлекла за собой сбрасывание одежды: «как девушки, готовые ко сну, – / стволы...». Стихотворение ещё больше выстудилось и приобрело контрастность.

Опубликовано: б.

ОБЛАКО-ЕДИНОРОГ

Взмывло над гаснущим лесом,
над позументом дорог
не отягчённое весом
Облако-единорог.

Будто начерчено мелом
на небосводе крутом.
Выросло, залиловело
и оказалось китом.

Кит, шевеля плавниками,
преобразился во тьму.
Звёздный планктон косяками
тронул усов бахрому.

Но на востоке, как рана,
света взведённый курок, –
в чреве у Левиафана
Облако-единорог.

26 октября 2013

Записано в тот же день, когда сочинено. Возвращались в конце августа с Рязанщины. Последний был тёплый день перед

холодами. Просторы, приокские равнины, ширь, леса. Я глядела в окно машины. Над полосой дальнего леса высунулось облако в виде скачущего единорога. Первая строка – задорно скачущая – возникла сразу: «Выскочило из-за леса / Облако-единорог». Она оставалась нетронутой два месяца. Но мне хотелось продолжить рассказ об облаке. Я размышляла, что, явившись, оно должно как-то изменяться на протяжении стихотворения. Такова основная идея. Были несовершенные побочные идеи: «Не проскакав получаса, / стёрлась его острота, / вскинуло крылья Пегаса / и превратилось в кита». Отсюда накрепко въелся кит, через описание его разбухания-увеличения и насыщения темнотой выстраивался образ ночи.

Втянувшись в стихотворение, я безуспешно мяла его в уме больше двух недель во время езды на транспорте и в любых паузах. Написание стало навязчивой идеей. Рифма «получаса – Пегаса – окраса» измучила бесперспективностью, как и рифма «острота – кита». Наконец я собралась с духом и отказалась от них. Взяла взамен наобум первую, годную по смыслу, лишь бы сойти с замкнутого круга, как-то освежить рабочее поле.

Новые рифмы были: «крутом – китом» и «тьму – бахрому». Здесь стихотворение сложилось быстро и деловито. В нём проявилась белизна – мелом на небосводе, ярость скачки – на небосводе крутом, как движение вверх и сразу вниз, в «тьму – бахрому». Удачно пришёлся китовый ус – бахрома, сквозь которую наступающая ночь цедит тьму, улавливая планктон – звёзды. Вечером 25 октября я записала три четверостишья и поняла, что мне не хватает в сгустившейся тьме светлой точки – того самого облака, с которого всё началось, которое как Иона-пророк оказалось в чреве кита. Спать легла с этими размышлениями. Утром дописала последнее четверостишье. Центр его – точное слово «курок». Стихотворение посвящено моему мужу, Сергею, талантливому архитектору, так как мы вместе видели это облако.

Опубликовано: 6.

СИЗИФОВ КАМЕНЬ

Толкая камень собственного веса,
срывать, не добравшись до конца.
Прочитывать от первого лица
драматургию жизненных процессов
с динамикой в транскрипции Творца.

Отчаянно вершить Сизифов труд,
зачем – себе отчёт не отдавая.
Нащупывать Грааля изумруд
и трепетать – не завела б кривая
в петлю, на осмеянье или в пруд.

Но как бы ни был болен или стар –
за камнем вновь пойдёшь на дно оврага.
Сизифов труд – страшнейшая из кар, –
бессмыслица и смысл, беда и благо.
Сизифов камень – это Божий дар.

2 августа 2014, ред. октябрь 2014

История стихотворения записана 6 октября 2014 года. Начало ему положило размышление над словами, что в драматургии важна не только последовательность действий, картин,

сцен, а ещё и та динамика, с которой они происходят. Отсюда возникла строка «драматургия жизненных процессов», которая тут же продолжилась словами «с динамикой в транскрипции Творца». Для поддержания темы были взяты первые попавшиеся рифмы: «веса» и «конца». Сизифовым камнем стихотворение стало с этого момента, с обретения веса. К слову «труд» пришёл «изумруд», образ Священного Грааля как стремление к недостижимому. Последняя строка второй строфы долго редактировалась, менялся перечень неблагоприятных концов, но настойчиво просилось слово, означающее отсутствие признания. «Осмеяние» пришло, когда неожиданно явилась третья строфа. Но глодала неудовлетворённость Граалем и недовольство работой в целом, которая пока оставалась безответственным упражнением. Я задумалась об упорстве Сизифа, которое имеет под собой очень простую положительную мотивацию: по-моему, он не хочет расставаться с камнем, потому что, отказавшись от него, получит какое-нибудь другое занятие, много худшее. То есть Сизиф дорожит своим камнем. Далее размышления привели к очевидному: раз Бог дал ему камень, то это – Божий дар, передарить невозможно, следовательно, он также и кара. Здесь сложилась тема третьей строфы и идея всего стихотворения. Нужно было только аккуратно уложить рассуждения. К словам «Божий дар» приладила «стар». Сизифу это подходило. В пару к «дар» – «страшнейшая из кар». Фактура стихотворения складывается из противоречивых граней труда. Написано за полчаса. Является редким примером среди моих стихов, возникшим из умствований. В стихотворении заметна чересполосица весомых и легковесных строк. Оно контрастное, полосатое по силе, что отвечает настойчивому неровному шагу в гору. Строка «...зачем? – себе отчёт не отдавая...» приобрела смысл благодаря третьей строфе. Теперь «отчаянно вершить Сизифов труд» предстаёт как обстоятельство неодолимой силы, когда остаётся принять всё как есть.

Опубликовано: 6.

«Я ТОЖЕ ПОМНЮ ЛУННУЮ ДОРОЖКУ...»

Я тоже помню лунную дорожку.
 И то, как мы гуляли вдоль волны.
 Луна легла на чёрную обложку
 небес непостижимой глубины.
 Играло море ласковостью штиля
 и смутно отражалось в облаках.
 Шли босиком, толкались и шутили.
 Обувку сняли и несли в руках.
 Вам приходилось с вежливым поклоном
 свои ботинки ставить на песок,
 чтоб целовать меня на пляже сонном,
 отщипывая лакомый кусок.
 Сияло всё – отлива мельтешенье,
 луна, маяк, похожий на звезду,
 а в сердце – драгоценным украшеньем
 моя печаль, что я от вас уйду.

24 августа 2014

Возникло из строки «Я тоже помню лунную дорожку...», началось размеренно, традиционно для эпистолярного жанра,

что импонировало мне, совпадало с мысленным ответом на письмо, как если бы я такое получила. На начальной стадии работы было важно название: «Ответное письмо». Название всегда важно, так как в него вкладывается смысл, выходящий за пределы охваченной темы. Либо названием усиливается существенная деталь. Здесь оно высветилось раньше самого стихотворения. Однако в редакциях текста смысловый центр смещался, и название изменилось на «Ответное», потом на «Безответное», которое тоже не удержалось. В итоге я отвергла всякое название и оставила по первой строке.

Центром кристаллизации было сохранившееся от прогулки вдоль моря хорошее и сложное чувство, даже скорее целая палитра чувств с перепадами от романтики до иронии. Следом за первой вступительной сразу выстроилась последняя подытоживающая строка «...печаль, что я от вас уйду». Стихотворение складывалось на пружинистой ноте лёгкого шага, подшучивания, лунного света, плотного сырого песка, с которого волны немедленно слизывали следы. Хотелось максимально передать романтический характер прогулки, но одновременно чуть понизить её реальную значимость для обоих участников. «Толкались и шутили» придало простоты и встало в рифму к «штиля». Основой третьего четверостишья стала хорошая пара «песок – кусок», где в меру, но пикантно, обыгрывается кусок.

Опубликовано: 8; 22 (2016. № 1); 23 (2015. № 1); 9.

ГОРОД КАНТА

Надгробие Иммануила Канта
в бесстрастном оцеплении колонн.
В родную землю погребённый, он
теперь лежит здесь в роли эмигранта.

Размах ума, могущество таланта
сдаются твёрдой поступи времён –
сдвигает победивший легион
черту границы с лёгкостью атланта.

Вдоль Преголи белеет балюстрада.
И остров Канта, – только так и надо, –
в знак, что и эту догму опроверг,
уйдёт с волной в какой-нибудь четверг.

Краснокирпично тлеет Кёнигсберг
в надтреснутой груди Калининграда.

15 сентября 2014, ред. 2017

История записана 7 октября 2014. В Калининграде я провела один день, 15 августа 2014. Никаких стихотворных замыслов у меня не было. Вернулась домой с недоумением: Кант был похоронен на своей родной земле, но теперь это другая страна,

и он оказался в ней эмигрантом... Даже после этого откровения никакого творческого импульса не было. Только оставалось общее ощущение заброшенности, неустойчивости Калининграда, словно новый лик его так и не был обретён, и самое важное, в нём – это оставшееся от Кёнигсберга: река Преголя, могила Канта на острове и полукольцо полуразрушенных кирпичных фортификационных укреплений.

Размышления привели к ритмизованным строкам «Философа Иммануила Канта / могила в окружении колонн», с них началось стихотворение. Далее естественным продолжением: «в родную землю погребённый, он / теперь лежит здесь в роли эмигранта». Четверостишье сложилось быстро, как вводное, и хотя много впоследствии редактировалось, в целом закрепились и стало требовать продолжения. Строки: «Краснокирпично тлеет Кёнигсберг / в надтреснутой груди Калининграда» своей законченностью определили итог стихотворения.

К этому моменту уже сформировался замысел: граница сдвинута и всё изменилось для Кёнигсберга. Здесь мелькнула идея написать о двух Китежах – Кёнигсберге в Калининграде и Константинополе в Стамбуле, имеющих родственную судьбу и брезжащих сквозь накат нового времени. Но я сузила тему, предвосхищая сонет.

Вторая строфа с заданными рифмами была ясна по смыслу, но развить её никак не удавалось. Я блуждала около темы: грандиозный ум, который, однако, не в силах препятствовать движению времени. Был вариант «на три столетия погружённый в сон». Но строфа шла от «таланта», который никак не хотел подходить к Канту по смыслу, тот всё же – ум, пока я не приняла через запятую и не оторвала его от Канта, переводя на более общий уровень: «Размах ума, могущество таланта...», которые далее уступят натиску времени. «Уступят» не подходило, и я долго искала аналог, пока не нашла «сдаются». К «времён» пришёл «легион» неудачно, но по смыслу годился, хотя продолжение третьей строки стало очень уж отвлечённым, а за ним

четвёртая, которую завершило малопригодное «атланта». Вторая строфа должна была быть мощно подкреплена дальнейшим шестистрочием, две последние строки которого уже стояли на своём месте. Здесь я хотела дать суть философии Канта. Забралась в «Критерии чистого разума», «Критерии практического разума». Но «трансцендентально» уже использовал Веничка Ерофеев. «Критический императив» – что-то такое здесь было нужно, но не укладывалось в смысл, где Кант преодолевает своим умом сложившуюся нелепую ситуацию. Желая дать точную географическую привязку, я написала первую строку шестистрочья: «Вдоль Преголи белеет балюстрада» – реальная городская деталь. Отсюда возникла идея – сдвинуть с места остров Канта, который устремится в плавание с водами родной реки. Получилось «и остров Канта, словно так и надо...» – безответственная рифма и заполнение пустоты. Далее «уйдёт с волной...» и далее нет никакой рифмы, кроме «четверг». Пыталась обосновать его: «в обычный день, в какой-нибудь четверг...». Но эти ухищрения отнимали очень много места. Сделала компактно: «уйдёт с волной в какой-нибудь четверг».

Здесь вплотную подступила необходимость как-то пояснить основную суть трудов Канта. У меня для этого было «отверг» – что-то этот великий ум отверг, – и я никак не могла его уместить, пока через какое-то довольно длительное время не явилось слово «опроверг». Оно мгновенно выстроило логику оставшихся строк: «в знак, что и эту догму опроверг». Получилась отличная, ёмкая по смыслу строка, увязавшая все остальные в единое целое и в какой-то степени оправдавшая их слабость.

Опубликовано: 22 (2016. № 1); 25 (2015. № 23); 23 (2015. № 1); 9; 16.

ФОРМУЛА

жить в своё удовольствие
это делать то что хочется
до тех пор
пока не захочется чего-нибудь ещё

6 октября 2014

Плод вялых раздумий во время приятной бездеятельности, когда нравится то, что есть, и нет причин прерывать данное состояние, кроме одной – если появится замена, равноценная по приятности. Например, человек проснулся субботним утром, он выспался и никуда не должен торопиться. Он поднимется, когда мысль: «А не выпить ли кофе», – станет сильнее желания лежать, и продолжит жить в своё удовольствие.

В верлибре есть принудительное пренебрежение паузой во второй строке, когда следовало бы перенести ниже её вторую половину, сломав между «то» и «что». Однако пришлось ритм подчинить смыслу.

Опубликовано: 9.

«ОТ ЮЖНО-САХАЛИНСКА К КУНАШИРУ...»

От Южно-Сахалинска к Кунаширу
 стезёй морской
 идёт паром. Болеют пассажиры
 морской тоской.
 Но только утро встанет на котурны
 над бездной дна, –
 барашки изумительно лазурны,
 вода черна...
 Взмывает солнце огненным дельфином –
 волны пожар.
 В восторге, в устремлении к глубинам
 желанье жабр.
 Иль напряженье длительных нагрузок,
 иль качки пресс, –
 в Охотском море по-японски узок
 всех глаз разрез.
 Висит до ночи красный шар Востока
 в белёсой мгле.
 Присматривается Большое око
 к Большой земле.

7 октября 2014

История записана 12 августа 2017 года при подготовке данной книги. Мелкие черты рабочего процесса уже были утеряны. Но всё основное в памяти уцелело. Написано быстро, в считанные дни, но редактировалось ещё месяц, после уже оставалось неизменным. Ещё один любопытный образец, как складывается стихотворение не из собственного впечатления автора. О плавании по Охотскому морю рассказывали девушки архитекторы, которые ездили на Кунашир для проектирования туристического маршрута по острову. В пути их поразили сопровождавшие судно стаи дельфинов, изумрудная пена над чёрной толщей волн – образы яркие и контрастные. Перед глазами возникла отчётливая картина. Рассказ об удивительном, хотя и тревожном плавании соединился в цепочку точных деталей, названных на морской путь: утреннее солнце, скачущие дельфины, близость Японии, поглядывающей издалека.

Исходным пунктом стихотворения стала строка «Порядки волн пронзительно лазурны, / вода черна...», потом она изменилась на «Барашки изумительно лазурны...» – меньше слов и акцент на необычайном цвете пены. Солнце, взмывающее подобно дельфину, соединило в себе утро и непременно дельфинов. Находкой, скорее, подсказкой свыше было «желанье жабр» как рифма к «пожар» и отсылка к неодолимой мощи глубин. Неудачна рифма «стресс – разрез», и слово «стресс» здесь чуждо. Оставлено за неимением лучшего решения. Возможна редакция. Первоначально было «В Японском море... узок глаз разрез», но быстро преобразилось: «В Охотском море...» как соблюдение достоверности, путь парома идёт именно по Охотскому; словосочетание «по-японски узок» исчерпывает собой географическую привязку. Удача стихотворения – последние четыре строки, где неназванным присутствует японский флаг: на белом поле красный шар.

Опубликовано: 25 (2015. № 23); 23 (2015. № 1); 14 (2015. Вып. 7); 9.

КОСА

Стремление к дюнам у меня в корнях.
 Основы материнского наследства –
 песок и ветер – создали меня,
 скупые, но изысканные средства.
 Начерчена на море полоса.
 Её изгиб течениями отмечен.
 Необозрима Куршская коса
 и белоснежный берег безупречен.
 Где стебли трав по ватману песка
 окружности выводят словно спицей.
 Где с кончика волны, как с языка,
 срываются янтарные крупницы, –
 живые искры вымерших печей,
 прошедшие все стадии экстрима,
 кровь преломлённых солнечных лучей...
 Легка, прозрачна и нерастворима.

7 ноября 2014

История записана 10 ноября 2014 года, сразу после завершения работы над стихотворением. Оно было мне крайне нуж-

но для цикла «Балтийская ветреность». Поездка на Куршскую косу произвела на меня большое впечатление. Но в первых набросках не было центра кристаллизации. Начальная строка «Стремление к дюнам у меня в крови...», возникшая 3 июля того же года, ещё до знакомства с косой, жила сама по себе, без связи с замыслом, и тоже оставалась без применения. Её возможное продолжение имело невнятный вид. Из него могло бы получиться стихотворение о моей матери, имевшей латышские корни. Фрагмент остался неразработанным.

Стремление к дюнам у меня в крови,
 в их иероглифической фактуре
 зов предков, гены – как ни назови, –
 звучат в волнообразной партитуре.
 И скандинавской матери зрачки
 с голубизной...

Задуманное по возвращении стихотворение о косе по-прежнему не имело внутренней ритмизованной опоры. Оно напоминало о своём желании быть написанным только зрительными образами: протяжённый белый плоский берег, по которому можно долго-долго идти босиком, никого не встречая; изумительная синева сильных волн, в которые хочется погружаться, но они опасны своей сокрушительной мощностью; редкая острая режущая трава, которая, движимая ветром, рисует на гладком песке окружности и дуги... Но, в первую очередь, янтарные крупницы. Их сияние в любом свете при любой погоде наполнено таким жизнеутверждающим внутренним огнём, которого я не знаю ни в одном минерале или металле. Из-за лёгкости они неуловимы и уходят с волной в море. Они только тогда и могут остаться на берегу, если находятся на самом гребешке, на кромке волны. Поэтому их сразу видно на краю неровного следа, который оставил на песке только что ушедший язык.

На Куршской косе я провела сутки 15–16 августа. Вечером, едва приехала, купалась в бурных перламутровых волнах, видела невозмутимую лису в лесу. Первые намёки были бестелесны:

Платок накину, чтобы ветер...
и море вглубь не увлекли
.....
Ну вынеси, ну положи у ног
крупичу солнца...

Из этой вялой последовательности проявились две базовые строки, задавшие ритм:

Посланцы солнца – крошки янтара
воспламят пустое побережье.

«Крупичу янтара», поначалу «крошки», крепко засели в уме. Крупичу – потому что важна не материальная ценность больших находок, а нематериальная россыпь световых искр. Слово «искры», как выразитель нужного мне великого неистовства в крошечном объёме, я нашла гораздо позже, когда уже заканчивала работу.

Коса – какая-то благодатная пустыня, на километры никого. Я везде была одна. Курсировала на рейсовых автобусах и пешком, видела дюны, танцующий лес. На обратном пути вышла из автобуса у придорожного столба «32» и через заросли пошла к берегу моря. Шла и громко пела. Очень громко. Очень громко кричала стихи. Одна на весь лес и на всё море. И тогда вот ощутила, что это тема стихотворения. Вышла на берег, поднявшись сначала на песчаный вал, намытый морем. Увидела оттуда бесконечность песка в обе стороны и море перед собой – синее в белых гребнях. Именно с этого образа – когда уже всерьёз встал вопрос о необходимости такого стихотворения для завершения цикла – я вернулась к работе. Выстраивала воспоминания.

Я, наконец, среди родных стихий.
Не надо ни гордиться, ни бояться,
на весь сосновый бор кричу стихи, –
кошулям остаётся удивляться.
Но осекусь, ступив на гладь песка,
где травы остро колются, как спицы,

и с кончика волны, как с языка,
срываются янтарные крупичу,
наполненные солнечным огнём,
неистойвой нерастворимой мощи.

Отсюда твёрдо определились две строки, первая шла в рифму к «песка» – «и с кончика волны, как с языка». Сложнее складывалось с «крупичу», от которых я ни за что уже бы не отказалась. Нашлись «синичу» и были отвергнуты. «Спицы» вставляли очень уж искусственно, хотя по ощущению верно – усиливали колкость и опасность травы. Но их присутствие в стихотворении могло оправдать только точное использование в одном-единственном смысле: трава, когда ветер крутит ею, чертит острым концом, как спицей, окружности на песке. Такие рисунки я видела на косе и сначала очень озадачилась: откуда эти знаки?

Решение пришло, когда явилось слово «ватман» – плотная рельефная бумага для живописи и черчения. Лучший ватман – ручной работы с водяными (!) знаками. Ватман идеально соответствовал фактуре белого песка. Немедленно образовалась строка: «где стебли трав на ватмане песка...», и за ней естественным продолжением – «окружности рисуют (или наносят, наводят, проводят), словно спицей...», а следом встали строки о крупичу. Но далее требовалась характеристика крупичу – живые, животворные, полные жизненного огня, сияния. Этого было категорически недостаточно, требовалось запредельное усиление неистовости огня в контрасте с холодом воды. По сути, первые варианты строк соответствовали замыслу, особенно слово – «нерастворимые», не выцветающие, не исчезающие в воде, что отсылало к янтарной желтизне и акварельной прозрачности.

С этим четверостишьем было много работы, но и много открытий. Сначала явилась строка «обломки хрупких солнечных лучей», к «лучей» рифма «печей», каких печей – вытывших, вымерших! Отсюда сразу далёкая обратная перспектива,

сильное противопоставление живого сияющего янтаря и тех давних времен, когда он рождался. Сразу сложилась точная строка «живые искры вымерших печей», далее была пустота, далее «обломки хрупких солнечных лучей», последняя «легки, прозрачны и нерастворимы». Вопрос оставался в рифме к «нерастворимы» (Рима, прима и глаголы – всё не подходило). Открытием стало слово «экстрима». Жаргонное не устоявшееся слово, которое следовало вставить так убедительно, чтобы оно оказалось незаменимым. Поэтому, когда придумалось, что янтарь после рождения проходит многие ступени созревания, слово «ступени» и было заменено на «стадии». И получилось искомое «прошедшие все стадии экстрима». Затем я представила себе лучи солнца, прокалывающие поверхность воды, – преломлённые лучи. Вместо аморфной описательной фразы о крупницах как обломках лучей, я получила острую «свет преломлённых солнечных лучей», которая тут же напряглась словом «кровь» вместо «свет», до предела наполнив жизнью янтарные крошки. И я вернулась к первому четверостишью. Прекратила пытаться себя немислимыми конструкциями к «в крови», заменив на «в корнях», хотя это слабее. И закончила, убрав «скандинавской», но усилив национальные признаки. Также убрала здесь «море», заменив на «ветер»; в дюнах задул ветер, строки выстроились строго и совершенно, четверостишье закончилось фразой из области живописи – «скупые, но изысканные средства». Потом я удалила второе четверостишье со слов «Я, наконец, среди родных стихий...», так как оно выбивалось из общего порядка. И стихотворение сложилось.

Опубликовано: 22 (2016. № 1); 25 (2015. № 23); 23 (2015. № 1); 14 (2015. Вып. 7); 9, 16.

«ИХТИОЛОГИ...»

ихтиологи
биологи
зоологи
палеонтологи
при всех ваших знаниях
вам невдомёк
что во веки веков от начала творенья
самый водоплавающий в мире зверь
солнечный зайчик

15 ноября 2014

Поздно вечером 14 ноября в пятницу плавала в бассейне. Разглядывала через очки воду, кафельное дно, кафельные стенки. На них играл свет от ламп, разбитый волной. Подумалось, что если бы дело было днём, то был бы полный бассейн солнечных зайчиков! Так что строка «самый водоплавающий в мире зверь – солнечный зайчик» была выловлена в бассейне.

Опубликовано: 14 (2015. Вып.7); 9.

ЖЕЛАНИЕ СНЕГА

трудно поверить
 что выпадет снег
 так серо и сухо
 так ветрено
 так шелестит что-то там в глубине
 чёрного парка
 что кажется издали
 будто давно отключённый фонтан
 снова взялся за старое

14 ноября 2014

Тема фонтана, шелестящего в глубине чёрного парка, волновала меня давно, с самого начала осени, когда стало безлюдно и темно, а фонтан исправно делал своё дело – красиво и симметрично бросал вверх и в стороны воду. Тревожило ощущение вины: он старается, а никого нет, кто бы порадовался стройным сильным струям. Когда поздней ночью в ноябре мне почудился в парке звук, похожий на шум фонтана, стихотворение сложилось само собой. Открытием стала последняя строка «фонтан / снова взялся за старое». В ней и юмор, и симпатия к трудолюбивому некичливому фонтану, и ощущение, что затянувшееся

отсутствие зимы ведёт нас куда-то назад в сентябрь, а то и в август. При подготовке в 2017 году проекта новой книги, которую задумала составить из стихов, связанных с русской зимой, снегом, морозами, название этого стихотворения стало названием книги. Но то, что было достаточно для маленького верлибра, было недостаточно для книги, и я усилила название до «Жажда снега», заменив его и в стихотворении, но лишь в массиве новой книги.

Опубликовано: 9.

СОНЕТ БУЛГАКОВУ

Кошачьи взгляды Маргариты –
 два изумрудные луча.
 Ещё божественна свеча,
 но окна в ад уже раскрыты.
 Несутся ведьм метеориты,
 по крышам мётлами стуча.
 Мечь и сладка, и горяча.
 И вечен мёртвый холод свиты...
 Всё блеф! Болтливые коты,
 неотразимый Азazelло...
 Не выдумка – любовь. И тело
 в огне всеильной наготы.
 Да рукописные листы.
 Да жизнь, где всё осатанело.

23 декабря 2014

История записана 15 июля 2016. Тема возникла давно, 23 сентября 2014. Это был вторник. Я пошла в Булгаковский дом на вечер к Ирине Яковлевне Горпенко-Мягковой. Исток стихотворения там. Маргаритой предстала мне Ирина Яковлевна, статная, элегантная, умная, с лучистыми глазами. Я подума-

ла, что вот такой была бы Маргарита, если бы прожила свою жизнь. Первые строки возникли в таком виде:

Глаза сверкают из-под шляпки, как лазерные лучи.
 По Булгаковскому дому бродит Маргарита
 Кошачьи взгляды Маргариты
 Летящие метеориты, как два огня или луча...

Как видно из этих строк, здесь лишь намёк, но нет даже застолблённого ритма. Незыблемо утвердилась одна строка «Кошачьи взгляды Маргариты», которая стала первой. За ней «Как два огня или луча». На этом вечер закончился, размышления остановились, я ушла и всё забыла. Стихотворение существует с 23 ноября 2014, когда я наткнулась на записанные строки и быстро-безответственно дополнила их: «Ещё колеблется свеча, / но окна в ад уже открыты». Выстроилась первая строфа, укрепившая собой сонет, но он долго оставался незавершённым, сырым и аморфным, хотя уже в первой версии проявилась тема противопоставления вымысла и реальности. Я время от времени подправляла его, но оставалась неудовлетворённой. Потом увидела объявление журнала «Москва» (№ 6, 2016) о конкурсе стихов к 50-летию первой публикации в журнале романа «Мастер и Маргарита». И взялась за стих плотно. Редактирование длилось три дня. Главными проблемами были строки второй строфы, где я хотела показать ничтожество подлецов.

Летучих ведьм метеориты,
 по крышам мётлами стуча
 преследуют Могарыча, –
 но вшей ничтожны габариты...

Рифма «Могарыча» очень нравилась, долго не хотелось с ней расставаться, однако я отказалась от воспевания подлости и пошлости, стала уходить от этой детали, но сохраняя барабаниющих по крышам ведьм, несмотря на то, что в словах «ведьм метеориты» неудачно удвоение «м». В работе находился завершающий фрагмент такого вида:

Всё сказки – странные коты,
Мессир, Коровьев, Азazelло,
гуденье оргий акапелла...
Не вымышлено лишь только тело
в броне всесильной наготы,
да испещрённые листы.

Открытием, реальной удачей была последняя строка «...жизнь, где всё осатанело». Случилось это так. Сначала я нагрузила продолжением-определением-расширением строку «и испещрённые листы» словами «где истина окаменела», что подходило по духу, но было вызывающе многозначительно и необоснованно (то есть я и сама не могла бы объяснить, что за глубокий смысл здесь заложен). Нужны были другие слова, точные и объяснимые. Стала искать аналоги и не сразу, но быстро нашла «осатанела». К рукописным листам (вместо испещрённых) оно не шло, но стало завершением и триумфом всего стихотворения, коронным номером, где сошлись в нужном контексте в одном слове реальность и нереальность, чистота и подлость. Первоначально было «Не вымышлено только тело / в броне всесильной наготы, да рукописные листы». Тело было хорошо, но недостаточно, требовалось вставить высшее – любовь, а для этого найти короткие начальные слова для 9-й и 11-й строк. «Всё блеф!» позволило из «странного» (негодное пустое слово) кота сделать «учёного», что есть своевременная аллюзия на Пушкина. «Не выдумка – любовь...» встало вместо «не вымысел – любовь...», позволив избежать удвоения «л». Долго переставляла строки во 2-й строфе, вариант был «Ждёт Воланд в окруженье свиты» – вяло, к тому же повтор Воланд-Мессир. Однако рифма «свиты» была перспективная. Тогда взяла контраст: жизнь–мерть–горяча и смерть–ад–вечность–мертвы–холодны. Это была последняя крупная правка. К 17.00 14 июля всё сложилось.

Удивительным было для меня совпадение конкретных деталей моего сонета с конкретными местами романа – я не выбирала цвет глаз Маргариты, я хотела лишь показать её кошачью

сущность. Оказалось в оригинале: при превращении в ведьму у неё глаза позеленели, а далее, уже в конце романа, она кошкой вцепилась в Могарыча. Я сама поразились, насколько в точку. Для меня исходными были глаза Ирины Яковлевны, цвет которых мне был не известен, и кошачья тема Бегемота – ходит толстый котяра по Булгаковскому дому.

История стихотворения и журнал, в котором оно было опубликовано среди отобранных конкурсных работ, были мной подарены с благодарностью Ирине Яковлевне в очередной вторник в конце апреля 2017 года. Тем не менее, в сонете оставался один животрепещущий вопрос: вероятность использования в последней строке вместо «осатанело» – «осточертело», ввиду идеальной рифмы к слову «тело», что крайне соблазняло. В тот период я ставила как окончательную то одну, то другую версию. Однако в итоге сохранила «осатанело» как более личностное по отношению к Воланду. Кроме того, «осточертело» означает, что человеку всё в жизни надоело и опротивело, вполне будничным оборот. «Осатанело» же – что всё в окружающей жизни наполнилось демонической силой и угрожающе сжимает круг.

Опубликовано: 23 (2017. № 4); 9.

«ОГОНЬ ДОИСТОРИЧЕСКИХ ВРЕМЁН...»

Огонь доисторических времён –
 Любовь – бессмертный факел Кайнозоя.
 Удары сердца – как у тех племён –
 не укротимы болью и слезою,
 оледенением, холодом теней
 лесной лыжни, оплавленной пробегом,
 где очертанья вздыбленных корней,
 как мамонты, припудренные снегом.

ночь 19–20 января 2015

История стихотворения записана 20 января, сразу после завершения работы. Задумано 4 января во время зимнего отдыха под Угличем, где было много катания на лыжах по заснеженному еловому бурелому, населённому лосями. Написано вскоре после возвращения, редактировалось в течение месяца, окончательно сложилось к 21 февраля. Первыми строками были две, ставшие в итоге последними. Их я обмозговывала дней десять, чтобы выстроить в ритмике: «где очертанья вздыбленных корней, / как мамонты, припудренные снегом». Завалившиеся ели, поставившие на попа пласты земли, – эти вывороченные корни со стороны казались огромными мохнатыми животными. Подумала, что по масштабу они не лоси, а уж мамонты. Подумала,

что в таком снегу бродят мамонты... Подумала, что с тех допотопных времён от мамонтов ничего не осталось, но огонь, впервые добытый первым человеком, не угас. Размышляя о древнем огне, я уже чувствовала необходимый контраст между льдом и пламенем, и отсюда вышла на мысль, что единственное неугасимое пламя от самых древних времён – любовь, выжигающая в оледенении дорогу в будущее. Мамонты умерли, а люди прошли дальше. Отсюда первая строка, как быка за рога: «Огонь доисторических эпох – Любовь...» Здесь я прикинула начерно, что к последним строкам уже есть пригодные рифмы: «корней – лыжней» и «снегом – пробегом». Вроде бы стихотворение целиком наматилось, осталось на нём сосредоточиться, что никак не удавалось сделать. Была ещё попытка вплести тему, затронутую мной в верлибре «Музей», где есть размышление о древности: что же мы действительно видим, дело рук человеческих или следы? Но отказалась от этого.

Ночью 19–20 января не спалось. Пошла дописывать. Довольно легко определилась с первыми двумя строками, где «Любовь – бессмертный факел Мезозоя...» Эра вошла естественно, но надо было всё ж уточнить. Утром по Интернету с облегчением выяснила, что не Мезозой, но Кайнозой – эволюция млекопитающих и появление человека, – для стихотворения это дела не меняло. Вынужденная рифма «слезой» стояла как кость в горле, что-то надо было с ней делать. Хороший образ пришёл, что «стук сердца» остался точно такой, как у древних племён, сразу встала рифма «времён – племён», в первой строке «эпохи» были заменены на «времена». Долго возилась с третьей строкой, пока не получилось «удары сердца». Первое четверостишие сложилось. Второе требовалось только для того, чтобы перейти от древности к настоящему, к заснеженному лесу и замкнуть круг мамонтами. Долго мяла во втором четверостишии вторую – ключевую строку, которая должна была исчерпать перелёт из того в это время и поставить меня на лыжи посреди сегодняшней зимы. Были варианты очень тяжеловесные:

Где шорох лыж, отточенных пробегом
 Неугомонных лыж летучим бегом (плохо: летим или бежим?)
 Еловых лап над лыж скользящим бегом
 Над следом лыж и быстрым их пробегом
 В лесу, пронзённом лыж согласным бегом
 Шуршаньем лыж, взволнованных пробегом
 На лыжах, отшлифованных пробегом

Оторвалась от «лыж» и взяла «лыжню»: «Лесной лыжни пробегом». Немедленно получилось итоговое: «Лесной лыжни, надраенной пробегом...», где быстро встало слово «оплавленной», на редкость точное по ритмике и смыслу – образ скорости: так быстро бегут лыжи, что от трения снег плавится. Стихотворение сложилось. Хотя оно меня не вполне удовлетворяет из-за «слезы», но в нём уже гораздо больше лирической воздушности, чем балласта несовершенства, оно легко поднимает в воздух корзину недостатков, словно и не замечая их, и летит.

Опубликовано: 9.

ЕДИНСТВЕННОЕ ПРАВИЛО

Когда бы смертный с Богом не лукавил,
 все заповеди, к чёрту, извратив,
 не стал бы формулировать семь правил,
 чтоб обеспечить личный позитив
 и жить, – покуда не сыграет в ящик, –
 зеркальным отраженьем бытия,
 сосредоточенным на настоящем
 довольным и неуязвимым Я,
 приемлемым для всякого режима,
 и право на ошибку возлюбя.
 И всё логично, неопровержимо –
 ударишь ты, ударят и тебя.

Войны и мира нескончаем танец,
 но как бы эта вязь ни пролегла,
 я не какой-то там американец,
 чтоб на год распланировать дела.
 Мы простаки и врозь, и общим клиром, –
 меж Азии с Европой на посту, –
 всё принимаем с юмором и миром.
 Всё. Но не подлость и не клевету.
 В конвульсиях компьютерных галактик
 Земля трясётся, словно ветхий дом.
 Мы ж вместо разных тренингов и практик
 по-прежнему на исповедь идём.

Пока Господь Россию не оставил
на перекрестье sms и СМИ, –
у православных правило из правил:
когда захочешь стукнуть – обними.

1 февраля 2015

Подзаголовок: «В ответ на семь простых правил позитивной психологии». Посвящено И.Я. Горпенко-Мягковой.

История записана в день завершения стихотворения, первого февраля. Было так: 27 января 2015 года во вторник ходила в Булгаковский дом повидать Ирину Яковлевну. Просто соскучилась. Перед началом вечера она раздала программу мероприятий на февраль и к ней в придачу лист (распечатку из Интернета) с перечнем семи правил позитивного отношения к жизни. Вручая мне этот лист, она сказала как бы в шутку: «А про это надо написать стихи». Я пообещала, что напишу. Она мне: «С присушим вам чувством юмора, у вас получится». Я с убежденностью подтвердила, внутренне порадовавшись, что она уловила во мне это свойство – остроумие. Я понятия не имела, когда смогу написать. Но совершенно неожиданно пришло на память моё единственное правило, которое я когда-то на заре замужества противопоставила другому перечню – правил счастливой семейной жизни, – который дала мне моя мама. Я сказала ей тогда: вот у тебя столько правил, а у меня только одно: «Если хочешь стукнуть – обними».

Семь правил, полученных в Булгаковском доме, были откровенным порождением американского практицизма, психологических тренингов нового поколения, что, по моему разумению, совершенно несовместимо с русским характером. В этих правилах, как бы они ни были на первый взгляд правомочны,

главный подвох в том, что всё понимается и оценивается, исходя из себя – всё такое, каков ты сам. Появились промежуточные строки: «Там он отражается в мире, / Здесь мир отражается в нас...» Вспомнилось тут же, как на вопрос «Какие у тебя планы?» мой добрый друг, большой шутник, бросил замечательное летучее: «Что я, американец какой-то, чтобы знать, какие у меня на завтра планы?» Отсюда строки: «Я не какой-то там американец, / чтоб за год запланировать дела...» Тема стихотворения выринула на противопоставление «их» и «нас». Я стала развивать мысль, что у них – психологи, а у нас – исповедь. Два метода освобождения совести от лежащей на ней тяжести. Там – научно обоснованное утешение. Здесь – очищение совести через раскаяние. И выстроилось стихотворение. Сначала я думала перебрать и обыграть все семь правил, но стало ясно, что это не имеет смысла, важно показать принципиальные различия. Ритм определился строками, ставшими итоговыми: «У православных правило из правил: / когда захочешь стукнуть – обними». Первые наброски стихотворения появились уже 29 января.

Живущий позитивным настоящим
Не отягчаясь мыслью о грядущем
Как отраженье граней бытия
Не помнящий о прошлом
Свободный и самодовольный Я

И психики все грани охватив –
Бездумно-безмятежный позитив

.

и как дорога бы ни пролегла
Я не какой-то там американец,
Чтоб за год запланировать дела

.

.

Всё принимаем с юмором и миром
Всё, но не подлость, пошлость, клевету.

В конвульсиях компьютерных галактик
 Земля трясётся, словно ветхий дом
 Мы ж по старинке, вместо модных практик
 Дорогой к храму медленно идём.

Пока Господь Россию не оставил
 Среди дребедени sms и СМИ,
 У православных правило из правил:
 Уж если хочешь стукнуть – обними.

Основа стихотворения сложилась, осталось завершить его. Время для этого нашлось первого февраля. Я проснулась в воскресенье и вписала в листок с распечатанными начальными идеями новые. В последней стадии работы чудесным ключевым открытием стала переключка с заповедями. Это воистину было откровением, подсказкой свыше. Мгновенно сложилось первое четверостишие: «Когда бы смертный с Богом не лукавил, / ... / не стал бы формулировать семь правил... / высокий тонус, полный позитив...» Очень понравилось слово «формулировать», которое точно встало на своё место. Осталось найти рифму к слову «позитив», исключительно американскому, почти неприемлемому в серьёзном стихотворении. И я задумалась о том, что все эти правила – попытка заместить общеизвестные и давно оглашённые правила – заповеди! «Заповеди извратив» – таков был золотой ключ к итогу. Немедленно выстроилась самая весомая многозначная строка: «все заповеди, к чёрту, извратив», идеально завершив, доведя до предельного звучания тему стихотворения, создав звонкий контраст холодного американского рационализма и горячего православного иррационализма.

Сначала стихотворение было записано четверостишьями. Но так как оно включало длинные предложения, которые нарушались пробелами между четверостишьями, я соединила их в единый столбец. Потом увидела, что логично разорвать столбец посередине, на переходе от «них» к «нам». Части получились неравными, нижняя строфа больше, что мне не понравилась.

вилось зрительно. Тогда я оторвала итоговое четверостишие от второй строфы и на том успокоилась. Всё стало соразмерным. Вручила стих «Единственное правило» Ирине Яковлевне на следующем вечере в Булгаковском доме, ровно через неделю, 3 февраля. Закончила редактировать в этот самый день. Распечатала с посвящением И.Я. и со ссылкой на сайт, где указаны семь правил. Вошла в зал, увидела её. Она приветливо: «Сядь здесь, чтобы было лучше видно». Я извинилась, что заскочила только отдать домашнее задание, протянула ей лист. Она: «Ну. Читай всем». Я засомневалась, тогда она громко прочла сама. Кто-то из присутствующих сказал мне: «Надо же, какие мы с вами антиподы». Другой сказал: «Вам надо научные трактаты стихами писать». Потом я всё же прочитала стихотворение перед видеокамерой. Дочитала, попрощалась и ушла. Собравшиеся в зале озадаченно смотрели на меня.

Опубликовано: 9.

МЧАТ МЕДВЕДИ

Ясно-звёздная ночь. Дивно-белые снега.
Звучно-звонкий мороз. И уже не сойти
с колеящей по кругу Полярной Телеги,
в мех медвежий впиваясь до боли в горсти.

Чёрно-спутанный лес. Круто-взвинченный берег.
Глянце-стылой реки протяжённая тьма.
Мчат медведи бесшумно. Держись. Без истерик.
Жизнь летит. А по следу – сума да тюрьма.

19 февраля 2015

Большая Телега – у некоторых народов так называлось созвездие Большая Медведица.

Поразительный человек Евгений Потупов. При любой встрече с ним, из любой весточки от него я черпаю отличные темы для стихов. Прислал по электронной почте письмо, и я тут же прямо из его строк беру первую, тут же дописываю, деликатно коснувшись Брюсова, и заканчиваю внезапной последней строкой, прописанной экспромтом, прямо по ходу редактирования. Всё стихотворение получилось за 5–10 минут. Мелкая редакция длилась до начала марта. Но открытия продолжались и после завершения. Читаю в июне 2015-го книгу Сергея Неще-

ретова (Зенкевича) «Охалка» и на стр.131 цитата из Евтушенко «Идут белые снега...», которую Потупов, близко знавший и почитавший Евтушенко, интерпретировал в письме ко мне. Я попробовала поставить «Идут белые снега...» в стихотворение целиком, но так сбивалась череда определений через дефис. Оставила в первой редакции. Так в стихотворении оказалось сразу два цитирования – Евтушенко и Брюсова. Что здесь лично моё и мне представляется удачей, так это приём использования двойных определений. Всё началось, опять же, от «дивно-белые снега». Я подхватила этот сильный мотив формально, иронично продолжив звучно-звонким брюсовским морозом, а тогда уже увидела, что и все прочие составляющие могут быть обрамлены подобными эпитетами. И получилось нечто ювелирно-рукодельное.

Стихотворение можно было бы отнести к пустынным, настолько безответственно оно складывалось, если бы не сума да тюрьма...

Опубликовано: 9.

МАРТОВСКОЕ СОЛНЦЕ

Сегодня вылитая пятница,
не важно, что будёный день.
Зима спиной от солнца пятится.
Повсюду птичья дребедень –
восторга олицетворение.
Прозрачна марта акварель.
Всё чисто. В сердце удивление:
сегодня вылитый апрель.

18 марта 2015

Шла на работу во вторник, а по настроению он был вылитая пятница. Сложилось легко из рифмы «пятница – пятится». Рифма понравилась, не захотелось её отпускать. Вспомнилась реплика ребёнка, который посмотрел в окно и сказал: «Вот отчего так не хочется в школу – сегодня вылитая суббота». Словосочетание «будёный день» – из лексикона моего знакомого, у которого много словечек собственного изобретения. И я его присвоила. Едва возникли первые безответственные строки, возникла и возможность стихотворения. Сюда притянулось искреннее удивление: до чего же всюду чисто, как в апреле, поэтому естественным продолжением и красивым закруглением темы стало «сегодня вылитый апрель». Сложилась изысканная ком-

позиция. Осталось всего лишь заполнить промежуток от «сегодня вылитая пятница» до «сегодня вылитый апрель». К слову «апрель» все рифмы банальны, поэтому следует их обыгрывать, оправдывать. Отчасти это сделано в строке «прозрачна марта акварель». Строка эта, хотя и слабая по словам, но точная по настроению, что в моём понимании приоритетнее. Кроме того банальны все рифмы к «день», поэтому поставлена вызывающая «птичья дребедень» как аллюзия на слово «какофония». Далее «восторга олицетворение» – хорошее длинное и редкое слово стоит точно. Сначала было «как жизни олицетворение», что гораздо бледнее. Не удачно «спиной ... пятится», так как пятиться можно только спиной, – дублирование смысла, но ничего не нашла взамен. Возможна дальнейшая редакция. Стихотворение дало название сборнику стихов «Вылитая пятница» (2017).

Опубликовано: 9.

«ВДРУГ С УТРА С ХОРОШИМ НАСТРОЕНЬЕМ...»

Вдруг с утра с хорошим настроеньем.
 Без каких-то видимых причин.
 В красном платье на ветру весеннем.
 Под прямыми взглядами мужчин.

До чего же много в жизни надо
 для простого смеха без причин!
 Утра одобрительные взгляды,
 лета ослепительный почин.

1 июня 2015

Был конец мая 2015 года. С утра безумно жарко. Шла на работу в длинном красном платье, довольная собой. Всем существом своим впивала одобрительные взгляды, солнце и ветер. Впечатление было записано 1 июня как сырое пустяшное стихотворение и брошено. Через четыре дня, 5 июня, неожиданно закончила его. Думала по дороге на работу над строкой «Как же мало в этой жизни надо для такого смеха без причин», и вдруг догадалась: не «мало», а «много»! Очень много надо для смеха без причин. Фантастически красивый парадокс. Чепуховое стихотворение превратилось в перл. Нарочито использовано удвоение слова «причин» – неприметная песенность. Планиро-

валось для публикации в книге «Вылитая пятница» (2017), но не вошло в неё. Оставалось ощущение, что не всё устоялось. Продолжала мучить строка «Как же много в этой жизни надо...», не нравилось «в жизни», убрала. Поставила «...как много надо» или «...как же много надо».

Как, однако, много в жизни надо
 Мне смешно, – как много в жизни надо
 Удивляюсь, как же много надо
 Как на удивленье много надо
 До чего же, право, много надо
 Нет, взгляните, как же много надо

Множество версий, но так ни на одной не остановилась. Последний раз возвращалась к этой строке в сентябре 2017 года. Опять топталась на одном месте. Никак не могла выйти из замкнутого круга. Вероятно, надо сломать стихотворение или четверостишие, чтобы освободиться от стеснённых условий и заново зайти в тему, совсем переделать. Тут нужна летучая строка, как дыхание. Может, что-то из идиом, чтобы абсолютно. Пока сохраняется один из рабочих вариантов.

Не публиковалось.

БЕШЕНЫЕ ВЕТРЫ

Чередой свинцовых облаков
 горизонт очерчен.
 Собрались из тысяч ветерков
 бешеные смерчи.
 Расшевеливают над Окой
 царственные тучи.
 И шипит шиповник под рукой,
 яростно колючий.
 Словно капли красные горят
 в проволоке веток.
 На судьбе зарубок длинный ряд –
 от шипов отметок, –
 чудный город на подъёме круч
 у дуги Днепровой.
 Довод слёз беспомощно горюч
 в эпосе новой.
 Выкликаю с родственной тоской
 Щека, Лыбедь, Кия...
 Разгулялись ветры над Окой.
 Ух, ветра какие!

8 августа 2015

История записана в тот же день, когда было написано стихотворение. Навеяно поездкой на Рязанщину. Едва я увидела небо над слиянием рек Прони и Оки, у меня появилась строка «в небесах шуга из облаков». Она стала центром кристаллизации. Потом возникла строка «бешеные ветры». Она же стала и названием. К ней была нехорошая рифма – «поле в стиле ретро». Но на Рязанщине не поле, а бескрайние просторы, которые выкошены, а сено свёрнуто в рулоны. Сотни, тысячи рулонов до горизонта, как инсталляция концептуалиста. Взяла «дали». Четверостишие сложилось, третья строка – «из ветерков – ветры» – даже понравилась. Образ крутых обрывов, Окских берегов. Сильнейшие ветры вокруг носились, солнце палило. Непроходимые заросли шиповника. Огромные оранжево-красные капли блестят на голых колючих ветках, падают в корзинку с шелестящим звуком.

Впечатления накапливались. Образы множились, я потеряла цель, стала вязнуть в деталях. Надо было выходить к итогу. Сильное «бешеные ветры» повторила в конце: «ух, ветра какие!» Рифма ближайшая выпала «Кия» – имя основателя Киева. Кий, Щек, Хорив и сестра их Лыбедь. Тут и сложилась главная тема стихотворения – воспоминание о таких же кручах в Киеве, о ветрах над Днепром, что недоступно в перипетиях новейшей истории. Стихотворение легко написала на другой же день. Но в течение двух лет оно оставалось незавершённым из-за «дали в стиле ретро». В публикации я его не включала. Всё разрешилось, когда вместо «ветры» поставила «смерчи» с их яростью. Первоначальная же строка «...шуга из облаков», давшая толчок стихотворению, в процессе редактирования ушла.

Опубликовано: 9.

МАКЕДОНСКИЙ ФРОНТ

Синяя птица на белой плите –
свода небесного блик.
Горькую память хранит в немоте
Мемориал Зейтинлик.

Первой войне неперменная дань
вставших рядами крестов.
Русская часть. Рядовой. Капитан.
Гуров. Лопалин. Крустов...

В Грецию шли из-под царских гербов,
брошены властью любой,
чтобы союзники словно рабов
гнали их первыми в бой,

в пекло жестоких атак и осад
к смерти дорогой прямой.
В тех же, кто чудом вернулся назад,
целился тридцать седьмой.

2 сентября 2015

История стихотворения не была записана, она воссоздана по памяти при подготовке данной книги в сентябре 2017 года.

Стихотворение было задумано 24 августа 2015 года, закончено через неделю, редактировалось ещё месяц. Появлению стихотворения предшествовала моя поездка в августе того же года в Грецию, в Салоники, где в Первую мировую стояли русские войска в составе союзнических войск, воевавших на Македонском фронте. В этих войсках служил мой дед, отец отца. Он остался жив и чудом вернулся к своей семье на Украину в 1919 году, когда уже прошло два года, как свершилась революция. После отречения царя воины русской армии за границей стали ничьи, оказались в тяжелейшем положении, союзники ими распоряжались как рабами, используя в самых губительных операциях.

В Салониках я побывала в церкви Дмитрия Солунского, на мемориале Зейтенлик. Первое четверостишие сложилось легко.

Синяя птица на белом кресте –
неба затейливый блик.
Сладость инжира на жёстком листе.
Мемориал Зейтенлик.

Первая строка стихотворения: «Синяя птица на белом кресте» возникла из первого же яркого впечатления – резкие пятна солнца, ровные ряды белых одинаковых крестов, и вдруг на один из крестов села совершенно синяя птица. Может, она и была синей, а может, синяя тень на неё упала, но она блеснула клочком неба. Вторая строка объяснила первую и дала рифму к слову «Зейтенлик» – «блик». Словосочетание «затейливый блик» обыгрывает название кладбища, играет слогами «ли», «лик». Здесь легкомыслие и безответственность настоящего, не способного надолго сосредоточиться на давнем горе. В августе в Греции везде уже вызрел инжир. Его было много в саду рядом с мемориалом. Но это четверостишие не удовлетворяло меня и в итоге было полностью изменено, стало строже и точнее. Я убрала спорное слово «затейливый» – непригодное для трагической темы, легковесное. Убрала строку про инжир, она соот-

ветствует окружению, но не соответствует теме похорон. Убрала слово «крест», потому что дальше опять «крестов», и они там более весомы. Заменяла «крест» на «плиту», которая здесь воспринимается сначала белым камнем, а по ходу развития темы – надгробной плитой.

Второе четверостишие ориентировалось на реальные фамилии и звания, которые написаны на крестах русской части мемориала. Из первой строки второго четверостишья выпало слово «мировой», но название «Македонский фронт» оттягивало тему к Первой мировой вместе с «царскими гербами». До настоящего момента не удовлетворяет рифма «любой – бой» и вообще вся вторая половина стихотворения. Она слишком описательная, информационная – не образная, скучная. Неудачен весь ряд «бой – пекло – атак – засад – к смерти дорогой прямой...» – словно сделан по шаблону из чужих стихов о войне. Спасает только неожиданный и суровый вывод, поворот к репрессиям 1937 года, когда дед был расстрелян. Последние две строки многозначны и весомы. После них возникает невольная пауза, додумывание и скорбное молчание. Это стихотворение я читала на выступлении московских поэтов в Малом зале ЦДЛ в 2015 году и на фестивале «Словенское поле – 2017» в Пскове у памятника солдату Первой мировой.

Опубликовано: 9, 19.

ВОТ НЕЗАДАЧА

вот незадача
в течение жизни
смотреть на фасад этой школы
где ставили двойки

22 октября 2015

Как всякий верлибр, и этот сложился сам собой из естественного досадного недоумения, когда я стояла и ждала зеленого света светофора на переходе от троллейбусной остановки к своему дому. Школа, где я училась, находится рядом с домом. Никакой ностальгической нежности я к этому заведению не испытываю, как и оно не имело ко мне никакого сочувствия в период моего мало успешного обучения здесь. Минутная пауза с видом на этот красный с белым фасад родила стих. Им тут же была изжита моя многолетняя детская обида.

Опубликовано: 9

ЗОЛОТОЙ ЗАПАС

В метро девичий голос крикнул матом.
 А все молчат, как будто всё равно.
 И я молчу, неотделимый атом
 толпы, где мат – законное звено.
 По утренним тоннелям, переходам
 течёт народ, встревоженный слегка
 внезапным неоправданным расходом
 бесценного запаса языка.

12 ноября 2015

Задумано 27 октября 2015 года по дороге на работу (первое четверостишие и тема). Точно описывается ситуация, в которой возник матерный выкрик, послуживший поводом к неожиданному выводу: русский язык с матом и без мата останется великим русским языком, поэтому надо говорить не о защите русского языка, а о защите русского мата, сила которого умаляется частым применением. Безответственное использование мата – не гражданская позиция, разбазаривание золотого запаса языка!

Отсюда пошло развиваться завершение. Обработка темы длилась две недели. Была написана статья с тем же названием, в неё вошло и стихотворение, сложившееся мгновенно, сначала в таком виде:

В толпе девичий голос крикнул матом.
 А все идут, как будто всё равно.
 И я иду – молекула и атом
 Толпы, где мат законное звено.
 Высокий выкрик поглотила масса,
 Взволнованная, кажется, слегка
 Растратой неоправданной запаса –
 бесценного запаса языка.

Редактирование закончилось 4 апреля 2016. Долго не складывались итоговые строки, я привязалась к острому слову «растратой», из-за него остальные слова встали не по порядку, неестественно. А вывод должен быть лёгкий, как песня, тем более в таком сложном по мысли стихотворении. Нехорошо было «поглотила масса». Наконец я выкинула «растрату» и нарисовала картину движения людей, используя «в метро», «тоннелям, переходам». Здесь уже встало «расходом», несколько бухгалтерское, но соответствует ситуации: словечко брошено одно, а если сложить все словечки, брошенные за утро, то наберётся крупная сумма расходов.

Опубликовано: 23 (2016. № 8); 9.

БЛАГОУХАНИЕ БЕЛОГО

Благоухание белого в самом зените.
 В плеске жасмина, в медовом дыхании сныти.
 Архитектурно воздвигнута лета картина –
 Облако держат цветные колонны люпина.
 Лето – всё то, что весна раньше наобещала, –
 Белое благо в зелёном блаженстве начала.
 Белое до исступления, до обнаженья.
 Белое в адском безумии самосожженья.

27 июня 2016

Стихотворение задумано 15 июня 2016, написано из двух первых строк. Стихотворение по природе своей пустышное, без умысла и замысла, сродни птичьему щебету. Стояла на террасе дачного дома, вплотную кусты цветущего жасмина, вокруг него венчики возросшей сныти с медовым запахом. И совсем рядом со мной две огромные белые кружевные кисти неведомого растения, имеющего вид каштановых листьев, растущих из земли, это растение вдруг дало два колоссальных цветка. Следом за первыми констатирующими строками пошли слова – «цветные колонны люпина – архитектурная картина». Вышло образно, разноцветье люпина на фоне белого и зелёного. Если архитектурно построенное, то на колоннах должен стоять фронтон из

чего-то, желательно, белого. Сначала было «зелень листвы на колоннах люпина». Но немедленно подвернулось облако и увенчало архитектурную конструкцию.

Написано через 12 дней после того, как задумано. После первого впечатления я ни разу не вспомнила о возникших строчках до последнего момента, когда за несколько минут получилось всё стихотворение от начала до конца. Хотела продолжить его темой отдалённой чахоточной осени, к которой всё устремляется, но пожалела такое дивно светлое яркое стихотворение. На том и остановилась. Но из-за того, что вытягивала тему к испепеляющей осени, максимально нагнетала жгучесть белого «до самосожжения». Поэтому изначально мягкое и прохладное стихотворение пришло в итоге к ярости чего-то накалённого добела. Дальше уже пепел. Но эту тему я, как рассказано выше, обрезала. Была неудачная строка «Лето – всё то, что весна как-то наобещала», но она быстро выправилась: «раньше наобещала».

Опубликовано: 4 (2017. Вып. 7); 18.

ЧУДОВИЩЕ

Не поворачивайся к океану спиной,
он всегда нападает первым.
Опоит темнотой inferно.
Оплетёт извивающейся волной.

У прибрежных крестов помолись, родной.
Мы не маги, чтоб знать наверно.
Здесь когда-то родился Мерлин
над чудовищной глубиной.

Ты уйдёшь рыбаком, ты умрёшь мудрецом,
тайну дна получая в награду.
Свет луны проливается вниз свинцом.
Океану её лишь надо.
Если к нему повернёшься лицом,
он не заметит взгляда.

27 июня 2016

Задумано 24 июня. Сильнейшее впечатление от первой поездки во Францию в апреле 2016-го – Атлантический океан. Всё остальное как-то оказалось несоразмерно этому чудовищу, рядом с которым живут люди, в полной его власти, без надежды

быть освобождёнными, спасёнными. Наиболее яркие картины жизни океана – приливы и отливы. Городок Этрета, где открывалось алебастровое дно в морщинах, как кожа слона... Мон-Сен-Мишель и Сен-Мало, где отлив открывал километры глянцевых зыбучих песков, отчего городки и крепости казались миражами в мареве пустыни. В зените впечатления – мыс Ра, самая западная точка Бретани, где океан клубится исполинскими водоворотами, а самые далёкие маяки кажутся стоящими на облаках. Две первые строки – это дословное воспроизведение поговорки бретонских рыбаков. И следом я подумала, что сонет правильно привести к началу, перевернув первые строки, то есть что будет, если повернуться к океану лицом? Идея осталась на том же месте без движения, но породила ещё две строки: «Не поворачивайся к океану лицом / он не ответит взгляду».

Со времени возвращения из Франции прошло 2 месяца, более ничего со стихотворением не происходило. Однако мыс Ра и остров Сен, на котором родился Мерлин, стремились встать в стихотворение, я раздумывала, как бы это сделать? Факты трудно вписывать в естественное течение слов, из этой принудительной механики получается то, что называется «умозрительное», искусственное, то, что вместо авторского слова с авторским настроением подсовывает общие слова с шаблонным смыслом.

Сонет строился очень трудно. К слову «спиной» имеется множество рифмующихся вариантов. Плохо дело шло с рифмой к слову «первым», что так и не стало хорошо, все рифмы неточные. «Инферно» (ад, преисподняя) попадает в настроение, но само по себе чужеродно, русскому уху непривычно. Хотя океан – чудовище, которое не считается ни с каким ухом. В слове «инферно» гудит скрытый ужас от близости непостижимого. Бретонские рыбаки перед выходом в океан молятся у прибрежных крестов. Этот образ должен был войти в сонет. Тема приливов и отливов тоже. Она основная в стихотворении, отражает тяжёлое дыхание океана, для которого в мире есть только

луна, остальное – ничто, тем более человек, вперяющий в него взгляд. На эту тему месяцем раньше я написала хайку:

встав на цыпочки
дно обнажил океан
вызрел плод луны.

Хайку имеет шутивное настроение, с аллюзией на лису и виноград. Но сонет я вела к насыщению настроением грозового перевала, когда всё безнадежно, везде гибель. Здесь в последних строках удачно – красиво и страшно – стал литься лунный свет расплавленным свинцом, быстрыми белыми каплями, создающими впечатление лунной дорожки. Слова «над чудовищной глубиной» – многозначны, потому что глубина телесна, как глубина чудовища. Суть стихотворения: океан – чудовище, которое замечает только луну и послушно только ей. Остальное для него – ничто. Строки, которые должны были вместить суть, выходили очень тяжело. Следовало в короткие две строки уложить обречённость на гибель. «Ты уйдёшь рыбаком» требовало быстрого поворота к смерти. Поэтому через запятую «ты умрёшь мудрецом» – когда человек за мгновение оценивает всю жизнь. Далее по смыслу и по рифме «и кому это надо?». Здесь в преодолении тупика снова создался затор. Десятая строка звучала: «Только смерть получая в награду», но это было повторение девятой и, кроме того, то самое, умозрительное, шаблонная ситуация с шаблонным смыслом и выводом. Я стала думать, что ещё можно получить в награду, чтобы было однозначно ясно, что это – смерть. «Тайну дна получая в награду» отлично встало на своё место. В таком виде я сочла сонет законченным. Его настроение угрюмое и безысходное. Сбитый ритм соответствует теме, клубящимся водоворотам и всплескам, неровности самого организма океана.

Опубликовано: 9, 16.

КОАЛИЦИЯ БЕЗЗОНТОВЫХ

Кто сидит под навесом уныло.
Кто идёт под зонтом благочинно.
Кто бежит под дождём, что есть силы,
сквозь разверзшиеся пучины.
Коалиция беззонтовых –
рисковать и промокнуть готовых,
пофигистов команда лихая.
Что им дождь! И кручёные струи
оставляют на них, затихая,
от небесных щедрот поцелуи,
пылью радужной их окружая, –
от кого ещё ждать урожая?

8 июля 2015

Вечером 7 июля 2016 мчалась под дождём домой от самой троллейбусной остановки до подъезда. Бежала минуты 3–4. Вспомнила, как друзья рассказывали мне, что никогда не носят с собой зонты. И я тогда призналась, что тоже не ношу. Рискую. Мы оказались по духу из тех, кто не носит зонты. Беззонтовая команда. И я запомнила это, но никакого замысла у меня не было, просто с удовольствием вспоминала единомышленников.

Про коалицию убеждённо беззонтовых, как я её для себя назвала, задумалась, когда пришла домой. Фактически, стихотворение раскрутилось из словосочетания «коалиция беззонтовых». Возникло противопоставление: кто-то прячется, кто-то идёт под зонтом, довольный собой, а другие, вроде меня, несутся, перепрыгивая через лужи. Здесь брызжущее весельем настроение риска, уверенности в своих силах, в надежде счастливо избежать дождя. Если же состоится встреча с ним, вступить в состязание и максимально увернуться.

Первые две строки с их ритмом и рифмами были написаны тут же и остались без изменений, хотя сначала была рифма «благочинны – мужчины», но потом удачно к теме воды подошло «пучины». Третья строка первоначально была такой: «но несутся под ливнем над лужами...»; если бы она сохранилась, иными были бы и ритмика, и структура стихотворения. Однако к «лужами» не удалось в тот момент подобрать приемлемую рифму. Поэтому к «уныло» взяла рифму «что есть силы», сложившееся словосочетание, хотя рифма и не точная.

Отсюда стало видно перечисление, а не противопоставление, что было поддержано началом третьей строки: «Кто сидит... / Кто идёт... / Кто бежит...» Начало выстроилось элегантно и свободно. «Что есть силы» подчёркивает естественность речи. За первыми четырьмя строками как промежуточный вывод две зарифмованные в таком порядке: «рисковать и промокнуть готовых – / коалиция беззонтовых». Неточную рифму устранила, переставив строки местами. Вывод стал отчётливым, рифма точной. Жаргонное слово «пофигистов» усиливает настроение бесшабашности, слово «лихая» тоже. Слово «команда» говорит о том, что принадлежность к одной лихой команде обнаруживается только во время дождя. Каждый испытывает радостное возбуждение, ощущает поддержку, подтверждение правильности своих действий. От этого пружинящая весёлость. Восклицание усилено восклицательным знаком. К бодрому слову «лихая» нашлась рифма «затихая», точная. Логично, что

дождь в итоге затихает. Но надо было чем-то завершить диалог человека с дождём. Поэтому дальше дежурно «струи – поцелуи», с неточной рифмой. Потом хорошо вылепилось «обнимая их радужной пылью» – как ореолом, как знак одобрения, но не отыскивалась рифма. Переставила слова в строке, чтобы заканчивалась словом «обнимаю», но к нему опять не шла рифма. Взяла «окружая», к нему ничего лучше «урожая» не нашлось. Весь сверкающий пафос свёлся к колхозному настроению. Здесь явилась счастливая подсказка. Догадка осенила такой последней строкой: «и от вымокших ждуть урожая». В ней улыбка, многозначность, да и что за урожай?.. На этом месте, с этой строкой, сложилось и всё стихотворение – весёлое и остроумное. Написано в течение получаса. За то время, что писала, не успела обсохнуть от дождя.

Опубликовано: 18.



Глава 2

СТИХИ ИЗ РОМАНА

роман «Картинки и стишки» об искусстве и любви,
главная героиня – Оксана, ближайшая подруга – Роза,
первая любовь – Вадим, учитель в школе – Глеб,
главный герой – профессор, писатель Большов

«ЛИНЯЛЫЙ ЛЕС, ТАЯСЬ В ГЛУШИ УКРОМНОЙ...»

Линялый лес, таясь в глуши укромной,
Канвой апреля накрывает лёд.
Вороньи гнёзда, как аэродромы
Готовят новых эскадрилий взлёт.

Земля дымится первобытным паром,
Горячих недр дыхание храня.
Стволы берёз обуглены пожаром,
Который слепо буйствует в корнях.

Снег всё грязней. Небесный свод всё чище.
Берёзы носят солнце по рядам.
Ты непременно дом весны отыщешь,
Пройдя по их протаявшим следам.

22 марта 1993, ред. 2006

Часть 1. Эпизод 2.

«Хранители могут быть какими угодно. Могут и не знать о своём назначении. Их ценносить только в способности помнить. Начав писать стихи, Оксана стала прятать в них самое драгоценное. Пришло долгожданное утешение. Исчез страх невозполнимой утраты. А до того именно Роза была стихом, це-

лой поэмой, сберегавшей общие воспоминания, точные детали, глупые мелочи.

По необъяснимой причине прошлое имело право решать, кто достоин быть рядом с Оксаной, а кто нет. Глашатаем прошлого была Роза.

Зависимость от кого-либо делает его зависимым от тебя. Я дорожу зависимостью от Розы, и тем привязываю её к себе, побуждая возвращаться к прошлому, хранящему звучание настоящего.

Любое недоразумение Роза мгновенно превращала в ссору. Однако и она сама, и Оксана с неизменной убеждённой говорили новым знакомым, указывая друг на друга: «Это моя лучшая подруга. Мы с ней учились в школе».

Последняя ссора случилась уже в эру стихов. Год не звонили друг другу. Наконец Оксана написала осторожное обдуманное письмо. Обращаться к помощи писем, когда другие возможности оказывались исчерпанными, было заведено со школы. В письме лежал стих, посвящённый Розе.

Линялый лес... Сочетание звуков нравилось. Много совпадений, сцеплений слов звуками, не только смыслом. Нравилась аэродромы. Некоторая была натяжка в том, отчего же зимой земля не дымилась, раз в ней столько тепла? Но дальше нравились стволы, обугленные пожаром, и берёзы, которые передают по рядам солнце, как школьники учебное пособие, пущенное по классу учителем.

С болезненной заботой относилась к своим стихам, переписанным вручную. Они становились другими, не такими, какими хранились в памяти или жили на экране монитора. Поэтому, когда после очень долгой паузы отношения с Розой восстановились, не могла не спросить про письмо. Роза развела руками: «А что было отвечать?» Оксана едва сумела скрыть разочарование. Больше о стихе не упоминала. С тех пор всегда была начеку, поэтому ссор не случалось, но и доверия прежнего

не было. Говорить с Розой стало не о чем. Всё, кроме стихов, было незначущим.

Говорила Роза о себе, не собираясь проявлять ответное внимание. И сегодня было так же. Оксана кивала ей, глядя в темное окно, гасившее просторы и предлагавшее взамен кухню, в тених которой качались сосны. От сквозняка озябла. Набросила на плечи концы ажурных занавесок.

Не пели. Давно уже не пели при встречах. Непосилен стал для Розы гнёт доверия, в котором нуждалась Оксана».

Опубликовано: 1; 4; 5; 10; 11.

НАЧАЛО

Все ушли далеко, голоса их едва долетают.
Сотни лютиков солнце едят глянец маленьких ртов.
В ожидании чуда траву как волшебную книгу листаю.
Ты кладёшь в мой букет ослабевшие стебли цветов.

Ветер тени пятнает, играя рассыпанным светом.
Мы потерянно кружим в прицеле у меткого мая.
Ты спросил: «Отчего у берёз белый ствол?»

Что ответить на это...

Я тревожно молчала, бессмысленность слов понимая.

2 августа 1992, ред. 2006

Часть 1. Эпизод 4.

«Утро проступило болезненной серостью, обнаружило у тлеющего костра только Оксану и Розу и выстрелило восходом. Из палаток вылезали продрогшие, тянули руки к углям, но солнце уже было жарче. Лес светился изнутри гляцем новых трав и цветов.

Собрались и ушли. Иногда перекликались, боясь отстать и потеряться. Небо брело следом среди дымящихся зеленью берёзовых макушек. Все цветы оказывались лютиками. Оксана рвала их, зная, что оставит где-то, откуда надо будет уйти дальше.

– Вот ещё, возьми.

Вздрогнула, быстро взглянула снизу вверх. Вадим протягивал лютики.

Приложила их к букету и пошла вперёд, непрерывно наклоняясь, в беспамятстве изумления срывая цветы. Он шёл рядом. Букет рос. Лес гудел предостерегающим ветром, поднимая траву, задувая вдоль прозрачных коричневых луж, раскачивая кроны. Шумело в ушах. На краю поляны лютики кончились.

– Шнурки завяжу, – сел на мшистые кочки под берёзами и принялся подтягивать длинную шнуровку, продергивая через дырочки кручёный конец.

Ждала. Боялась, что они вдвоём. Что они с букетом лютиков.

– Садись, чего стоишь, – сказал ей, морща лоб взглядом снизу.

Послушно села на мох, положив лютики между собой и Вадимом. Смотрела на его руки с не отмытыми пятнами масляной краски. Справился со шнурками. Опёрся спиной о берёзу и, скребя затылком по молочно-белому стволу, глядел в небо сквозь мелкие листья вершин. Синевы больше не было, одна белизна. Поправил очки на переносице и спросил, сверля Оксану зрачками:

– Отчего берёзы белые?

Растерялась. Посмотрела вверх, сказала, подбирая слова:

– По ним, наверное, стекает на землю небо... – и осталась недовольна ответом.

Слушали шум ветра. Сидели очень близко друг к другу. Только лютики разделяли их.

Зачем я положила букет между нами?!

Всё замерло. Небо, деревья, трава, он и она, сидящие на кочках. Только время шло большими спокойными шагами. Уходило и уводило с собой что-то, чего с отчаянием ждала Оксана. Не дождалась. Наверное, он тоже не дождался, сказал:

– Пошли, что ли?

Поднялась, взяла неподъёмный, ненавистный букет, и они быстрым шагом, молча, ушли. Но два длинных майских дня продолжали мучить иллюзией бессмысленной потери, пока не улеглись в короткий стих».

Одно из ранних стихотворений. В нём стремилась передать трагизм первой любви, когда сила чувства столь велика, что люди как бы впадают в оцепенение, бессильные что-либо изменить, испытывающие отчаяние от неизбежности потери. Трагизм максимально усилен контрастом: с одной стороны, угрюмое ожидание несбыточного, с другой – светлое многообещающее окружение, словно созданное для счастливого объяснения. Написано на одном дыхании, практически без последующих редакций, кроме последней строки. В первой версии диалог завершался вопросом «Отчего у берёз белый ствол?» и ответом «По ним, видно, небо на землю стекает...» До 2006 года всё существовало в таком виде. Но потом неточность последней рифмы в столь кратком стихотворении потребовала пожертвовать конкретной деталью – реальным ответом, – которая уже ничего не меняла в сложившемся настроении. И в новой редакции фраза исключена, ответ остаётся в тени беспомощного молчания: «Я тревожно молчала, бессмысленность слов понимаю». Это дало более сильный эффект и позволило закончить стихотворение точной рифмой. В книге «Сто стихотворений (2013) дана иная рифмовка третьей строфы, а третья строка звучит как близкое, но не состоявшееся признание в любви:

Солнце мечется по лесу мячиком первого сета.
Мы потерянно кружим под ясными взглядами мая
«Ты сказал: Я... Смотри, как берёзы белы!»

Опубликовано: 1; 4; 5; 10; 22 (2015. № 2).

«В НОЯБРЬСКИЕ СУМЕРКИ...»

В ноябрьские сумерки глубже усталость.
Тень ходит кругами у глаз.
До Нового года недолго осталось
Раскраивать синий атлас.
Тревожен следов неуверенный почерк
С тяжёлыми точками сна.
Пунктир незаметно сливается в прочерк,
И линия жизни черна.
Снег ладит уборы невнятной расцветки
На головы улиц сырых,
Подушкой заплаканной давит на ветки,
Цепляясь за тёрку коры.
А в комнате, в лапах уютного плена
Свет лампы едва моросит.
И образ окна – ледяной и нетленный –
Висит на продольной оси.

22 ноября 1992, ред. 2006

Часть 2. Эпизод 8.

«Прошла к дивану, но садиться не стала. Обернулась к окну,
но не стала смотреть, прикрыла глаза, выхватывая главное.

Синева окна и желтизна комнаты борются, решая, кому властвовать. Окно сейчас не окно. Оно плотное, как стена... Стена... И плоскость окна... на-на... на старых обоях висит. Все составляющие есть, только просят расположить их в нужном порядке!

Схватила первый подвернувшийся под руку лист и случайный красный карандаш, подскочила к столу. Локтем освободила место, уплотняя мелкое хламье – пузырьки с лекарствами, компакт-диски, мятые записки с поручениями. Недочитанные распахнутые книги зашуршали, опасно тесня на край чашку с холодным чаем. Уставилась в стену перед собой. Стих трепетал в воздухе крылышками, дразня неуловимостью, страстно желая быть пойманным. Его возбуждение передавалось руке.

В ноябрьские сумерки больше усталость... Сон ходит кругами у глаз... Осталось... нас... До Нового года немного осталось... Нет, усталость не больше, а глубже! В ноябрьские сумерки глубже усталость... Осталось... У глаз... Достало бы силы у нас... нет... у глаз... Атлас! Синий атлас. Короткие дни, бесконечные... безграничные... необъятные! ночи с обрывками краткого сна. С заплатками!.. С заплатками краткого сна. И жизнь, состоящая из многоточий, простужена и не верна.

Смотрела в окно рассеянным взглядом. Синева сгустилась до тьмы. Свет комнаты вышел победителем, обнажая правду жизни. Глянула на окно. Цветные огни в темноте. Окно перестало существовать. Всмотрелась в исчёрканные строчки, видя за ними тусклый свет, синий прямоугольник на стене. Села, сжав нацеленный карандаш.

Моя жизнь протекает у окон... И плоскость окна голубым гобеленом на старых обоях висит. Висит. Моросит. Два глагола. Гобеленом хорошо, но уже у кого-то было. Свет лампы едва моросит. Гобеленом... леном... меном... менным... Там два глагола, здесь надо изысканное. Гобеленом... Покой неизменный... А в комнате тесной покой неизменный! Или нетленный... тленный, пленный... Тогда не покой.

Заколебалась, раздваиваясь между тишиной и неустроенным уютom комнаты и тишиной и неустроенной сыростью улицы. Мокрый снег в развилках веток, валящийся вниз. Отяжелевший, как подушка от слёз.

Снег мастерит, нахлобучивает... есть слово, но короче, короче – в два слога... Ладит! Снег ладит убор чёрно-белых расцветок на головы улиц сырых, подушкой заплаканной виснет на ветках... Ветках. Расцветок... вет... вет... По слуху верно. ...и каплями падает с них... Сырых... с них... рых... них... Никуда не годится! Рых... Ры... Дворы... Коры... Цепляясь за тёрку коры!

Лихорадочный озноб преодолим только работой. Закрыла дверь, тихо повернула в замочной скважине ключ, погасила верхний свет. Движениями вора двинула стул к столу, опустила пониже настольную лампу. Перемещалась на цыпочках, стараясь не выдать истинных намерений случайным шумом.

Я точно знаю, чего хочу. Это обворожительно – знать, чего хочешь, и знать, что сможешь это сделать. А голова, язык, рука самоотверженно служат.

Оттягивала начало. Наслаждалась мгновениями счастливого нетерпения. Достала тонкий карандаш, блокнот для записей, смятый второпях стих. Переписывала, одновременно додумывая, переживая настроение каждой строфы, строки, слова. И чутко прислушивалась к враждебному движению в коридоре, чтобы вскочить, едва придёт муж. Его нельзя встречать запертой дверью. Перечитывала написанное, шевеля губами, радуясь рифме, занявшей свои места.

В выстроившихся строчках смутно просматривались обледенелые разводы, блеск ломаных складок и муар разливов. Всё это нескончаемо длилось в стеклянno-вязком ледяном русле, впадающем в Новый год. Он ныл под ложечкой, маячил огнями за снежными крышами. Образ окна висел на продольной оси в угоду рифме. Старые обои, с которых всё началось, были утрачены, и с ними дивный гобелен. Он превратился в нетленный образ и теперь недостаточно контрастировал с убогостью

комнаты. Не всё удалось. Но случайности совместились и стали нерасчленимым целым.

Дать ли стиху название? Раз не родилось вместе со стихом, его уже не придумать. Пусть остаётся по первой строке. "В ноябрьские сумерки..." Хорошо. Название должно добавлять невидимое, неназванное. Если названием ничего не добавит, оно излишне».

Опубликовано: 1; 4; 5; 23 (2011. № 1); 10.

«СЛАБЫМ ПАЛЬЦЕМ СВЕЧИ ОЖИВЛЯЕТСЯ СТОЛ МОЙ...»

Слабым пальцем свечи оживляется стол мой.
За квадратами рам каменеет бесплотная тьма.
Соловьиных рулад убегают неровные волны,
Возвращая обманчивым эхом бесхитростный мат.

В толще сумрака плавает скользкий будильник.
Почивают низы. Но бессонно колдуют верхи,
Подменяя спокойные сны на пружинах бессильных
Непристойным желаньем строчить среди ночи стихи.

1 июня 1992, ред. 2006

Часть 2. Эпизод 12.

«Вечер не закреплялся на небе. Но в зените с полдня дежурил зыбкий месяц. Было светло, и не верилось в простые объяснения. Хотелось сказочных. Дачи спали. Дети спали. Спящее царство. Жалко было заснуть в такой тишине. Вышла на крыльцо. Сад потрянул глянцевыми листьями вишен, матовыми листьями яблонь и снова замер. Спустилась по ступеням. Села на деревянную лавку под цветущими деревьями, глядя через грядки на покосившийся соседский забор, на шершавые лопухи. Соловей сделал попытку прочистить горло, повторил увереннее и зашёлся трелью. Соловей был частью

тишины. И шелест листьев. И дребезжание стёкол в рамах. И дальний мат на дороге... Чисто, без запинок голова выстроила:

Соловьиных рулад убегают неровные волны, присылая обманчивым эхом бесхитростный мат.

Отпустила строчки свободно уплывать, откуда приплыли. Расправила цветную юбку на коленях. Строчки не уплывали. Мысленно обратилась к ним:

Я не поэт, дорогие соловьи и матершинники. Нечего одолевать меня приторной лирикой. Мне чужды эти схемы, не знаю и не люблю их.

Со скамейки было видно колебание теней от свечи на террасе. Ярко засинело небо. Мир впитывал синь, как рыхлая промокашка с нарисованными на ней очертаниями действительности. Рамы потемнели. Выпукло задрожал свет свечи, выдувая стёкла жёлтыми пузырями. Подумала:

Уйду в дом и буду неподвижно сидеть. Погаснет свеча, буду так же неподвижно сидеть, вытянув ноги, заложив руки за голову. Глаза привыкнут к темноте и многое увидят. Потом уйду в комнату и буду думать. Потом засну, не успев погасить лампу... Соловьиных рулад убегают неровные волны, возвращая обманчивым эхом бесхитростный мат.

Понравилась фраза. Вскочила, взбежала на крыльцо. Захлопнула тугую дверь и оказалась в стихии жёлтого света. Чёткие переплётывающиеся придавили сад, прижали к ночи серые ольхи за забором. Среди спрессованных рамами деревьев склонилось над свечой отражение с зажатым в пальцах карандашом, отражение думало так:

Никогда не буду поэтом! Совестно братья не за своё дело. Слишком самонадеянно. Из таких строк могут получиться только серьёзные стихи, какие я пыталась в школе писать о несчастной любви... очень скверные.

Свеча держала ровное пламя, пуская с кончика микроскопические искры. Пальцы вращали карандаш, медля, дорожа

неподвижностью огненного языка. Глаза смотрели на него неотрывно. Вдруг соскочили в блокнот. Рука уверенно написала: «Слабым пальцем свечи оживляется стол мой. За квадратами рам каменеет бесплотная тьма». И следом, не останавливаясь, дописала строчки, пришедшие первыми. В окне был виден ярко освещённый подбородок и устрашающие тени, взметнувшиеся по лицу снизу вверх. Задула свечу. Раздевалась, ложилась, вбирала кожей тьму, пульсирующую ударами будильника. Распахнула блокнот и сбросила на бледные линейки ритмику диковинного вечера, издевательски настоящий стих».

Стихотворение началось с ритмизованной строки, возникшей вечером 1 июня 1992 года на даче, в деревне. Это была первая в моей поэтической биографии ритмизованная строка, осознанная как основа будущего стихотворения.

Опубликовано: 1, 4, 10.

УРОК ДРЕВНЕКИТАЙСКОГО

Ничто у древности не выпытать,
Но всё откроется легко,
Когда вино не просто выпито,
А с горстью лёгких лепестков.
Лягушка смотрит с недоверием
Сквозь голубую грань стихий,
Как иероглифов феерия
Преображается в стихи,
Встаёт стеной в тяжёлом мареве,
Звучит... Показывая класс,
Плывёт лягушка сквозь аквариум,
Как белый голый водолаз.

14 апреля 1997, ред. 2010

Часть 3. Эпизоды: 16, 17.

«– Что вы знаете о китайских хризантемах? – Большов сделал паузу. Все промолчали. – Китайские хризантемы – поэтические цветы. У Тао Юаньмина в каждом стихотворении встречается хризантема. Образ жизни сплетался с образом мышления и выразился в неповторимой поэтической мелодии.

Прошёлся за кафедрой и прочно сел в скрипучее вертящееся кресло, вытянув руки и положив кисти на край столешницы с зазубринами от ножа безымянного вандала. Кольца на руке не было.

– В Китае сложилась особая философия вина. Была изысканная традиция пить вино с лепестками хризантем.

– Если просто пить, ты пьяница, а если с лепестками, – поэт, – вставила Оксана, вызвав веселье в рядах.

Рассмеялся, растягивая губы. Демонически красивое лицо стало неприятно шутовским. Нижняя губа выдвинулась вперёд, углы карикатурно подскочили. Ловко подхватил:

– Подмечено точно. Китай загадочная страна. Даже пьяный человек может дать пищу глубоким размышлениям. Гимнастика Ушу родилась из имитации движений пьяных.

Рассказывал о пятисловных и четырёхсловных стихах, с упоением декламировал:

– Не знаю, что было за тысячу лет до меня. Живу беззаботно, мгновению каждому рад. Так стоит ли в книгах о радости чьей-то читать...

И то же самое по-китайски. Завершил лекцию рассказом о пейзажной лирике, «ветре и потоке» – главной идее творчества.

Слушала вполуха. Отводила глаза от аквариума только затем, чтобы набросать в тетрадь очередную строку, – стих уже ткался в ритмике челночных движений лягушки, вбирая в себя лепестки хризантем, древность, голое лицо Большова. Лягушка тянула сквозь основу водорослей нить связности».

Лекции и некоторые семинары ИЖЛТ проводились в актовом зале на первом этаже. Там однажды поставили аквариум с двумя белыми лягушками, очень похожими на маленьких голых людей. Они неустанно деловито плавали, волоча за собой шлейф корма, лежащего на дне. Первоначальные названия стихотворения: «Границы сознания», «Лягушка».

Опубликовано: 1, 4, 10.

НА ТЕПЛОХОДЕ

То белый, то алый сменяется бакеном бакен.
 Деревни глазют. Барашки вдоль борта бегут.
 До ночи преследует вой безутешной собаки,
 Сидевшей у кромки воды на пустом берегу.
 В течение плавания в росчерках русла литого
 Текущие месяц и день узнавать ни к чему.
 А рыжий матрос, отдававший под вечер швартовы,
 Слегка подмигнул и вразвалку ушёл на корму.

16 сентября 1995, ред. 2003

Часть 3. Эпизод 18.

«Теплоход исцеляет от торопливости. Монотонность – родная сестра неподвижности. За деревянными ставнями каюты ленивый калейдоскоп картин. На палубах равнобедренные любовные треугольники. Шум машины, внезапные затишья, когда, кажется, судно тонет. Размах воды, неба, растрёпанного ветром. Взгляды рыжего матроса, бездельника, непрерывно попадающегося на тесных скрипучих лесенках, в тёмных узких коридорах. Заунывный вой собаки в мути раннего утра. Снова рыжий матрос. Цепкие взгляды.

Легко и непосредственно получилось второе четверостишие. В первом же слова лежали вповалку в неудобных позах и требовали уважать их боль. Разнимала, раздвигала, пока они не расползлись на два четверостишья. Долго пыталась вернуть их к одному. Но вдруг отказалась от одного из них и увидела стих законченным».

Задание написать этюд про теплоход давал Л.Е. Бежин на семинаре прозы в ИЖЛТ. Звучало оно примерно так: вспомним лето. Вы плывёте на теплоходе, знакомитесь с кем-то из пассажиров. Расскажите, какие они. К примеру, супружеская пара, оба устали друг от друга, и тут у жены возникает интерес к соседу по каюте. Вы, конечно, придумаете лучше. Жду ваших работ.

Стихотворение написано по мотивам плавания до Астрахани в 1995 году. Плыли долго, неторопливо, упиваясь разнообразием однообразия. В один из дней на берегу сидела и выла собака. Мы долго слушали её вой, пока уплывали. Рыжий бравадный матрос стрелял прямыми намёками, постоянно попадался на пути днём и ночью, окрасив плавание пламенным интересом. Первой пришла ритмизованная строка: «Сладка монотонность – родная сестра неподвижности...» Работа над стихотворением двигалась трудно. Играла словами на смыслах, поддерживающих всякую текучесть: «в течение плавания», «текущие месяц и день». Долго принимала решение, что надо расстаться со строфой, в которой осела исходная ритмизованная строка. Это наглядный пример, как в результате работы уходит центральное впечатление, подтолкнувшее к написанию. Исключена строфа:

Сладка монотонность – родная сестра неподвижности,
 Приятно манящая сменой привычных картин.
 Сперва вспоминались и дом, и любимый обиженный,
 Но всё потонуло в холодной воде по пути.

Опубликовано: 1, 4, 10.

ВЕНЧАНИЕ НА КРЫШЕ

Та ночь – реальность или наважденье?
Но мы ведь совершили восхожденье
В туман и дождь, где видимость плохая
Характерами искры высекая.

Внизу мелькали редкие машины.
Пожарная стремянка до вершины,
Прощая непростительную шалость,
Одним болтом ещё за дом держалась.

Земля вращалась в лязге и качанье.
Мы шли, как в церковь на своё венчанье,
За каждый шаг вперёд платя испугом.
Нас ветер обвенчал. Но не друг с другом –

С какими-то случайными гостями.
Мы расходились разными путями.
А под ногами крыша грохотала
Марш Мендельсона яростью металла.

14 июня 1993, ред. 2010

Часть 3. Эпизод 19.

«Грани крыш блестели и заваливались в туманную невнятицу неба. Воспоминание о восхождении на крышу давно устоялось в стихе. Являлось чёрным лязгающим страхом и звоном близкого открытия. Ветер порывами, дождливая тьма, пятна света на прутах пожарной лестницы, горб чердачного окна. Чудо, что окно оказалось открытым, а чердак не заперт.

После уроков бродили втроем по городу. Вадим, как всегда, немного поодаль. Сворачивали в незнакомые переулки, заглядывали в подворотни, в чужие дворы с развороченными помойками и угрюмыми дырами подъездов. Уткнулись в тупик глухой стены с выступом и пожарной лестницей над ним.

– Залезем? – Оксана вскочила на выступ, схватилась за перекладину лестницы.

– Нет! – отказалась Роза.

– Да! – с вызовом откликнулся Вадим.

Подтянулась, перехватывая руки, встала ногами на первую ступеньку и полезла вверх. Назад пути не было. Слышала позади себя Вадима, а далеко вверху гулкой стук железа о железо. Ветер толкал злыми порывами. Край крыши обрезал ночное небо. Что-то должно было произойти. Уверенность гнала наверх.

Лязг приближался, врывался сквозь ладони в лёгкие, распирал сердце. Вскинула голову и увидела. Длинная гибкая лестница держалась на одном ослабевшем болте. Второй упор, потеряв крепёж, свободно ходил в пустоте, ударяясь о скобу. Перекладина упруго откатнулась назад, относя восходителей в пропасть двора, и, помедлив, вернулась на место, тюкнувшись о скобу сиротливым концом.

Цепляясь за поручни, изогнутые дугой, как в бассейне, Оксана ступила на решётку, соединявшую лестницу с кривым жестяным зеркалом в блеске пойманных огней. Скот таил скольжение, готовое подхватить и со свистом спустить в ночь, подбросив на трамплине карниза.

Преодолевав оцепенение и дурноту, оторвалась от поручней и отошла подальше от края. Вадим поднялся на решётку, быстро глянул на незакреплённый устой лестницы. Шагнул на крышу. Остановился перед Оксаной.

Коричневое сырое брюхо неба, вздутое туманным свечением, подобно гигантскому воздушному шару, несло, болтая на ветру, шестиэтажную корзину с ребристой крышкой, а на ней Оксану и Вадима.

Отвёл глаза. Крыша оскалила жестяные зубы. Уверенно зашагал к чердачному окну, обходя антенны и трубы, грохоча жестью, оглушая город. Заглянул в черноту створок, замахал рукой, подзывая.

Крыша прогибалась, но не скользила. Надо было только повыше поднимать ноги и не запинаться о швы. Оксана бросила короткий взгляд за ограждение. В бездонной пропасти висела крошечная фигурка, чёрная булавка, приколовшая к темноте тусклое пятно фонаря. Роза.

Вадим ждал у окна. Спускалась за ним широкими витками по чужой неосвещённой лестнице. Хваталась руками за стены. Нащупывала ногами ступени. Знала, что дома будет безутешно плакать.

Через много лет Вадим признался: «Когда лез за тобой на крышу, думал: долезу и там скажу ей». Но воспоминание хранило безмолвие.

Начав безумное восхождение, мы окончательно ушли от Розы. Но были вдвоём, лишь пока поднимались, пока не ступили на жесть ската. Дальше каждый пошёл своей дорогой. По маршам подъезда спускались не мы. Любовь осталась неназванной. И хорошо. Любовь нельзя ни разглашать, ни убивать. Её надо терпеть, и когда-нибудь она уйдёт».

Стихотворение архивирует воспоминание о реальном восхождении на крышу в районе Котельнической набережной. В романе событие описано очень точно во всём объёме сохра-

нившихся впечатлений, конкретных деталей, переживаний, которые создают и настроение стихотворения. В романе не приводится, лишь пересказывается. Это объясняется тем, что в период публикации романа стихотворение было сырым. Неоднократно редактировалось и в окончательном виде вошло в книгу «Сто стихотворений». Первое название «Вечный крест». Первая редакция:

Тартарары и небо искушая,
Мы наше восхождение совершали,
В потёмках неосознанных исканий
Характерами искры высекая.

Наверное, судьба тогда решила
Урок нам дать – как штурмовать вершины,
Но, проявив родительскую жалость,
Одним болтом ещё за ночь держалась.

Земля вращалась в лязге и качанье.
Мы шли как в церковь на свое венчанье.
С нас каждая ступень взяла испугом,
А ветер обвенчал. Но не друг с другом.

На марш срывался мокрой крыши грохот.
Но выше каждый шел своей дорогой.
А кто-то двое вместе вниз спускались,
Касаясь стен дрожащими руками.

Опубликовано: 1, 4.

«МЫ ВЗЯЛИ ЧИСТЫЙ ЛИСТ И ЗАНЕСЛИ ПЕРО...»

Мы взяли чистый лист и занесли перо
 В порыве объяснить свою любовь друг к другу,
 И замерли среди заснеженных дворов
 Под ветками садов, качнувшихся по кругу.

И так с тех пор стоим в заброшенном дворе.
 И устремлённость поз не поменяли даже.
 Снега уходят, вновь ложатся в ноябре,
 Молчание плывёт, соря листвой и сажей.

Окраины растят сугробы и грибы
 И ничего не ждут, устав следить за нами.
 По пыльному листу блуждает перст судьбы,
 Рассеянно плетя растительный орнамент.

7 октября 1998, ред. 2006

Часть 4. Эпизод 27.

«Голые ветки. Спутанные, превратившиеся в сплошную шерсть. Ритм наклонённых стволов. Длинная тень от высоких белокаменных стен. Ряд заснеженных домиков. Двое в центре неподвижны, прикованы к тени. Её монолит размазывают убыстряющимся вихрем дома и деревья... Мороз. Нетронутые сугробы на задворках монастыря. Шапки куполов, нахлобученные

на шатры. Ездили втроём с Розой. Скорый вечер, синяя темнота. Сбежали от Розы, но испугались остаться вдвоём и покорно нашлись. Был такой стих.

Никогда не говорила Вадиму о любви. Но не посмела заменить это слово другим. Или ответить другим стихом. Теперь сокровенное слово лежало невероятно близко. На острие стиха. Стих в конверте. Конверт в ящике. Ящик в городе. Город в стране».

В романе мало внимания уделено технологии написания этого стихотворения, основной акцент сделан на художественном впечатлении, от которого оно отталкивалось. Описана поездка в Сергиев Посад (тогда Загорск). Первое название «Загорск». Находкой является последняя строфа, в которой описана немота первой любви. Образ растерянности – когда человек непроизвольно водит пальцем по стеклу, по листу – распространяется на судьбу, которая в молчаливой паузе отчаяния от нечего делать рисует растительный, то есть бессмысленный, бессвязный орнамент. В этой строфе нарисован портрет времени, которое течёт, а несостоявшееся признание разводит влюблённых, но в памяти навсегда остаётся исходная точка отсчёта – зафиксированный миг, как удаляющийся чёрно-белый кадр.

Опубликовано: 1, 4, 10.

ОТТЕПЕЛЬ

1

Не приезжай, когда зима и холод, –
 Мне не идут ни шапка, ни платок.
 Давно не заливают тот каток,
 Где лёд коньками острыми исколот.

Ты, окружённый прежним ореолом,
 Поможешь снять, потом подашь пальго,
 Но не способно, видимо, ничто
 Свести в дуэт заведомые соло.

Снег разъедают луж неровных пятна.
 Ты скажешь: «Разве нет пути обратно?»
 Веду мизинцем по твоей губе.

Да... Оттепель... Пожалуй, шарф не нужен...
 Но всё равно я запахнусь потуже,
 Я ей не доверяю. Как тебе.

2

Я ей не доверяю, как тебе.
 Я ничему не доверяю, впрочем.
 Ни воровским пробежкам серой ночи,
 Ни поступи полуденных побед,
 Ни болтовне о жизни и судьбе, –
 Где каждый прав и обречённо точен, –

Я верю только в силу многоточий...
 И даже им чуть меньше, чем себе.
 Но ты и я... А зонт как в дождь намок...
 Я рыхлый снег слеплю в тугой комок.
 А наш роман упорен и не молод...
 А я скучна... А ты позёр и шут...
 Но если вдруг решишься, я прошу:
 Не приезжай, когда зима и холод.

4 мая 2000, ред. 2003, 2017

Часть 2. Эпизод 8.

«Живу и мыслю, манипулируя вопросами и ответами. И не могу себе позволить отделаться от вопроса пустым «не знаю». Я всегда знаю. Вот, я люблю всякое время года, когда можно ходить без шапки. Спрашиваю себя «почему»? И глубокомысленно отвечаю: «Шапка мнёт волосы и делает лицо безнадёжно круглым». И платки мне не идут... Мне-не-идут-ни-шап-ка-ни-пла-ток! Из этого неутешительного заключения можно было бы создать стих. Напишу его, когда окончательно проникнусь отчаянием глубокого ноября.»

Вечер расставил акаценты. Стены домов удалил, а тёплые окна, снежные карнизы и крыши повесил в пустоте, нацепив на лохмы лип. В развилках веток осели комья отёкшего снега. Синь вытягивала из комнаты силы, оставляя спресованные серые выжимки».

Часть 3. Эпизод 19.

«Итак, Вадим подал знак. Угадал моё охлаждение на фоне общей оттепели. Мы связаны сильнее и сложнее, чем мне сегодня хотелось бы. Будет звонить и говорить. Не слышала его восемь

лет. Страшно. Вся жизнь моя продиктована им, с этим нельзя не считаться. Каждый день ожидаю встречи с ним, хотя не всегда она желанна. Особенно, когда холодно, когда я в шапке, плохо выгляжу. Мне не идут ни шапка, ни платок. О! Неиспользованная строка ноября.

И снова оттепель, но теперь уже мартовская. И шапка та же. И та же озабоченность. Легко выстраивается сонет. Только дожидаться, когда все заснут. Тихонько уединиться и написать: «Не приезжай, когда зима и холод. Мне не идут ни шапка, ни платок». Сонет требует точной рифмы. Каток. Действительно, ходили на каток. Розу не звали. Вдвоём катались по горбатым выщербленным дорожкам. Независимые, будто каждый был сам по себе. «Давно не заливают тот каток, / Где лёд коньками острыми исколот». Всё осталось. Восхищение, поклонение, зависимость, необъяснимое противостояние. Попытка проникнуть за броню недоверия обернётся неудачей, усугубит тоску. Чёрные следы на тонком слабом снегу. Отмокшие пятна луж. Томительная встреча приведёт к очередному расставанию. Встреча, заведомо обречённая. Заведомо... Хорошее слово. «Но не способно, видимо, ничто / Свести в дуэт заведомые соло».

Тожe мне оттепель! Как нести такой лист Большову? Такой лист некому нести. Над ним только одиноко рыдать навзрыд».

Написать стихотворение на тему оттепели поручил Б.Н. Романов на семинаре поэзии в ИЖЛТ весной 1999 года. Следовало написать на эту тему двестишье, четверостишье и сонет. Четверостишье сложилось сразу.

Легавая проносится по снегу,
Сырые хлопья валят всё сильнее,
И тают, и текут по морде пегой,
И снег пятнист от вылезших камней.

Неплохо вышло и двестишье, хотя вторая строка не отыскивалась ещё лет десять.

Преувеличены туманом фонари
И всё течёт, куда ни посмотри.

И ещё вышел «букет» из трёх сонетов, который долго перерабатывался и превратился в два взаимосвязанных сонета. Последняя редакция относится к периоду работы над этой книгой. Заменено слово в строке «Где каждый прав и, несомненно, точен...» на «обречённо точен». Это место всегда меня не устраивало. Что значит «несомненно» точен? Смысл тёмн. Само это слово не точное, многозначительное до бессмыслицы. Но замены я долго не находила. И вдруг нашла. «Обречённо точен». «Где каждый прав и обречённо точен». Глубоко трагично. Возвращение невозможно, и уже нет смысла смягчать правду, чтобы не ранить любимого.

Опубликовано: 1, 4, 5, 10.

ОТТИСК В ПАМЯТИ

Перемены шум. Десятый класс.
Нараспашку окна коридора.
В створках запылённого стекла
Улочка, бегущая под гору.

Чётким силуэтом две спины.
Чёрный коридор. Окна свечение.
Мы друг в друга тайно влюблены,
В чём истоки счастья и мученья.

Взгляды параллельным курсом шлём,
Созерцая с прилежаньем редким
Дерева прозрачный переплёт,
Воробья, снующего по ветке.

И молчанья таинством полны
Вдруг хохочем: в ослепление светом,
В головокружение от весны
Воробей свалился в гущу веток.

4 июля 1992, ред. 2010

Часть 4. Эпизод 22.
«Глеб взял за локоть:

– А знаешь, Оксаночка. Я помню, один раз увидел, как вы с Вадимом вдвоём стояли у окна. Уже перемена кончилась, все разошлись по классам. А вы остались одни. Апрель был. Как сейчас. Я тогда вам ничего не посмел сказать, пробежал на цыпочках в класс.

Ухнуло сердце. Лицо отказалось служить. Вскинула руку ко лбу, прячась под ней. Глеб слово в слово пересказал её собственное воспоминание.

В конце коридора распахнутое пыльное окно. Коридор особенно чёрный из-за окна, сияющего солнечной путаницей веток громадного тополя. Ветки ещё без листьев, но уже сухие, тёплые. В них воробей.

Во все глаза следили за воробьём. Боялись смотреть друг на друга. А воробей, охмелев от тополиного духа, прыгал, прыгал боком, всплёскивая крылышками, и вдруг запутался в хитросплетении веток, забарахтался, стал падать. Однако сумел уцепиться и сел, как ни в чём не бывало.

Расхохотались, такой смущённый был вид у воробья. Взглянули друг на друга. И ушли в класс.

Не знала о свидетеле. Глеб внезапно и щедро подарил аленький цветочек. Подтвердил действительность события. Он уже теребил за плечо, разворачивая к дверям, в которые входил кто-то из старых педагогов.

– Зайди к нам, Михалыч. Ребята навестили. Вот Оксаночка... девочки... мальчики...

Опомнилась. Сердце ухало, но лицо уже служило.

– А, Оксана! Та девочка, которая дружила с Вадимом?..»

В романе стихотворение не приведено, пересказано в тексте. В книге «Сто стихотворений» (2013) есть другая версия последней строфы. «И молчим. И трепетно полны / страхом поцелуев и отметок, / вдруг хохочем: пьяный от весны / воробей свалился в гущу веток».

Опубликовано: 1, 4, 5.

СВИДАНИЕ В БОТАНИЧЕСКОМ САДУ

Двое участников в сцене немой,
И перспективы заведомо плохи.
Тянется шлейфом за белой кормой
Звук поцелуев, тяжёлые вздохи.

Справа вибрирует ивовый прут –
Правит эскортом басыщих лягушек.
«Куррева! Куррева!» – в ряске орут,
Травы колебля до самых верхушек.

Я обнимала букет, как весло,
Низко клонясь к белокаменным розам.
«Куррева! Куррева!» – следом неслось,
Грустный финал обращая курьёзом.

4 июля 1993, ред. 2010

Часть 2. Эпизод 10.

«Боялась, позвонит Вадим. Позвонил. Он всегда угадывал. Говорила с ним нехорошо. Сухо. Встретились на другой день в парке. Наклеили друг на друга по холодному поцелую. Сидели на белой скамейке у запущенного пруда. Враждебные, безмолвные. И не могли расстаться. Прибрежную траву шевелили деловитые лягушки, крича на все голоса.

Было. Давно. А казалось, недавно. Всё сокровенное выпадало из реальности в заповедный мир, где пребывало протяжённое настоящее. Вадим. Мысли о нём. Отчётливые образы. Стихи».

Часть 4. Эпизод 27.

«Размытое отражение белой садовой скамейки на краю воды. Чутунные витые ножки, просевшие в землю. Две фигуры на скамейке. Круги на воде... Круги множились, напоздали друг на друга. На краю скамейки, закованный в целлофан, лежал букет белых роз. К берегу подплыла огромная рыба. Разевала рот. Среди лягушачьего хора один голос явственно выкрикивал:

– Куррева! Куррева!

Дождь висел поблизости. Было серо. Целовались. Сидели, обнявшись.

– Поехали, я покажу тебе свои картинки? – звал настойчиво. – Поехали?

Называл картины картинками, скрадывая их несомненную значительность, их неоспоримую силу. Испугалась. Откалалась ехать. Букет был длинным и плоским. Уходила по аллее вдоль кирпичной стены. Чувствовала себя облупленной девушкой с веслом, глядящей в одну точку невидящими глазами. Спустя несколько дней ходила в одиночестве по прохладному залу. В глубине больших застеклённых картин, невозможно красивых, вычурных, цветных, видела только своё отражение. Ушла измученная восхищением».

Стихотворение долго оставалось незаконченным. Многократно редактировалось. В романе не приведено, событие упоминается в тексте дважды. Данные фрагменты романа объясняют его название «Картинки и стишки»: каждый из двух влюблённых невольно старается умалить то громадное значение, которое имеет искусство в его жизни, и значительность достигнутых результатов.

Опубликовано: 4.

«ВОКРУГ ШУРШАТ КОРИЧНЕВЫЕ ЛИСТЯ...»

Вокруг шуршат коричневые листья,
Пересыпая отгиски следов.
По их окраске беличьей и лисьей
Предвижу наступленье холодов.

Вечерней тучей солнце с неба стёрто.
Фонарь расплылся в поздней синеве.
Я отослала письма в царство мёртвых.
Сегодня мне доставили ответ.

И я хожу туда-сюда по скверу,
Где шелестит холодная трава.
Итак, ты жив. Опять воскресла вера.
А может, просто я уже мертва?

30 сентября 2009, ред. 2003

Часть 4. Эпизод 27.

«Нежнейшая осень бродила за окном. Играла тёплой пылью. Скребла по асфальту сухими листьями, свернувшимися, как завитки канделябров. На подоконник за стеклом упал шершавый барочный завиток. Пламенно рыжий, с проступившими нитяными жилами. Ранний октябрь, похожий на поздний

август, приблизил лик к запылённому стеклу. Приблизил синий двор с изумрудными деревьями, с коричневыми листьями в траве газона. Опять всё сыпалось. Сухие листья сыпались с деревьев. Шуршали. Застревали в отмытой дождями траве.

По их окраске беличьей и лисьей я догадаюсь, что уже октябрь. Ритмизованная строка. К слову «октябрь» невозможно подобрать рифму...

Быстро побежала наверх, крепко держа в уме строку. Стих складывался с каждой ступенькой, грозил распасться в беге. Боялась не донести. Нетерпеливо хлопнула дверью. Кинулась к блокноту. Записала. И сразу принялась править, додумывать, пока не увидела окончательное».

Стихотворение является примером того, насколько для итога важен отбор, минимизация средств. Было ещё четверостишие (последнее), в котором я сконцентрировала вечерние образы, существенные для создаваемого осеннего настроения.

Внезапный ветер, обернувшись ночью,
Моей щеки касается пером.
Цветные окна, дозревая срочно,
Как яблоки висят в ветвях дворов.

Но каким бы ни было ярким продолжение, оно становится лишним, отсечённое гранью жизнь–смерть в последних строках третьего четверостишья. На это обратил внимание Борис Романов, я согласилась с ним.

Опубликовано: 1, 4, 10.



Глава 3

Изнанка души

нужно ли рассказывать истории стихов – однозначно не ответить. с одной стороны, избыточное знание отягощает, с другой, – обогащает, ведь о секретах искусства интересно знать всё

КАК ПОЛУЧАЮТСЯ СТИХОТВОРЕНИЯ

Только поэт в полной мере понимает свои стихи. Ему известно, как они возникли, какая многоярусная конструкция из душевных порывов, путаных мыслей, сонного безделья и бессонных трудов, направленных поисков и ослепительных случайностей находится в основании, является могучим корнем стихотворения. Это таинство необычайно волнует всех, но покровы приподнимаются крайне редко. Чудо – возникновение стихотворения из случайных слов, строк, совпадений. Очень трудно объяснить чудо.

Всё, что окружает нас, что мы видим и встречаем на своём пути, как бы ни было прекрасно или удивительно, несёт на себе патину обыденности, случайности. Художник, будь то поэт, скульптор, живописец, – стирает с образов бытовую патину, обнажая их божественную сущность, создаёт совершенство, точными касаниями подправляет случайное несовершенное.

Стихотворение – архивная карточка памяти. На ней записано остановившееся мгновение. Прекрасное или ужасное, но оно незабываемо и каждый раз переживается заново, едва память прикоснётся к этой карточке в своём архиве. Рассказать абсолютно всё о том, как получилось стихотворение, невозможно и не нужно. Есть границы искренности. Правда – страшная вещь. В ней заложена колоссальная разрушительная сила.

Но поэты не могут лгать. Поэтому молчат о своих стихах. Такой рассказ – не изнанка стихов, а изнанка души. Есть стихотворения от первого лица, когда событие столь убедительно и ярко описано, что по общему убеждению становится неотъем-

лемой частью биографии поэта. Хотя это лишь неслучившееся, которому дано было право произойти в границах творческого сознания.

В рассказе о создании стихотворения первичны механизмы возникновения замысла, ключевого слова, ритмизованной строки, центра кристаллизации стихотворения. Даже черновики и варианты не могут дать полной картины мыслительной работы, огромная часть которой проходит в уме, не отражаясь на бумаге, на мониторе. Игра словами, оперирование понятиями, поиски звучания остаются за пределами возможной фиксации. Не говоря уже о сегодняшней работе на компьютере, когда все варианты бесследно исчезают по мере правки. И вся грандиозная предыстория истаивает в тот миг, когда складывается итоговая версия.

Любопытно, что записи о работе над стихами включают много нелепого, смешного, даже смехотворного, что неизбежно возникает при лихорадочном поиске версий. Иногда рифма берётся какая попало, лишь бы удержать ритм и перепрыгнуть через досадное препятствие к брезжущим впереди строкам. Потом она заменяется достойной, но память о первом варианте остаётся, вызывая улыбку, иногда весёлую, иногда скептическую.

НОЧНОЙ СНЕГОПАД

Запорошённых фонарей
оранжевые облаченья.
В порыве самоотречения
сияет полночь у дверей,
мерцает, словно монитор,
и лижет ограждений прутья.
Белки окон глядятся жутью
в несомкнутые веки штор.
Из хлопьев света на лету
встаёт колосса изваянье.
Но к счастью, сна благодаянье
ниспосылает слепоту.

25 февраля 2010

Внезапно проснулась, долго лежала без сна, глядя на ночные окна, ярко светящиеся за шторами. В щели было видно оранжево-коричневое небо. Сложился образ – белки́ глаз под неприкрытыми веками. Возникла строка: «Белки окон глядятся жутью в несомкнутые веки штор». Сюда же пришлось зимнее: оранжевые фонари. Они застолбили ритм и тему будущего стихотворения: «У занесённых фонарей / оранжевое облаченье».

Я влюбилась в эти строки и стала искать к ним достойные рифмы, ну, хотя бы к одной, к «облаченье». Стремилась в одном слове выразить замысел: искреннее удивление такому количеству света ночью. Должно быть темно, а за окнами светлее, чем в комнате. Это долго не могло воплотиться в слова, тем более с уже заданной рифмой «облаченье». Нашла «самоотречение», понравилось, но никак не хотело войти в строку с нужным ей смыслом: для ночи быть такой светлой – это самоотречение.

Всё оформилось через месяц: я перестала ломать слово «самоотречение» и взяла его в устойчивом словосочетании «в порыве самоотречения». Ночь в порыве самоотречения сияет – отрекается от тьмы. Следом понадобилось менять «оранжевое облаченье». И довольно долго я занималась им, пока не повернула множественным числом: «оранжевые облаченья».

Теперь первое четверостишие полностью сложилось. Но рифма «фонарей – дверей» плоская, к ней нужно сильное продолжение. Тут, как нельзя кстати, вписалась рифма «монитор», которая оставалась в запасе к словам «несомкнутые веки штор», – точно в образе сияющей мертвенным светом немеркнувшей ночи.

Второе четверостишие началось как следствие первого, «...мерцающая, словно монитор», и продолжилось проходной незначащей строкой «и лижет ограждений прутья» – дань рифме к слову «жутью». Строка существует только ради этого.

В финальном четверостишие следовало дать волю снегопаду – источнику света, – использовать слова «снег», «свет»... «Из хлопьев света на лету» – нарочитая, несколько поверхностная игра словами «хлопья света – хлопья снега». Но в следующей строке важно словосочетание «снежным изваяньем». Ночь громоздится, воздвигается из хлопьев света, как колоссальное снежное изваяние. Строка долго не нравилась, принуждая непрестанно возвращаться к ней и перекраивать. Хлопья света нагнетались исключительно ради растущего за окном колосса, от которого одно спасение – провал в сон, то есть слепота как

бегство от сияния: «...сон благоденьем / ниспосылает слепоту». К этому выводу я тянула смыслы изначально.

В стихотворении было очень много технической работы, направленной на решение двух дежурных задач: уберечь образность, угодив рифме и ритму. Здесь почти не было поддержки свыше, я упорной работой вынудила дать мне хоть небольшую. Как удачу отмечаю использование выражений «в порыве самоотречения» и «благоденьем / ниспосылает».

Опубликовано: 23 (2011. № 1); 4.

СМОЛЕНСКОЕ ДВОРЯНСТВО

В непроходимых лиственных лесах,
поднявшихся под знаком Водолея,
друг к дружке жмутся, сказочно белея,
берёзы – сединою в волосах.

Остановилось время на часах.
Угли усадеб умирают, тлея.
Едва видны фундамент и аллея
с прудами на заросших полюсах.

Не важно, русский барин или лях,
где сгинул, на чужбине ли, в остроге, –
от тех родов остались только слоги,
рассеялись люпинами в полях.
И голубая кровь, как в соболях,
течёт в пыли разъезженной дороги.

8 июня 2012

Написано после поездки на Смоленщину на родные пепелища летом 2012 года. Стихотворение получилось быстро, за вечер. Я знала, что непременно напишу его, потому что у него, ещё не определившегося, уже был очень сильный внутренний потенциал – сила притяжения, жажда быть озвученным. Но я

пока не знала, какие открытия этот потенциал сулит. Исходные строки были:

где липовые тянутся аллеи
в заросших и запущенных лесах
следы усадеб исчезают, тлея
берёзы – сединою в волосах
старуха в красном выцветшем плаще
стоит спиной к разъезженной дороге

Заметила, что может получиться сонет, и сразу же начала мять первое четверостишие. Рифмы удобные. К «берёзы» нашлось «белея», далее – «Водолея» как знак дождей. Смоленщина – дождливый край. Две строки из первого четверостишья переставила во второе, пара «аллея – тлея». Им надо было найти обрамление с рифмой к «лесах – волосах». Банальное – «на часах» – компенсировала оригинальным – «на обоих полюсах».

Первая строка шестистрочья получилась от рифмы «дороге – остроге». После этого сразу пришло слово «слоги», оно понравилось, так как указало на механическое разрушение исторических фамилий. Но не нравилось всё на «ще». Старуха в плаще долго пыталась меня рифмой: придумалось «вотще» и «плюще». Но плюща нет на Смоленщине, а я уже дала название «Смоленское дворянство» и не захотела менять его ради плюща. Оставить плющ можно было как образ загущённой растительности, не важно, что он там не растёт, под ним может пониматься вьюн и повилика. Нехотя смирилась.

Но главной неожиданностью стало появление в раскладе люпинов. В июне на Смоленщине поля до горизонта синие от люпинов. Поначалу пыталась сказать – «синие люпины» или – «лиловые люпины», но тут выплыла «голубая кровь». Вот натуральная подсказка свыше. Синие люпины вдоль дороги олицетворяют голубую кровь знати.

Теперь стала избавляться от плюща. Вместо «в плюще» поставила «в полях». Тут же прекрасно вписался в рифму «лях»

как мощная польская составляющая смоленского дворянства – шляхта. Но поиск третьего слова в эту рифму вытянул все силы. Я и так, и так искала, нашла «в соболях». Очень нравилось, но почему-то соболя в моём представлении перепутались с горно-стаями, которые есть принадлежность королевских мантий, а у меня нет королей. И никак иначе я не приходила к закруглению темы. Выкинула строку, завершавшуюся на «королях», тупо вписала в предпоследнюю строку «в соболях» и вдруг вспомнила, что соболя-то коричневые, как дорога! Дорога и есть те самые соболя для голубой люпиновой крови. Много правила строку «Едва видны фундамент и аллея» для точности рифмы, да и другие части. Записала всё по свежим следам, сразу.

Опубликовано: 22 (2013. № 2); 17.

ЖИВЫЕ АКВАРЕЛИ

Случилось в полдень. Сидя за столом,
лоб опустил на сомкнутые руки.
Сквозь окна солнце падало углом.
Всё замерло: дыханье, сердца стуки.

Нетронутым остался белый лист,
набор кистей, коробка акварели.
Что думал написать акварелист –
отроги гор, поломанные ели?

Прощальных слов унылый караван
потери обосновывал причину:
рубаха-парень, пьяница Иван
в Иванов день настиг свою кончину.

А на картинах, убранных вчера
в две на гробы похожие коробки,
швыряли снег Даурии ветра
и облепляли сумрачные сопки.

16 октября 2012

В Иванов день умер художник. Романтик, благородный и смелый защитник истины, шутник и шалопай.

Стихотворение сложилось в ночь с 15 на 16 октября, в четвёртую годовщину памяти. Строка «он умер в полдень, сидя за столом» возникла первой, и её продолжение точно передавало обстановку рокового момента, так же как и последующие строки этого четверостишья.

Белые листы, которые нарезал акварелист для работы, лежали на виду в его комнате. Поэтому второе четверостишье началось словами: «нетронутым остался белый лист...». Далее, как предположение, что же он хотел изобразить, возникла излюбленная тема художника – горы, туманы, поломанные ели на болотах – образы Даурии, где он прожил несколько лет.

Третье четверостишье написано ради двух последних строк. К ним я искала формальную рифму «Иван – караван», «кончину – причину», а уже к рифме, как в игре «буриме», максимально подтягивала тему потери. Причём вторая строка, «потери обосновывал причину», оказалась очень своевременной находкой и фактически позволяла закончить стихотворение.

Последнее четвёртое четверостишье возникло неожиданно. Была внутренняя потребность усилить творческую составляющую личности художника, тревожила тема акварелей, на которых «...ветра и ...сопки». Принялась подбирать рифму: «ветра – вчера», «сопки – коробки». Что мне было делать с коробками? Но я стала их старательно запихивать в траурное стихотворение, пытаюсь разместить бытовое слово, если не без морального ущерба, то хотя бы с минимальным, например: «...на картинах, убранных в коробки». И вдруг – счастливая случайность.

Вот последовательность её явления: я разорвала связку «убранных в коробки», присоединила «убранных» к «вчера», а слово «коробки» встало в конец второй строки в одиночестве. Но оно требовало какой-то характеристики: «...убранных вчера / в коробки». Оторвала «в» от «коробки», т.е. в какие-то коробки, тут чисто ритмически. И тогда пришло: «в на гробы похожие коробки». Но между «в» и «на» что-то надо было проло-

жить для естественности речи. Выбрала короткое односложное «две». Можно было три, но это уже не соответствовало реальному количеству оставшихся работ. Так получилась последняя строка. А с ней получилось стихотворение.

Название «Живые акварели» родилось в момент редактирования последних двух строк, где я старалась передать идею, что жизнь природы, единожды пробуждённая художником в картинах, продолжается.

Стихотворение было признано мной готовым, но не нравилось первым словом: «умер», «скончался»... Казённым ритуальным словом. «Скончался в полдень...» Два года начало тиранило меня, отодвигая стихотворение на второй план. И внезапно разрешилось: «Случилось в полдень. Сидя за столом, / лоб опустил на сомкнутые руки...»

Опубликовано: 9.

ТРАВЯНОЕ МОРЕ

То ли море качает валы,
То ли поле, – вот головоломка!
Лишь берёз неподвижны стволы
и елового берега кромка.

Так и ходит земля ходуном,
гонит вдаль за барашком барашек.
Муравейник стоит валуном
под размашистой пеной ромашек.

А над волнами трав или вод
в упоеньи неистойой скачки
мчатся звери волшебных пород –
то ли котики, то ли собачки.

19 июня 2012

Задумано июньским днём, когда гуляла с собаками по полям и теряла равновесие от буйства травы вокруг и кочек под ней. Подумала, что мы как на корабле в качку. Первая строка была: «голова закружилась от качки». К ней сразу рифма: «собачки». Я уловила, что хочет быть написанным нечто безответственно-пустяшное. Только уменьшительное «собачки» следовало обыграть, вроде: эх, хороши собачки! Но вернувшись домой,

всё напрочь забыла. Вечером попыталась вспомнить, что за рифма у меня была к «собачки»? Ничего, кроме водокачки не придумалось.

Назавтра снова пошли гулять, и едва вышла в поля, споткнулась о кочку, вспомнила: «качки – собачки». Пока ходила по полю, минут двадцать, оформилось наблюдение, что в травяном море уже не понять, кто скачет вдали, «то ли котики, то ли собачки». Так явилась ключевая строка, основа идеи стихотворения, и с ней железно определилась его судьба – оно обязательно будет. Эта строка, просто и внятно выраженная, начинена мягким юмором, многозначностью.

Последнее четверостишие сложилось первым ещё на прогулке. Войдя в дом, я немедленно записала его, чтобы уж не потерять. Всё остальное – обрамление ему. Ромашки в июне везде, пена ромашек – банальная тема, но, подчёркнутая валуном муравейника, она понизила красоту и обрела остроту. Была мысль сделать сонет, но уже только и оставалось «качка – пачка – водокачка». Таким образом, качка вовсе отпала, хотя с неё всё и началось.

Опубликовано: 5.

АЛЕКСАНДРОВА ГОРА

Зимы бесснежье. Серые туманы
укутывают мощь монастырей.
Дороги, словно резаные раны,
на капище влекут от алтарей.

Синь-Камень прожигает чёрной дланью
прибрежный лёд в оправе тростника.
Блестят монеты первобытной данью
Яриле, пережившему века,

где блещет бурь бесстрастная безликость
и плещется Плещеева волна...

Трепещет лент неистовая дикость
в кустах ольхи, как в гриве скакуна.

Почти не замечая христианства –
единожды усвоенной игрой –
язычеством вибрирует пространство.
Крест на горе. Синь-Камень под горой.

12 января 2014

Задумано 6 января 2014 года в Переславле-Залесском, где проводили рождественские каникулы. В один из дней побывали

в трёх грандиозных монастырях и под конец оказались на торжище у Синь-Камня, который лежит на берегу Плещеева озера у подножия крутого холма – Александровой горы. Гора названа в память Александра Невского, а некогда звалась Ярилиной, там было капище. У Синь-Камня было невиданное столпотворение. Люди бросали на камень деньги, конфеты, зёрна, прикладывали к нему ладони, нашёптывали желания. Вокруг все тростники, кусты и деревья были увиты цветными ленточками, привязанными посетителями на счастье.

Главная тема стихотворения, возникшего под этим впечатлением, такова: в глубинах человеческих душ сидит детский трепет перед стихией, который не успокаивается и не исчерпывается христианством. Так страх ребёнка перед темнотой не исчерпывается уверениями матери, что темнота не страшна. Этот трепет выше всякой веры – это нитка страха, которой человек привязан к природе.

Первая пришедшая строка: «Крест на горе. Синь-Камень под горой» – возникла мгновенно и стала завершающей, резюмирующей. Вторая строка: «Зимы бесснежье. Серые туманы...» – напрашивалась невольно, как характеристика погодных условий, при которых разворачивались события. От неё надо было начать, как из некой исходной рамы, оправы. Строка «Дороги, словно резаные раны» – получилась в поиске рифмы к туманам и из-за реальной черноты мокрых дорог на фоне запорошённых равнин.

Ядром стихотворения был образ увитых цветными лентами деревьев – неизгладимое впечатление, оставшееся в сознании, – буйное и страстное. Первая строка последнего четверостишия формировалась долго. Первоначально было: «Внутри тысячелетий христианства...» По содержанию своему она удовлетворяла меня, но звучала как-то неестественно. Когда сложилось «Почти не замечая христианства», исчезли все мои претензии к этой строке.

Опубликовано: 6.

РУСАЛКА

Скольжу в волнах серебряной торпедой.
Пронзаю толщу изумрудных глыб.
И соревнуюсь с косяками рыб.
И упиваюсь брызжущей победой.

Но в звёздный час Персея с Андромедой –
земных небес высокий архетип, –
за плесками скрываю горький всхлип
о том огне, который мне неведом.

Дорожка к замку вьётся словно полоз.
Недлинен путь, но как же он непрост.
Гляжу туда, вытягиваясь в рост.
Прекрасный принц недолго будет холост.
Возлюбленный, ты любишь дивный голос!
Но он звучит, пока змеится хвост...

23 марта 2014

Написано в несколько приёмов за неделю. В основе – образ Русалочки Андерсена. Сложилось единым духом из строки: «Скольжу в волнах серебряной торпедой». И далее «...играю с косяками рыб». Потом неизбежно «победой», но неудачно,

увело от романтичности. К «рыб» автоматически «глыб», тоже неудачно. Морская вода и каменный термин. Но что-то в этом было, образ морской изумрудной толщи получился. «Победу» я тоже оставила, когда вместо «играю» нашла «соревнуюсь». Выявилась нечеловеческая сила и ловкость русалки, царящей в родной стихии.

На этой стадии созрело желание сделать сонет. В сонете неизбежен вывод, для которого остаются шесть последних строк. Без вывода всё только зарисовка. Со вторым четверостишьем начались страдания, рифмы не шли, да их и нет толком. Но не хотелось отказываться от «торпедой» и «рыб». Как версия всплыло «Андромедой», а следом «Персея с Андромедой» – созвездия северного неба, потом сразу возникло понимание взаимосвязи – сравнение счастливой человеческой любви с горькой любовью русалки. В этом месте во втором четверостишьи, к «всхлип» попробовала рифму «полип». Как контраст неизрасходованной нежности с отталкивающим морским объектом, к которому вынужденно обращена нежность. Несколько дней «полип» держался, хотя его присутствие в стихотворении всерьёз мучило меня. Наконец весь фрагмент был заменён на «Персея с Андромедой – земных небес высокий архетип», в котором сошлось множество смыслов: образ счастливой любви, преодолевшей испытания, звёздные ориентиры мореплавателей.

Проблемой последних шести строк стали рифмы к словам «голос» и «хвост». Я категорически отказалась от банальной связки «голос – волос». Нашёлся «полоз» – змея, что подходило по смыслу. Сначала слово обыгрывалось как колеблемая светом лунная дорожка, потом как вьющаяся тропинка к замку принца. Кроме того, это было напоминанием о земноводной сущности русалки. Удачно, хоть и неточно, пришла рифма «холост», что-то в ней домашнее, так не говорят о сказочных персоналиях. Но Русалочка, отравленная соблазнами земной жизни, уже мыслит земными категориями. Другие рифмы к «хвост» более-менее

нашлись: путь «непрост», поднявшись во весь «рост» – русалка изо всех сил вытягивается над камнем, с которого наблюдает за дворцом. Итоговые две строки существовали гораздо раньше, поэтому сонет шёл к ним сознательно. «Змеится» хвост – образ, явившийся в последний миг, несовместимый с человеческой любовью.

Сонет сложился из давно тревожившей меня мысли, что – в иносказательном смысле – каждый человек имеет голос, но только вместе с хвостом. Безысходность этого положения, отсутствие выбора, отсутствие выхода – серьёзная философская проблема. Невозможно избавиться от хвоста и сохранить голос. Чтобы выжить, надо смириться с обстоятельствами, но любящее сердце не может смириться и идёт на жертву, за которой только гибель.

Опубликовано: 6.

ТРИОЛЕТ-ШУТКА

Напиться по-русски.
Уйти по-английски.
Хоть горлышки узки,
Напиться по-русски.
Большие нагрузки, –
Ведь водка не виски, –
Напиться по-русски,
Уйти по-английски.

8 апреля 2000, ред. 2009

С триолетом я познакомилась в ИЖЛТ в 1999 году на семинаре поэзии, который вёл Б.Н. Романов. В этой твёрдой форме я из интереса написала несколько экспериментальных стихотворений. Но данный триолет получился, как часто бывает со стихами, стихийно. На вечеринке. Посвящён однокурснику по институту, Николаю Шелу. Он и является героем триолета. К концу вечеринки изрядно подвыпивший поэт подошёл попрощаться со словами: «Я уйду потихоньку, по-английски». Я сказала: «Ну вот, напился по-русски, а уйти хочешь по-английски». Это были первые две строки. Далее всё сводилось к рифмовке: «по-русски – узки» рифма банальная, из анекдота, лежащая на поверхности, а вот «по-английски – виски» вышло элегантно,

легло в масть. Всё построено на нюансном соотношении нашего и заграничного, всё колеблется в звучании «с – з». Стихотворение было начато и закончено за то время, которое потребовалось, чтобы доехать с вечеринки до дому. Небольшая редакция заключалась в уточнении рифм, строки «хоть горлышко узко» и «большая нагрузка» были по совету Бориса Романова переведены во множественное число.

Опубликовано: 2.

В оценке стихов – и своих, и чужих, и великих – я руководствуюсь исключительно внутренним чутьём, не знаниями, не мнениями. Анализирую истоки того стихийного одобрения, которое возникает при чтении, и получаю устойчивые критерии.

Уважаю в стихах техническое качество – это основа моего расположения к стихам: внятность и естественность изложения, пружинистая лёгкость ритма, точность рифм – этот истинно аристократический блеск.

Ценю в стихах высказанную мысль, как некое кредо или вывод. Если при качественной технике есть точно высказанная оригинальная мысль, стихи восхищают глубиной, дают повод задуматься. Они кратки и ёмки, мигом бьют в цель, проникают в сознание и закрепляются в нём. Но отсутствие технического изящества в изложении может вызвать и недоверие к мысли.

Соль мысли в поэзии – афористичность. Неожиданные, парадоксальные заключения. Здесь прямая связь с остроумием, чувством юмора, что является основой анекдотов. В поэзии способность афористично мыслить обычно проявляется в верлибрах, которые есть ритмизованные афоризмы.

Но главное преимущество поэтического высказывания перед всеми прочими, его высшая ступень – несказанное. Оно таится в том настроении, которое невольно охватывает при чтении стихотворения. Настроение не описывается, а вызывается.

Словно костёр, который вспыхивает без спички. Настроение – открывающийся простор, а точные слова лишь фиксируют его вершины и дали. Поэтическое волшебство именно здесь. Это не умение, этому нельзя научить, как нельзя невысокого человека научить быть высоким или наоборот. Способность необъяснимая, то, что называется даром, талантом.

Всё в стихотворении работает на создание настроения. В первую очередь, метафора – результат художественного восприятия, не ума, способность увидеть в предметах и явлениях сходство, позволяющее провести параллель.

Есть метафора, есть инструменты выразительности – конкретные детали, есть импульс к созданию настроения, но стих может сложиться разными путями. Высший ярус замысла – некая остроумная (не ироничная, а изобретательная) система уложения слов. Идея.

Важно иметь внутреннее убеждение, что в работе над стихотворением сделано всё возможное. Хотя далеко не каждый результат приносит удовлетворение. Стихи – явление безответственное. Они живут своей особой жизнью, как всякие живые существа. Что-то они позволят с ними сделать, что-то – нет, а от каких-то действий с ними умрут. Радость – встретить совершенное стихотворение. Ещё большая радость – написать его.



Глава 4

Ненужное определение

если философскими назвать стихи, которые ведут к
новому пониманию, новой точке зрения, то окажется,
что все хорошие стихи имеют это свойство

РАССУЖДЕНИЯ О ПОНЯТИИ «ФИЛОСОФСКАЯ ПОЭЗИЯ»

В поэзии невозможно притворяться. В стихах всегда останешься самим собой. Если за стихами не видно человека, стихи – ложь. Не стихи, а подделка. Как искусственные цветы. Стихотворение – оно ведь, как цветок, какое угодно – нежное, колючее, красивое, невзрачное. Только естественно, свежо и органично.

Всякое определение к слову «стихи» непременно понижает значение той группы, к которой они отнесены. Даже определение «прекрасные стихи» тут же отведёт их на задний план, когда появится другая группа, «самые прекрасные стихи». В понятии «философское стихотворение» кроется что-то в корне неверное, извращающее саму сущность поэзии, где регулирующий инструмент – только свобода.

Поэтическое ближе всего к спонтанному. Стихи – сугубо индивидуальный принцип мышления, восприятия, изложения. Едва авторский принцип мышления, восприятия, изложения начинает совпадать с общими принципами, получается именно то, что и есть философия по определению: система знаний о наиболее общих характеристиках, предельно обобщающих понятиях и фундаментальных принципах бытия.

Однозначного определения философского стихотворения нет. В качестве философских тем поэзии указываются: человек и история человечества, Бог, душа, природа, вселенная. Но это же и есть самые что ни на есть темы просто поэзии. Вечные темы, как ни называй, в каком порядке ни перечисляй, какие расширения ни извлекай из каждой позиции.

Если философия – абсолютная формула, применимая ко всему мироустройству, то философское стихотворение тоже обязано быть формулой, обкатанной и отвлечённой, очищенной от конкретных деталей, от индивидуальности. Увлекаясь излишними определениями, мы скатываемся к наиболее общим характеристикам и предельно обобщающим понятиям в области, где главная ценность – уникальность.

Опасно использовать фундаментальные тяжеловесные понятия в отношении того, что неуловимо и несказанно. Определение «философское» приколачивает стихотворение к кресту, возносит, но лишает жизни. В таком определении угадывается благородный порыв отметить стихотворение как мудрое, глубокое, но тогда эти точные слова и надо использовать.

Кстати, такое же недоразумение возникает с определением «духовная поэзия», чему можно было бы посвятить отдельный разбор. Однако принципиально эту параллель следует обозначить немедленно: снова приставкой «духовная» создаётся резервация для некой группы стихов. Одни литературоведы считают, что сюда относятся стихи исключительно на религиозную тему, другие добавляют ещё и стихи о душе и раздумьях над её путями, иногда можно видеть в сборниках духовной поэзии стихи о храмах, монастырях или о людях, пришедших в храм или идущих по дороге к храму. И уже нет границ, тотальная духовность. И не понять, философское это стихотворение или духовное. Остаётся, опираясь на философскую методологию, заявить, что философское возвышается над духовным за счёт всеобщности понятия, а духовное вписывается сюда как специфическая составляющая. Если же выразить суть простыми словами, то философское стихотворение – это серьёзное или грустное стихотворение с минорным констатирующим выводом. И вдобавок лишённое всякого намёка на юмор, иронию. Допускается, разве что, скептическая или печальная улыбка.

Ироничные стихи, отчёркнутые остроумием, независимо от их мудрости и глубины, из группы философских выпадают,

хотя несут в себе огромный пласт размышлений и обобщений. Взять Омара Хайяма, Пушкина. Взять Дмитрия Александровича Пригова: «Отвсюду виден Милиционер ...да он и не скрывается» или «Вот придёт водопроводчик и испортит унитаза...» Философский вывод возведён в абсурд. Но приторной меланхолии нет, и солидная дверь в философские стихи захлопнута перед носом автора.

Ещё интереснее с весёлыми стихами. Простейший пример: песенка «В лесу родилась ёлочка». Обманывает весёлая мелодия, детский хоровод, праздничная атмосфера. Если же изложить с унылым лицом, медленно, делая глубокие вздохи, сопровождая декламацию скептической улыбкой, услышим горестную историю, как хладнокровно и умело убита юная красивая ёлочка. Как торжественно она принесена в жертву. Как безжалостен и бездумен мир, упивающийся её смертельной красотой, воспитывающий в том же духе новые поколения.

Хорошие стихи определяются просто – их хочется переписать, выучить наизусть, они вызывают пылкий отклик, их автором сам, как поэт, хотел бы быть, потому что они несут в себе не только очарование слов и открытий, но ещё – что много важнее – созвучны твоей собственной шкале приоритетов, чем роднят с автором, превращая вас в единомышленников.

Можно с большой уверенностью заявить, что всякое стихотворение – философское. Более того, всякое стихотворение философское уже потому, что оно стихотворение.

Стихотворение призвано существовать без комментариев и пояснений, как любой объект художественного творчества, где все составляющие – понятные и непонятные – взаимообусловлены системой, являющей новое качество – целостное произведение искусства. Но крайне интересно, в какой момент в работе над стихотворением, которая всегда начинается с передачи точного настроения, проступает философский вывод?

Вершина поэзии – настроение, не философская мысль. Стихи возникают из впечатлений. Некоторые могут быть напи-

саны немедленно, другие будут ждать своего воплощения годы, оставаясь устойчивым воспоминанием, концентратом впечатления. Не каждое воспоминание превращается в стихотворение, но если превращается, то к этому есть дополнительный побудитель – новое впечатление, усиливающее прежнее, увеличивающее его созидательный потенциал. Стихотворение, получившееся в результате такого двойного удара, чаще всего имеет в себе выношенную глубинную подошлёку, поэтому оно ближе других подбирается к чёткому выводу. От него уже веет чем-то философским.

Художественное воспоминание остаётся нереализованной творческой задачей до тех пор, пока не воплотится в стихотворение, где происходит закрепление впечатления-воспоминания путём его внятного изложения, но это пока не осмысление. Стих всегда начинается как закрепление впечатления, как отливка в совершенную неизменную форму, – а вот заканчивается по-разному. Может – отчётливым выводом, может – констатацией факта, может – открытым концом, где вывод либо неоднозначен и остаётся на решение читателя, либо однозначен, поэтому не озвучивается.

Поэт созидает настроение, а по пути в замешанном им алхимическом растворе кристаллизуется некий вывод, часто неожиданный для самого поэта. Иногда поэт не догадывается о нём, пока критик или проницательный читатель не укажут на очевидное.

Логику рассуждения легче всего раскрыть при разборе какого-либо стихотворения или нескольких, чтобы показать, как каждый раз фатально неизбежен философский вывод, какие стихи ни бери. И что философская составляющая – лишь неизбежный финишный продукт. И гораздо реже – отправная точка.

ГУСТАВ КЛИМТ

Во весь размах музейного плаката –
художник, обнимающий кота.
Картинка незатейливо проста.
Улыбки протяжённое легато.
Во взгляде – сталь горячего проката.
Он знает, опаливая гладь листа,
что истинна одна лишь красота,
избыточность безвкусицей чревата,
что мера – Бог, свобода – личный почерк
в соотношении линий, пятен, точек
на фоне первобытно золотом...
И вечность указующим перстом
ведёт туда, где как бы между прочим,
простой мужик с простым своим котом.

4 декабря 2013

Конец ноября 2014 года. Вена. Особый интерес к венскому модерну и ещё прицельней – к его сильнейшему представителю, Густаву Климту. До этого я не видела его фотографий. Но по его работам с декоративным изысканным рисунком с орнаментом и позолотой выстроила идеальный образ автора.

И вдруг в музее плакат. На первый взгляд, образ, совсем не соответствующий утончённым картинам. Впечатление немедленно зафиксировали строки: «Во весь размах музейного плаката – / художник, обнимающий кота». Тут же следом прилепилось «картинка незатейливо проста». С этими обрывками пробудившегося сонета уехала в Москву.

Написано не сразу, но довольно быстро, в течение месяца. Складывалось нелегко. Следовало закруглить первое четверостишие, и оно вполне естественно завершилось строкой «улыбки протяжённое легато». Художник на фотографии улыбался. Улыбка длится сто лет. До этого места всё шло банально описательно.

Второе четверостишие требовало изворотливости со словом «проката», которым нельзя было жертвовать ввиду недостатка рифм. «Горячий прокат» был пригоден только в виде горячего взгляда. Так началось второе четверостишие. Отсюда же начал разворачиваться смысл стихотворения, который поначалу был неясен. Во втором четверостишии во второй строке была неточность: «он знает» – может относиться и к художнику, и к его взгляду. Простая рифма «листа – красота» полностью соответствовала рассказу о художнике. Здесь спасительным открытием и философским ядром стала следующая строка: «что истинна одна лишь красота» – афоризм, соприкасающийся по смыслу со словами Достоевского «красота спасёт мир». Далее непоэтичная строка – к тому же с тяжёлой рифмой «проката – чревата», – которая преодолевается только в контексте прочих перечислений.

С этого трудного места – лёгкий взлёт трёх следующих строк. Причём строка «что мера – Бог, свобода – личный почерк» тоже счастливо афористична. Она и строка о красоте составляют философскую основу размышлений о художнике, осмысление творчества. Но настроение формируется не угрюмым перечислением принципов мастерства, а сквозит в контрасте между простотой облика художника и сложностью принципов,

которым он следует в своём искусстве. Точка фиксации смысла опирается на три центральные строки – принципы искусства. И само осмысление, и вывод, изложенный в итоговых строках, осуществляются внутри стихотворения. Сонет своей структурой способствует такому построению.

Благодаря твёрдой форме удалось уложить сложный смысл в краткие четырнадцать строк. При этом пространство стиха огромно за счёт разнообразия точек зрения на художника – от иронии до обожествления.

Опорные слова: «обнимающий кота», «первобытно золотом», «улыбки протяжённое легато», где «протяжённое» неудачно дублирует само слово «легато». Оставлено как рабочий вариант. Это стихотворение ближе всего к понятию «философское стихотворение». Оно перегружено названными смыслами и ничего не оставляет за своими пределами. У него нет внешней атмосферы. Однако оно полностью соответствует впечатлению от работ Густава Климта, где живые образы скованы блистательным и мёртвым золотым фоном. Это стихотворение имеет потенциал к дальнейшему изменению.

Опубликовано: 23 (2015. № 1); 9.

«ЗАЛИЛОВЕЛИ КОНЧИКИ БЕРЁЗ...»

Залиловели кончики берёз,
 как кисточки, опущенные в краски.
 В очках ночей колом стоит мороз.
 Прохладны солнца утренние ласки.
 И ветер примеряется к холсту
 сырых небес, и цель его понятна, –
 касается кистями на лету,
 выписывая линии и пятна,
 бросая как сакральные слова
 краплак и хром, ультрамарин и сажу, –
 а проступает только синева
 волшебным обрамлением пейзажу.

6 апреля 2015

Прогулка по последнему снегу в апреле 2014 года. Сильно прибавилось цвета в природе. Берёзы лиловые, кусты рыжие и красные. А всё вокруг серо-белое, небо тусклое. Ещё нет открытого солнца, но оно уже чувствуется, в особенности, в прогалинах синевы. Первыми явились две ритмизованные строки «залиловели кончики берёз, / как кисточки, опущенные в краску». Выразительный образ, вокруг которого, как центра притя-

жения, могло сложиться стихотворение. Отсюда выстроилась тема и её интрига: краски разные, ветер водит ими по холсту небес, а появляется одна голубизна.

Остальное было чисто техническим процессом – подобрать слова. «Холсту – на лету» рифма, созвучная ветру. Оставила её незыблемой, как точно расположенные опорные слова. К ней подбирала по смыслу слова фактуры, так как суть уже схвачена. В третьем четверостишье актуальным опорным было слово «синева», или «голубизна», или «лазурь» – по обстоятельствам. Следовало по возможности избежать «линий – синий», «иней – синий», поэтому отказалась от соблазна, истратила слово «линии» в центре строки. «Слова – синева» рифма точная, но заурядная, чтобы повысить её значение надо было обосновать «слова» как заговор, как шаманское бормотание, и вот отсюда выплыл неизбежный философский вывод: ветер выводит красками сакральные узоры по небу, вызывая весну, в основе которой – священная синева. Слово «сакральные» тоже опорное, точно поставленное, работающее на настроение.

Настроение сырости, свежести выстраивается из образа красок, в которые только что окунули кисти. Его дополняют «колом стоит» мороз, «прохладны солнца ласки». Точка фиксации смысла – тема стихотворения, то есть о чём оно, – на границе стихотворения. Отталкиваясь от двух последних строк, она выстреливает за его пределы, позволяя продолжать осмысление.

Опубликовано: 26 (2016. № 40); 9.

БЕЛА

Голос поэтессы трогал стены зала.
 Но ушли под вечер с выставки поэты.
 А она всё жарче, всё нежней читала.
 И внимали чтению лишь её портреты, –
 в полосатых блузках, в шляпах и кулонах,
 с тёмными глазами, с узкими губами, –
 с жадностью впивали голос из колонок,
 к стёклам рам бессильно прижимаясь лбами.

29 апреля 2015

Подзаголовок: трансляция чтения. Несколько лет назад пришла на выставку Бориса Мессерера в Инженерном корпусе Третьяковской галереи. Совсем под вечер за час до закрытия. В одном из залов висели исключительно портреты Беллы Ахмадулиной и звучала непрерывная запись её чтения. Стояло несколько стульев. Не было никого. Странное неуютное чувство разволновало – поэт читает, а слушателей нет. Я села на стул...

Впечатление долго оставалось воспоминанием, не превращаясь в стихотворение. И вот я оказалась на вечере, где Борис Мессерер рассказывал о Беле – так он произносил её имя. Показали фильм, как она читает стихи, посвящённые Пастер-

наку, рассказывает о единственной встрече с ним. Я вернулась к первому воспоминанию. Через несколько дней записала:

Голос поэтессы обращался к залу
 поэты
 И замороженно слушали лишь её портреты
 Я одна

С момента написания этих строк до того, как стихотворение сложилось в итоговом виде, прошло десять минут простейшей редакции. Появилась никуда не годная вторая строка «где сидели люди, среди них поэты», уточнение «в том числе поэты» её не улучшило. Надо было обозначить, что зал был пустым. Поставила «но ушли все люди, в том числе поэты». Что было заменено вовсе прозаичным «но ушли под вечер с выставки поэты», и так и осталось, неудовлетворительно. Бытовая строка без проблеска интереса.

Рифма «залу – читала» стала центром развёртывания темы, рифма «поэты – портреты» существовала изначально. Была записана строка: «И внимали чтению лишь её портреты». Здесь сложилось четверостишие, которое могло стать законченным стихотворением. Но внутреннее движение строк пульсировало ритмом. Не теряя ритмического темпа, чтобы не порвалась связь между существующими строками и возможным продолжением, я стала формально описывать портреты, подводя перечисление их черт к более удобным рифмам. Пятая и шестая строки были бесхитростны и бесперспективны, топтались на месте: «В полосатых блузках, в шляпах и накидках / с тёмными глазами, с узкими губами...»

По логике вещей – портреты единственные слушали голос. Тут следовало однозначно указать, что это не живой поэт, а его запись, использовать техническое слово, – «из колонок» подошло по ритму. Следом, ему в пару – «в кулонах» вместо «в накидках». Осталось не зарифмованным только «с губами». Тут ещё не было и проблеска того поворота, ко-

торый увенчал стихотворение. Дежурно взяла рифму «лбами – губами». Стала ритмически устраивать «лбами» в строку. Первым явилось элементарное: «прижимаясь лбами». Оно и стало неожиданно счастливым открытием. Немедленно сложился центр кристаллизации стиха, определилось его настроение. «Прижимаясь лбами» – что так просто для живых и так невероятно для портретов, глядящих «оттуда». С нервной силой развернулась спираль законченности, зафиксировался смысл. Концентрат темы смерти и вечности, невозможности воссоединения облика и голоса, возвращения целостности. Я была поражена, как это материализовалось, и сейчас объясняю дольше, чем длился процесс.

Первая строка была отредактирована позже в тот же день. И всё на простейшей школьной рифме «зала – читала». Вместо «голос поэтессы обращался к залу», где рифма была неточной, – стало «голос поэтессы трогал стены зала». Рифма выровнялась, и одновременно многократно усилилось ощущение потерянности, – робость и беспомощность одинокого голоса, а также второй смысл – голос трогал стены зала, а не сердца людей, которых в зале не было.

Слово «трогал» опорное в фундаменте настроения. Точка фиксации смысла – далеко за пределами стихотворения. Конец открытый, итог не сформулирован. От портретов, прижавшихся лбами к остеклению своих рам, открывается для размышлений сад расходящихся тропок. Название быть другим не могло, «Бела».

Опубликовано: 9.

ПОЭТЕССА ЧИТАЕТ СТИХИ

еле слышимый шелест
создавало движение губ
в длинных паузах чудилось
будто чтение длится
но нельзя разобрать ни единого внятного слова
потому-то наверно стихи
показались хорошими

28 марта 2015

Была в Булгаковском доме 26 марта 2015 года, в четверг, на вечере молодой поэтессы. Девушка читала, беззвучно шевеля губами. Так что даже когда она заканчивала читать или делала длинную паузу, казалось, что чтение продолжается, просто мы его не слышим. Никакого мнения о поэтессе, никакого стихотворения не сложилось тогда, осталось только ощущение-воспоминание. Не оформившийся образ. Я забыла о нём. Через два дня стала заносить свои мелкие заметки в компьютер, и вдруг из одной строки получился милый верлибр.

Опубликовано: 9.

ТОТЕМЫ МАНИЗЕРА

скучаю по моим собакам
 их увезли в Санкт-Петербург
 гуляют там по Марсовому полю
 а я в Москве
 поэтому на станции метро
 при пересадке на другую ветку
 приветливо касаюсь на ходу
 изваянных из бронзы
 собачьих морд и лап
 наверное другие как и я
 скучают по лаптям и пистолетам
 по женским туфелькам и гребням петухов
 по тапочкам спортсменов
 по гранатам
 задумчиво поглаживая их
 утрами по дороге на работу
 и вечерами по пути домой
 как хорошо
 что есть у нас такое
 простейшее такое утешенье
 ведь одиноки мы
 и некого нам гладить

не говоря уже о том
 чтоб кто-то
 с такой же лаской иногда погладил нас

23 февраля 2015

Свободный стих намеренно взят для иллюстрации действия в нём тех же принципиальных приёмов раскрытия смысла, что и в рифмованных стихах. Верлибр освобождает от заботы о рифме, но требует внятности изложения, отчётливости. Данное стихотворение – третье о бронзовых фигурах на станции «Площадь Революции» в московском метро. Ежедневно наблюдая, как люди прикасаются к скульптурам, с какими лицами шепчут заклинания и замирают с рассеянным взглядом, я однажды решила пройти по станции, проверить, какие детали, каких фигур блестят особенно. В то время обсуждалась проблема сохранения скульптур, которые заметно истёрлись под горячей рукой мегаполиса. Я подумала, что создания Манизера стали тотемами, они востребованы, и нельзя отнимать у людей надежду. Как книга всегда желает быть зачитанной, так скульптуры хотят внимания. Это любовь. От неё нельзя защищаться и защищать. Но любовь неизбежно губит. Стихотворение началось с первых четырёх строк, сложившихся сразу. Остальные раскрутились, как серпантин. Умышленно вплетена ирония, как самоирония каждого, совершающего акт поглаживания излюбленной детали и сознающего себя в этот момент неисправимым язычником. Стихотворение построено на последовательном изложении. Вывод расположен в объёме текста, но это не отменяет внешней обширной атмосферы стихотворения, в толще которой формируется множество порывов и соображений.

Опубликовано: 14 (2017. Вып. 7); 9.

«МОЙ ВЕРНЫЙ СПУТНИК, ВРЕМЯ ХОЛОДЕЕТ...»

Мой верный спутник, время холодеет.
 Мы словно рыбы остываем в нём.
 Где наши раскалённые затеи,
 когда морозный день был жарким днём,
 и как всё было сказочно, припомни, –
 среди ноябрьских выстывших дубов
 мы вышли из лесу, как из каменоломни,
 с корзиной белокаменных грибов.

28 октября 2016

Задумано 13 октября, написано через две недели.

В основе истории реальный факт – прогулка за грибами поздней осенью. Прочитав в справочнике грибника, что даже в заморозки можно найти белый гриб под одиноким дубом в поле, мы решили проверить истинность такого утверждения. К лесу из деревни, где мы снимали домик, надо было идти по полю. В конце поля одиноко рос большой дуб. Мы пошли напрямиком к тому дубу. И нашли под ним красивый замороженный белый гриб, твёрдый как камень.

Тема эта, однако, имеет более глубокие корни. Я разрабатывала её в одном из ранних стихотворений, «Иероглиф люб-

ви», где замысел строился на описании обломка от утраченной скульптуры, сохранившего только жест – рука в руке. На него смотрят блуждающие по музею влюблённые, которые держатся за руки. Возникло рассуждение с философской подоплёкой, что это не обломок, а знак бессмертной любви, символ любви во все времена. Исключённые строки были такие:

Когда же в России под ветра холодного плети
 мы выйдем из леса с корзиной холодных грибов,
 возьми меня за руку, чтобы движением этим
 восполнить пробелы, внесённые смертью в любовь.

На основе этого фрагмента и сложилось через много лет новое стихотворение, побудительными словами были «...время холодеет, / мы словно рыбы остываем в нём». А тогда уже к ним сама собой примкнула не использованная некогда тема холодных грибов, которые теперь были возведены до абсолютно белокаменных, на пределе выразительности. Посвящено моему мужу.

Опубликовано: 14 (2017. Вып. 7), 18.

ВСТРЕЧА В СНЕГОПАДЕ

Трёх рыбок цвета солнца на заре
 нёс человек, от ветра прикрывая.
 В завязанном прозрачном пузыре
 плескалась беззаботно жизнь живая,
 с младенческой глядела простотой
 оттуда на людей в мохнатых шубах,
 на вихрь неодолимый и густой,
 огни автомобилей в снежных клубах.
 Как некий бог, прервав свои дела,
 две истины он дал им в их скитаньи:
 свою ладонь – гарантией тепла
 и литр воды – масштабом мироздания.

24 марта 2015, ред. 26 апреля 2017

Днём в конце марта 2014 года мне навстречу прошёл мужчина, который нёс в полиэтиленовом пакете красных аквариумных рыбок. Пакет держал на голой ладони, другой рукой придерживая сверху узел. Был морозец, лихая пурга. Поразил контраст ранимости аквариумной жизни с разгулявшейся снежной стихией. Пришла мысль, что гарантией будущего для рыбок остаётся только тёплая рука, на которой стоит пакет. Это была

точно зафиксированная тема. Захотелось соединить противоположности – снег и тёплый пузырь воды, сберегающий жизнь. А также другой контраст – заурядный пакет и красоту волшебного фонаря, в который он превратился, когда туда посадили красных рыбок.

Рифмы складывались с усилием, «тепла – числа – дела», «скитанье – мироздание». Написано быстро, в несколько заходов. Около года стихотворение оставалось в первой неудовлетворительной редакции, где первая строфа звучала так:

Шёл человек и словно в пузыре, –
 Что только ни случается на свете! –
 Трёх рыбок цвета солнца на заре
 Нёс в полиэтиленовом пакете.

Они глядели с детской простотой...

Готова в 2017 году к публикации новый поэтический сборник, я опять взялась править это стихотворение. Не нравилась и была неприятно двусмысленной первая строка «человек ... в пузыре». Дублировались пузырь и пакет. Решительным жестом удалила пакет и полностью поменяла смысл и рифму второй и четвёртой строк. Первая строка третьей строфы имела множество редакций, пока обрела завершение. Без изменения осталось лишь последнее четверостишие. Всё выстроилось.

Название «Встреча в снегопаде» крайне важно, так как резко вводит в обстоятельства, которые без названия не сразу будут прочитаны, что размочит впечатление. Точно стоящие опорные слова, создающие настроение чуда, сказочности и при этом трогательной незащищённости: «цвета солнца на заре», «с детской простотой», «свою ладонь – гарантией тепла». Точка фиксации смысла расположена непосредственно в тексте стихотворения, это конкретный вывод, которому целиком посвящено третье четверостишие.

Опубликовано: 9.

УКРОТИТЕЛЬ

Я – дикий зверь, твоей противлюсь власти.
 Люблю тебя. Но укроти меня!
 Я буду кнут лизать в порыве страсти
 и обруч в ослеплении огня.

Пусть я хитра, ты будь хитрее вдвое.
 Я – лютый зверь, ты будь стократно лют.
 Жжёт противостоянье роковое,
 сверканья глаз блистательный салют.

Рыча, хлещу себя хвостом по рёбрам,
 ползу на брюхе с бешенством в крови.
 Убей иль приручи. Будь злым иль добрым.
 Но, приручив, меня переживи.

2 февраля 2014

Стихотворение о первой любви, которая часто становится противостоянием, и затяжной процесс приводит к разрыву. Люди расходятся, но любовь остаётся и по-прежнему причиняет страдание. Кто-то в схватке характеров должен покориться. Каждый страстно хочет покориться, но препятствует его дикая звериная воля. Он надеется на укротителя, но и тот не так силен и опытен, чтобы справиться с сопротивлением.

В работе над стихотворением главной задачей было показать ярость противостояния. Взвинтить смертельную опасность в образе хищного зверя, готового погубить и погибнуть. Используются предельно энергичные, с мощным внутренним потенциалом слова. Настроение стихотворения – высокое напряжение, сверкающее электрическими разрядами на фоне глухой тоски неразрешимости. Речь идёт о противостоянии зверя и укротителя, но в подоплёке – противостояние в людях звериного и человеческого, разумного и стихийного, созидательного и разрушительного. И что побеждает в тебе самом, такой результат ждёт и твою любовь. Неизбежный и закономерный вывод.

Стихотворение написано от строки, которая стала итоговой: «но, приручив, меня переживи». Она раскрывает уже третий смысл: приручённый, освобождённый от необходимости противостояния, охвачен великой любовью, которая вся сконцентрирована на укротителе. Здесь, фактически, повторен смысл цитаты из повести «Маленький принц» Экзюпери: «Мы в ответе за тех, кого приручили». Интересно, что эту параллель я заметила, только работая над данной книгой. Укротитель становится центром мироздания и смыслом жизни, которая без него невозможна.

Опубликовано: 9.

Определение «философское стихотворение», в общем-то, масло масляное. Но, кроме того, что оно не нужно, оно крайне опасно, так как вносит в божественную поэзию низменную рознь. Ведь стихотворение прочитывается не только умом, как навязывает определение, но и подсознанием, душой, характером, порывами. Критерий совершенства – не философское содержание, а точно переданное настроение, которое пережил поэт и перевёл в строки так, чтобы они вызвали в читателе именно то настроение, с которого всё началось, и тогда круг взаимопонимания замыкается.

Какая есть логика в собирании букета во время лесной прогулки, в ловле бабочки на лугу? Все движения естественны, всё подчинено увлекательности процесса. Лишь собрав букет или поймав бабочку, человек способен задуматься над тем, как всё происходило, и тогда уже сделать какие-то выводы, понять внутренние механизмы своих поступков и движений, угадать философскую подоплёку события, подивиться логике, которая существует в, казалось бы, стихийном процессе.

Когда мы говорим о глубине мысли, совпадении смыслов, о вдохновении и внезапном откровении в стихотворчестве, то это не пустые слова, а осознание причастности к единожды запущенному процессу поэтического мышления, вечного на все времена, в недрах которого сплетаются достижения прошлого и будущего, трагичного и ироничного, поверхностного и глубокого. Именно об этом мы всегда хотим узнать у мастеров прошлого, остро чувствуя, что именно в этом наследуем им.

ПРИМЕЧАНИЯ

Александрова гора – высокий холм на северном берегу Плещеева озера, Ярославская область (С. 212).

Андерсен Ганс Христиан (1805–1875) – датский прозаик и поэт, автор всемирно известных сказок (С. 214).

Андреева Алла (1915–2005) – художница, жена Даниила Андреева, почти 30 лет хранила его рукописи. После 1985 года организовала их публикацию, выступала с чтением его стихов (С. 76).

Андреев Даниил (1906–1959) – писатель, философ, автор мистического сочинения «Роза Мира» (С. 75, 76).

Анненский Иннокентий (1855–1909) – поэт, драматург, переводчик, критик, исследователь литературы и языка (С. 71).

Артёмов Владислав – поэт, прозаик, публицист, с 2012 года главный редактор журнала «Москва» (С. 66).

Ахмадулина Белла (1937–2010) – лирический поэт, писатель, переводчик (С. 232).

Бабенко Виталий – писатель, журналист, переводчик, издатель, преподаватель ИЖЛТ: семинар «Научная фантастика и детектив» (С. 94).

Баранов Юрий – поэт, прозаик, литературный критик (С. 99).

Бежин Леонид – писатель, переводчик, ректор и преподаватель ИЖЛТ: семинар «Проза» (С. 22, 179).

Блок Александр (1880–1921) – поэт, писатель, публицист, драматург, переводчик, литературный критик (С. 54).

Борисов-Мусатов Виктор (1870–1905) – художник, был близок к объединению «Мир искусства» (С. 49).

Бродский Иосиф (1940–1996) – поэт, эссеист, драматург, переводчик, лауреат Нобелевской премии по литературе 1987 года. Стихи писал преимущественно на русском языке (С. 81, 82).

Брюсов Валерий (1873–1924) – поэт, прозаик, драматург, переводчик, литературный критик и историк. Один из основоположников русского символизма (С. 138, 139).

Булгаков Михаил (1891–1940) – писатель, драматург, автор романа «Мастер и Маргарита» (С. 126).

Булгаковский дом – Музей-театр Михаила Булгакова, расположен в Москве, ул. Большая Садовая, 10, он же 302-БИС (С. 105, 126, 129, 134, 137, 235).

Бунин Иван (1870–1953) – писатель и поэт, лауреат Нобелевской премии по литературе 1933 года (С. 38, 39).

Бурич Владимир (1932–1994) – поэт, переводчик, теоретик и пропагандист верлибра (С. 56).

Высоцкий Владимир (1938–1980) – поэт, актёр и автор-исполнитель песен (С. 6).

Галамага Андрей – поэт, драматург, сценарист (С. 105).

Горпенко-Мягкова Ирина – руководитель научно-методического отдела музея-театра «Булгаковский дом» (С. 126, 129, 134, 137).

Гресько Максим – поэт (С. 3).

Достоевский Фёдор (1821–1881) – писатель, философ и публицист (С. 228).

Евтушенко Евгений (1933–2017) – поэт, прозаик, сценарист (С. 139).

Егоров Вадим – поэт, бард, автор песен (С. 15).

Елизавета Фёдоровна, великая княгиня (1864–1918) – основательница Марфо-Мариинской обители (Москва, ул. Большая Ордынка) (С. 36).

Ерофеев Венедикт (Веничка, 1938–1990) – писатель, автор поэмы «Москва – Петушки» (С. 114).

Зейтинлик, мемориал – самый большой военный некрополь в Греции (Салоники). Здесь захоронены 20500 союзных солдат Антанты, в том числе русских войск, павших на Македонском фронте в годы Первой мировой войны (С. 146, 147).

ИЖЛГ – Институт журналистики и литературного творчества, находится в Москве. Одно время размещался в здании редакции «Литературной газеты» в Костянском переулке. Основан в 1996 г. писателем Леонидом Бежиным (С. 22, 25, 28, 54, 87, 94, 177, 179, 188, 217).

Кант Иммануил (1724–1804) – немецкий философ, основатель немецкой классической философии (С. 112, 113, 114).

Климт Густав (1862–1918) – художник, основоположник модерна в австрийской живописи (С. 227, 229).

Козьма Прутков – коллективный псевдоним, под которым выступали в 50–60-е годы XIX века поэты Алексей Толстой и братья Жемчужниковы (С. 17).

Королёв Алексей (1944–2017) – поэт, тонкий знаток фразеологии (С. 17).

Кривомазов Александр – кандидат физико-математических наук, поддерживал Арсения Тарковского в его последние годы жизни. Воспоминания опубликованы в журнале «Компьютеры в учебном процессе», № 6, 1998, с. 103–160 (С. 46).

Курбатов Валентин – литературный критик, литературовед, прозаик (С. 3).

Куршская коса – песчаная полоса суши, отделяющая Куршский залив от Балтийского моря (С. 118, 119, 120).

Леви Карло (1902–1975) – итальянский писатель, художник и политический деятель (С. 92).

Ле Корбюзье́ (Шарль-Эдуар Жаннерё-Гри, 1887–1965) – французский архитектор, художник и дизайнер (С. 7).

Лесневский Станислав (1930–2014) – литературный критик, литературовед, с 2001 по 2014 директор издательства «Прогресс-Плеяда», инициатор восстановления усадьбы Блока «Шахматово» (С. 34).

Манизер Матвей (1891–1966) – скульптор, классик социалистического реализма, большие монументальные работы выполнил для Московского метрополитена (С. 236, 237).

Матвеев Александр (1878–1960) – скульптор, искусствовед и педагог, друг художника Борисова-Мусатова, автор установленного на его могиле в 1911 г. памятника (С. 49).

Мёрлин – мудрец и волшебник, наставник и советник короля Артура в британском цикле легенд V–VI веков (С. 154, 155).

Мессерер Борис – театральные художник, сценограф, педагог (С. 232).

Микушевич Владимир – поэт, прозаик, переводчик, религиозный философ, преподаватель ИЖЛТ с 1996 по 2016 год: семинары «Поэзия» и «Художественный перевод» (С. 25).

Митлянский Даниэль (1924–2006) – скульптор, заслуженный художник РСФСР (С. 26).

Нарциссов Вадим – историк, специалист по древнерусскому искусству, экскурсовод, старший научный сотрудник Государственной Третьяковской галереи (С. 59, 60).

Нестеров Михаил (1862–1942) – художник, участник товарищества передвижных выставок и объединения «Мир искусства» (С. 36).

Нещеретов Сергей (Зенкевич) – поэт, переводчик, искусствовед, литературный критик (С. 138).

Окуджава Булат (1924–1997) – поэт, бард, прозаик, сценарист и композитор (С. 5).

Омар Хайям (1048–1131) – персидский философ, математик, астроном и поэт (С. 225).

Потупов Евгений – журналист, писатель (С. 138, 139).

Пригов Дмитрий (Дмитрий Александрович, 1940–2007) – поэт, художник, скульптор. Один из основоположников московского концептуализма (С. 225).

Пушкин Александр (1799–1837) – национальный русский поэт, драматург и прозаик первой трети XIX века (С. 128, 225).

Рабинович Вадим (1935–2013) – философ, поэт и прозаик, культуролог, переводчик, преподаватель ИЖЛТ (С. 28, 29).

Романов Борис – поэт, писатель, переводчик, биограф Даниила Андреева; в 1999–2000 преподаватель ИЖЛТ: семинар «Поэзия» (С. 5, 76, 87, 188, 195, 217, 218).

Рыльский Максим (1895–1964) – украинский поэт, переводчик, публицист (С. 87).

Синь-Камень – священный камень близ Переславля-Залеского, на Плещеевом озере под Александровой горой. Подлинный ритуальный объект, сохранившийся со времён языческой Руси (С. 212, 213).

Спасо-Евфимиев монастырь в Суздале – основан в 1352 г. В 1923–1968 годах был местом заключения. В 1946–1967 годах здесь

размещалась колония для несовершеннолетних преступников, мальчиков и девочек (С. 53).

Суворов Александр (Естиславович) (1965–2016) – поэт, литературовед, эссеист (С. 88).

Тао Юаньмин (365–427) – китайский поэт (С. 176).

Тарковский Арсений (1907–1989) – поэт и переводчик (С. 46, 47, 51).

Устинова Елена – литературный редактор, до 2012 года заведующая отделом поэзии в журнале «Москва» (С. 87).

Франко Иван (1856–1916) – украинский писатель, поэт, учёный, публицист (С. 87).

Цветаева Марина (1992–1941) – поэт, прозаик, переводчик (С. 49).

ЦДЛ – Центральный дом литераторов – московский клуб писателей, основан в 1934 году (С. 34, 148).

Шевченко Екатерина (Михайловна) – поэт, прозаик, в 1990-х годах студентка, с 2003 преподаватель ИЖЛТ (С. 29).

Шел Николай – поэт, переводчик (С. 217).

Щусев Алексей (1873–1949) – архитектор, академик архитектуры (С. 36).

Экзюпери (Антуан де Сент-Экзюпери, 1900–1944) – французский лётчик и писатель, автор повести «Маленький принц» (С. 27, 241).

КНИГИ И ПУБЛИКАЦИИ ГАЛИНЫ ЩЕРБОВОЙ

Книги

1. Просто: стихи. М.: Кругъ, 2006.
2. Сквозь пальцы: стихи. М.: Кругъ, 2009.
3. Три желания: статьи, эссе. М.: Кругъ, 2011.
4. Любимый художник: стихи. М.: Кругъ, 2012.
5. Сто стихотворений. М.: Кругъ, 2013 (Серия «Сто стихотворений»).
6. Вовремя: стихи. М.: Изд-во «У Никитских ворот», 2014 (Серия «Московские поэты»).
7. Ключевые слова: статьи, эссе. М.: Кругъ, 2015.
8. Прозрачное: стихи / авторское рукописное издание. Тираж 3 экз. 2015.
9. Вылитая пятница: стихи. Ижевск: Изд-во «Алкид», 2017 (Серия «Новый человек»).

Публикации в альманахах, сборниках,
периодических изданиях,
на Интернет-порталах

10. Картинки и стишки: роман // Литературные знакомства, 2013. № 1.
11. [Стихи] // Большой стиль журнала Москва: В 2 т. М.: изд-во журнала «Москва», 2014. Т. 2.
12. [Стихи] // Московский год поэзии. 2014. М.: Литературная газета: ИПО «У Никитских ворот». 2014.
13. [Стихи] // Литературные знакомства. 2014. № 2.
14. [Стихи] // Интернет-портал «Русская Жизнь», журнал «Русское поле». 2015. Вып. 7; журнал «Молоко». 2017. Вып. 7. <http://www.ruspole.info/taxonomy/term/2282>

15. Серый шлейф: фантастический роман // Интернет-портал «Русская Жизнь», журнал «Русское поле». 2017. Вып. 2, 3, 5. <http://www.ruspole.info/taxonomy/term/2282>
16. [Стихи] // Антология современной поэзии «Лого-рифм». Ижевск: Алкид, 2017.
17. [Стихи] // Спасовый август: Сборник поэзии и прозы. Смоленск: Маджента, 2017.
18. [Стихи, проза] // Родник: Литературно-художественный альманах. № 4 / Смоленское областное литературное объединение «Родник» им. Юрия Пашкова. Смоленск: Маджента, 2017.
19. [Стихи] // Словенское поле 2017: Стихи, Псков, 2017.
20. [Стихи] // Журнал «Арион».
21. [Проза] // Журнал «Грани».
22. [Стихи, проза] // Журнал «Литературная учеба».
23. [Стихи, проза] // Журнал «Москва». <http://moskvam.ru/publications/?author=152>
24. [Стихи, проза] // Журнал «Новый мир»; сайт Фонда «Новый Мир». <http://novymirjournal.ru/index.php/blogs/blogger/listings/scerbw>
25. [Стихи] // «Брянская учительская газета».
26. [Стихи] // «Литературная газета» http://lgz.ru/author/Sht%D0%B5rbova_Galina/?sphrase_id=269951
27. [Проза] // «НГ-Exlibris» – приложение к «Независимой газете» <http://www.ng.ru/authors/32909/>
28. [Проза] // «Перемены». Толстый веб-журнал XXI века. http://www.peremeny.ru/blog/author/galina_shherbova
29. [Проза] // Литературный фонд // Проза. Драма. Поэзия. (Антология). М.: «Русский литературный центр», 2018.
30. [Проза] // Только одна ты, подруга и спутник. К 100-летию со дня рождения Аллы Александровны Андреевой // Сост., подгот. текста и примеч. Бориса Романова. М.: Кругъ, 2015.
31. [Проза] // Святая простота: [юмористические рассказы]. – Южно-Сахалинск: ОАО «Сахалинская областная типография», 2015.
32. [Проза] // Серебряный голубь России: [сборник материалов конкурса «Серебряный голубь России 2017»]. – СПб: изд-во СПб ООК «Аврора», Библиотека журнала «На русских просторах», 2018.

СОДЕРЖАНИЕ

От автора	3
---------------------	---

Глава 1. Истории стихов

Детский сон	11
«А осени к лицу бесшумный дождь...»	15
«Случайно подслушаю, что заливают дожди...»	16
«Я пестую стихи, как римская волчица...»	18
Образ счастья	20
«Я узнаю у вас мой взгляд...»	22
Гений	24
Маленький принц	26
Французские петушки	28
«Поцеловала мать в щёку...»	31
«Как быстро...»	32
«Мы любим друг друга...»	33
«Как рано...»	34
Марфо-Мариинская обитель	35
Смерть философа	38
Марина	40
Археолог Милэ	42
Каравай	44
Я буду камнем	46
Мусатовский косогор	48
Деревенский сонет	50
Шёл снег с дождём	52
Моё имя Галина	56
«Я в феврале весной увлечена...»	58

Красные павлины	59
Вертушка	62
Липовые слёзы	64
Киевляне	67
Смешалось время	68
Маюсь до рассвета	70
На противоположном берегу	72
Уездный город	74
От мая к октябрю	77
Фотография музыки	78
Вершительница судеб	80
Ослабло солнце	83
«Блестит под росами гречиха...» (перевод из М. Рыльского)	86
Снегопад к чаю	88
Весенняя охота	90
Дикая Лукания	92
Лавка ароматов	94
«Огромный мир в объятых заключу...»	96
Медведица	98
Озеро Усмынь	100
«Сошла с шестого этажа...»	102
«Бескровно небо...»	104
Облако-единорог	106
Сизифов камень	108
«Я тоже помню лунную дорожку...»	110
Город Канта	112
Формула	115
«От Южно-Сахалинска к Кунаширу...»	116
Коса	118
«Ихтиологи...»	123
Желание снега	124
Сонет Булгакову	126
«Огонь доисторических времён...»	130
Единственное правило	133
Мчат медведи	138
Мартовское солнце	140
«Вдруг с утра с хорошим настроением...»	142

Бешеные ветры	144
Македонский фронт	146
Вот незадача	149
Золотой запас	150
Благоухание белого	152
Чудовище	154
Коалиция беззонтовых	157

Глава 2. Стихи из романа

«Линялый лес, таясь в глуши укромной...»	163
Начало	166
«В ноябрьские сумерки...»	169
«Слабым пальцем свечи оживляется стол мой...»	173
Урок древнекитайского	176
На теплоходе	178
Венчание на крыше	180
«Мы взяли чистый лист и занесли перо...»	184
Оттепель	186
Оттиск в памяти	190
Свиданье в Ботаническом саду.	192
«Вокруг шуршат коричневые листья...»	194

Глава 3. Изнанка души

<i>Как получают стихотворения</i>	199
Ночной снегопад	201
Смоленское дворянство	204
Живые акварели	207
Травяное море	210
Александрова гора	212
Русалка	214
Триолет-шутка	217

Глава 4. Ненужное определение

<i>Рассуждения о понятии «философская поэзия»</i>	223
Густав Климт	227
«Залиловели кончики берёз...»	230

Бела	232
Поэтесса читает стихи.	235
Тотемы Манизера.	236
«Мой верный спутник, время холодеет...»	238
Встреча в снегопаде	240
Укротитель.	242
Примечания	245
Книги и публикации Галины Щербовой	250

Галина ЩЕРБОВА

Система случайностей

ЭТЮДЫ О СТИХОСЛОЖЕНИИ

Оформление автора

Корректор *М.М. Уразова*

Верстка *Л.А. Шелковой*

Издательство «Кругъ»

Тел. 8(962) 934-81-81

E-mail: krugh@yandex.ru

Подписано в печать 25.07.2018

Бумага офсетная. Гарнитура «Baskerville». Тираж 120 экз.

Формат 60x84¹/₃₂ Печ. л. 8,0. Заказ №

ISBN 978-5-7396-0428-6



9 785739 604286

Отпечатано в типографии ООО «Буки Веди»

115093, г. Москва, Партийный переулок, д. 1, корп. 58, стр. 3, пом. 11

Тел.: (495) 926-63-96, www.bukivedi.com, info@bukivedi.com